

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет»
Научно-исследовательский институт прикладной этики

ВЕДОМОСТИ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

Выпуск пятьдесят шестой

**ПРОФЕССОР
В ТРАНСФОРМИРУЕМОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
«ВНЕ-АЛИБИ-БЫТИЕ»**

Под редакцией В. И. Бакштановского

Тюмень
ТИУ
2020

Профессор в трансформируемом университете: «вне-алиби-бытие». Ведомости прикладной этики. Вып. 56 / под ред. В. И. Бакштановского. – Тюмень: НИИ ПЭ ТИУ, 2020. – 176 с.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

ISSN 2413-0451 (Online)

Справедливо ли возлагать на профессоров ответственность за удержание идентичности университета в ситуации его трансформирования? Обладает ли сегодня университет хотя бы минимумом свободы для самоопределения? И следует ли ожидать от университетского профессора усилий для поддержания субъектности университета, которой сам профессор во многом лишен? Обращение к теме «вне-алиби-бытие» профессора проблематизирует (не)включенность ценностей этики профессора в спектр ориентиров трансформируемого университета. Этическая рефлексия потенциала субъектности профессора в этом выпуске журнала очевидно выходит за границы осмысления ситуации как тупиковой. Развернутое авторами обсуждение содержит ряд конструктивных подходов в этом направлении. Различные грани прикладной этики рассматриваются в традиционных рубриках журнала: «Миссия университета», «Кафедра прикладной этики»; «Из истории инновационной парадигмы прикладной этики».

РЕДАКТОР

В. И. Бакштановский, д.ф.н., проф., директор НИИ ПЭ ТИУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Р. Г. Апресян, д.ф.н., проф., Институт философии РАН

А. А. Гусейнов, д.ф.н., проф., академик РАН, Институт философии РАН

Е. И. Головаха, д.ф.н., проф., Институт социологии НАН Украины

М. В. Богданова, д.с.н., гл. н. с. НИИ ПЭ ТИУ

Е. В. Беляева, д.ф.н., Белорусский государственный университет

Ю. В. Казаков, к.с.н., Общественная коллегия по жалобам на прессу СЖ РФ

И. М. Ковенский, д.т.н., проф., ТИУ

А. В. Прокофьев, д.ф.н., проф., Институт философии РАН

А. Ю. Согомонов, к.ист.н., Институт социологии РАН

Г. Л. Тульчинский, д.ф.н., проф., НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург

Ответственный секретарь журнала: М. В. Богданова.

Редактор выпуска: И. А. Иванова. Оригинал-макет: И. В. Бакштановская.

Обложка: М. М. Гардубей. В подготовке выпуска участвовала С. П. Нохрина.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

ISSN 2413-0451 (Online)

© Научно-исследовательский институт прикладной этики, 2020

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский индустриальный университет», 2020

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Industrial University of Tyumen»
Applied Ethics Research Institute

**SEMESTRIAL PAPERS
OF APPLIED ETHICS
Issue 56**

**PROFESSOR'S ROLE AT THE UNIVERSITY
DURING THE TIME OF TRANSFORMATION:
EXISTENCE OUTSIDE OF AN ALIBI**

Editor
V. Bakshtanovsky

Tyumen
IUT
2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие редактора</i>	6
<i>Теоретический поиск</i>	
<hr/>	
<i>А.А. Скворцов</i> О вине и ответственности профессора	10
<i>Р.Г. Апресян</i> Идентичность университета: удерживать или менять?	20
<i>А.А. Сычев</i> Свобода, зависимость и ответственность в пространстве университета	30
<i>А.В. Прокофьев</i> О некоторых аспектах этики журнального рецензирования	42
<i>Г.Л. Тульчинский</i> Не-алиби на лопате цифровизации	66
<i>А.Ю. Согмонов</i> Этическая повестка «цифрового общества»	71
<i>Рубрика академика А.А. Гусейнова</i>	
<hr/>	
Этические заметки о коронавирусе	86
<i>Миссия университета: гуманитарное консультирование стратегии развития</i>	
<hr/>	
<i>М.В. Богданова</i> Между традицией и инновацией: к вопросу о преемственности в профессорском деле	98
<i>Кафедра прикладной этики</i>	
<hr/>	
<i>Ю.Н. Москвич, Е.Н. Викторук</i> Этика профессора в изменяющихся университетах	109
<i>В.А. Абилькенова</i> Цифровая эпоха и новая ситуация выбора современного журналиста	118

Из истории инновационной парадигмы

<i>Круглый стол редакции Вестника «Этика успеха»</i>	
Этика и этос корпорации	133
<i>Г.С. Батыгин</i>	
Профессионалы в расколдованном мире	158
Summary	168
Авторы выпуска	173
List of authors	174
О журнале	175

Предисловие редактора

Выпуском 56-м завершается проект НИИ прикладной этики, посвященный этике профессора. Этот выпуск собран вокруг темы «*Профессор в трансформируемом университете: "вне-алиби-бытие"*».

Профессорство – символ университета. В большей мере, чем иные участники университетской корпорации, профессорство способно в непредсказуемых, невероятных по силе воздействия ситуациях продуцировать и продвигать ориентиры идентичности университета. Однако потенциал профессорства востребован слишком мало. В этих обстоятельствах возникает позиция «алиби» профессора в институциональных изменениях отечественных университетов.

Тема «вне-алиби-бытие» профессора в ситуации таких изменений выступает метафорой проблематизации (не)включенности ценностей этики профессора в ситуацию трансформируемого университета, в спектр его ориентиров. Характеристика «вне-алиби-бытие» выражает здесь, скорее, проявление воли к смыслу, в том числе через ориентацию на реально-должное в деятельности, которую профессор избрал своим собственным делом. Иначе есть риск, что имя «профессор», поддерживаемое лишь внешними нормами, хотя и сохранится в иерархии статусов университета, но утратит свою аутентичность.

Этическая конкретизация темы содержит уточняющие вопросы-проблематизации. Справедливо ли возлагать на профессоров ответственность за удержание идентичности университета в ситуации его трансформирования – иницилируемого, разрабатываемого и координируемого извне? Обладает ли трансформируемый извне университет хотя бы минимумом свободы для самоопределения? И честно ли ожидать, говоря словами одного из авторов журнала, от «замороженного оцифрованным бюрократическим контролем... профессора», усилий для поддержания субъектности университета, которой сам профессор почти полностью лишен?

Следует подчеркнуть, что этическая рефлексия потенциала субъектности профессора в формировании устойчивости университета к риску превращения в профессиональную школу, в этом выпуске журнала очевидно выходит за границы осмысления ситуации как тупиковой. Развернутое авторами обсуждение темы содержит ряд конструктивных подходов.

А.А. Скворцов, рассматривая вопрос о вине и ответственности профессора, акцентирует внимание на конфликте двух ее типов, на-

лагаемых на профессора. Административная ответственность – в силу нахождения профессора во властной вертикали организации – ставит его перед необходимостью исполнять решения руководства. Моральная ответственность исходит из обязанностей, которые профессор принимает на себя добровольно – в силу «не алиби» в бытии. С точки зрения призвания, «вне алиби» в бытие, показывает автор, обозначает ситуацию, когда профессор не может дистанцироваться от своего призвания, как человек не может дистанцироваться от собственной жизни.

Обращаясь к вопросу об удерживании идентичности университета, Р.Г. Апресян обосновывает актуальность уточнения самой идеи «идентичность университета» – как с точки зрения ее субъекта, так и предмета. Тенденция к обособлению разных групп внутриуниверситетского сообщества (прежде всего, профессорско-преподавательского состава и администрации) дифференцирует субъектов идентичности университета исходя из различного понимания его статуса и перспектив. Идентичность университета, с точки зрения автора, представляет собой многоаспектный феномен, некоторые элементы которого в ходе трансформаций заслуживают удерживания, а некоторые – нуждаются в перемене. Делается вывод об актуальности для университета задачи комплексной реидентификации. Характеризуя двойственный характер идентичности профессора (профессиональная и корпоративная), автор подчеркивает, что вне университета и без лояльности его целям профессор не имеет возможности реализовать себя в качестве профессионала.

На проблемах свободы, зависимости и ответственности преподавателя университета сосредоточена статья А.А. Сычева. Автор показывает, что поддержка свободы фундаментальных исследований и преподавания является вложением в экономическое и социальное развитие страны в долгосрочной перспективе, а не только служит обеспечению актуальных потребностей. Попытки ограничения автономии университетов и сворачивания академических свобод, приводящие к превращению его из пространства воспроизводства свободы в институт ее властного подавления, обесмысливают деятельность преподавателя и служат, в том числе оправданием для признания им своего «алиби в бытии». Принятие преподавателем на себя персональной ответственности за свою деятельность и условий ее возможности рассматривается в качестве выхода из пассивного состояния. При этом сохранение академической свободы и автономии – необходимых условий существования университета – рассматривается как находящееся в поле ответственности преподавателей.

Обращаясь к вопросу о перспективах профессорского дела в социальном пространстве трансформируемого университета, М.В. Богданова акцентирует внимание на потенциале ситуаций инициативного включения преподавателей в инновационные практики в сфере научно-образовательной деятельности. На примере относительно нового формата деятельности – образовательной программы с проектным методом обучения – показывается потенциал такого рода ситуаций как с точки зрения намерений встраивания профессиональных биографий в университет, так и для поддержания преемственности в профессорском деле.

Развивая в контексте исследовательской деятельности тему академического гражданства, поднятую в предшествующих выпусках «Ведомостей прикладной этики», А.В. Прокофьев показывает, что академическое гражданство в этой сфере а priori не может ограничиваться отдельным университетом. Рассматривая научные журналы в качестве центральной части инфраструктуры академического сообщества в сфере представления результатов научных исследований, автор анализирует значимые аспекты этики рецензирования рукописей в академических журналах, в том числе проблемы мотивации рецензентов. Оптимальными мотивами рецензирования – отличающимися как от чистого альтруизма, так и от карьерного прагматизма – являются мотив академического служения и академического гражданства (третьей части академической этики, наряду с преподаванием и исследованием).

Попытку обобщения этических факторов форсированного перехода высшего образования в цифровой формат предпринимает Г.Л. Тульчинский. Уделяя основное внимание самоопределению профессионального сообщества преподавателей высшей школы, автор обосновывает востребованность институционализации гуманитарной экспертизы, предмет которой составляли бы не только последствия цифровизации образования, но и разработки новых технологий, и степень необходимости их внедрения. Отсутствие экспертизы такого рода, с точки зрения автора, ставит под удар интересы основных участников научно-образовательной деятельности – студентов и преподавателей.

Выбрав тему моральной трансформации современного «цифрового общества», А.Ю. Согомонов в своей статье акцентирует внимание на проблеме этической рефлексии процессов такого рода. Поскольку моральное сознание и нравственное поведение изменяются быстро и по непредсказуемому для классической этической теории сценарию, философу, с точки зрения автора, предстоит (не полагаясь только на эвристические возможности простой аппликации фило-

софской этики к меняющимся обстоятельствам) проявить внутреннюю способность и готовность к последовательной этической трансформации. Отсутствие этической рефлексии «цифрового общества» создает риск возникновения в ближайшем будущем своего рода нравственного коллапса – конкурирующего сосуществования разных этик, новых возможностей для людей без принятия ими долгосрочных нравственных обязательств.

Затронутые в статьях Г.Л. Тульчинского и А.Ю. Согомонова проблематизации, обладают потенциалом для продолжения разрабатываемой в НИИ ПЭ темы «Этика университета». Одним из аспектов ее дальнейшего исследования может быть гуманитарная экспертиза университетской этики в условиях цифровизации университета.

В 56-м выпуске представлены рубрики, традиционные для журнала, – «Рубрика академика А.А. Гусейнова», «Кафедра прикладной этики», «Из истории инновационной парадигмы прикладной этики».

А.А. Скворцов

УДК 174

О вине и ответственности профессора

Аннотация. Статья посвящена обсуждению вопроса об ответственности рядовых сотрудников университета за трансформации, происходящие с высшим образованием в последнее время. Автор утверждает, что сотрудники университета оказались в поле действия двух видов ответственности: моральной, принимаемой добровольно, и административной, навязанной извне. Первая – следствие осознания своего статуса как носителя высокой культуры, ответственного за интеллектуальное развитие общества. Вторая, напротив – стремится уничтожить идентичность профессора и превратить в безличного исполнителя приказов, то есть исключить требования первой. Система обязательств, навязываемых административной ответственностью, нередко выглядит абсурдной, а её обращения к сотруднику все чаще содержат в себе угрозу. В этой ситуации нельзя возлагать ответственность на рядового профессора за сохранение идентичности университета, поскольку он становится жертвой серьезных ситуационных факторов, противостоять которым индивидуально у него нет возможности. Тем не менее справедливо возлагать на профессора моральную ответственность за судьбу его научного направления, передачу знаний молодому поколению и за развитие интеллектуальной культуры.

Ключевые слова: этика, академическая этика, вина, ответственность, образование, наука, ценности.

Вопрос, поставленный НИИ ПЭ о «вне-алиби»-бытии профессора предельно заостряет внимание именно с точки зрения этики индивидуальной ответственности. «Не алиби» в бытии, согласно М.М. Бахтину, это ситуация, когда человек не может «выпрыгнуть» из своего человеческого статуса, т.е. перестать быть принимающим решения и действующим существом. «Алиби» – означает «в другом месте», а человек не может быть «в другом месте», т.е. чистым наблюдателем жизни. «Эта утвержденная причастность моя, – пишет М.М. Бахтин, – создает конкретное долженствование – реализовать всю единственность, как незаменимую во всем единственность бытия, по отношению ко всякому моменту этого бытия, а значит, превращает каждое проявление мое: чувство, желание, настроение, мысль – в активно-ответственный поступок мой» [3]. И долженствование, и незаменимость, и активность, и ответственность – все эти явления неотделимы от человеческой «единичности». Как потом показывает Бахтин, ответственность – главная из них; невозможно поступать и думать, что за тебя действует кто-то другой, и также невозможно по-

ступать, полагая, что твой поступок останется без последствий. Но «единичность» неизбежно включает в себя множественность, ибо рассыпается сразу на несколько социальных ролей и статусов. И вопрос НИИ ПЭ касается, в первую очередь, профессионального статуса профессора: он также предполагает «не алиби» в его бытии? В данном случае нельзя однозначно сказать, что профессор «не может выпрыгнуть» из своего статуса; напротив, вполне может. Он в состоянии уйти из университета, заняться чем-то другим, либо – что ещё хуже – остаться в университете, но заниматься деятельностью, которая раньше считалась несвойственной для профессора. В первом случае, ухода, это будет именно поступок, воплощающий человеческое «не алиби» и утверждающий профессиональное алиби. Но это все-таки – не ответ на вопрос. Если профессор ныне имеет мужество остаться в своем университете, то насколько он ответственен за то, что происходит? И вправе ли общество, к примеру, родители абитуриентов и студентов, вменять вузовским профессорам эту ответственность? Для них лицом университета до сих пор являются именно профессора и преподаватели, а не реальные хозяева нынешних университетов – чиновники и менеджеры.

Вопрос о вине и ответственности – крайне запутанный в философии. С одной стороны, тот факт, что мы будем говорить об ответственности носителя профессионального статуса, профессора, несколько упрощает дело: здесь возможно хотя бы приблизительно очертить круг обязанностей. С другой стороны, профессор также остается человеком с его несомненным «не алиби» в единичном бытии. И сейчас часто бывает так, что обязанности, налагаемые на профессора, могут быть относительно терпимыми с точки зрения сотрудника организации, но абсолютно нетерпимыми с человеческой точки зрения. Этот конфликт делает вопрос не просто запутанным, но и дилеммным. Еще лет десять назад трудно было представить, насколько часто профессору придется идти на сделку с совестью. Причина этих коллизий заключается в конфликте двух типов ответственности, налагаемых на сотрудника университета. Первая, назовем её «административной», предъявляется по факту нахождения профессора во властной вертикали организации и ставит его перед необходимостью исполнять решения руководства. Вторая, назовем её «моральной», – исходит из обязанностей, которые профессор, в силу «не алиби» в бытии, добровольно принимает на себя. Первая ответственность – следствие занимаемой должности, вторая – исходит из идеальных представлений, основанных на убеждении, что положение профессора как педагога и ученого – не только профессия, но и призвание. И с этой точки зрения «не алиби» в бытии – ситуация, ко-

гда профессор не может дистанцироваться от своего призвания, равно как обычный человек не может дистанцироваться от собственной жизни. Быть профессором, а в более широком смысле – сотрудником университета, не просто должность, а по определению, некое особое положение человека, причастного и к науке и образованию, и к легендарной истории своего вуза. Так большинство профессоров ещё из недавнего прошлого понимали смысл своего существования, а точнее – служения. Именно так их работа воспринималась в общественном сознании.

Еще в недавнем времени два вида ответственности не конфликтовали между собой. Административные требования не мешали профессору двигаться в поле своего призвания, а иногда даже помогали, например, когда сотруднику предоставляли творческий отпуск для написания научного труда. В таких условиях многие жители университетов справедливо считали себя свободными людьми, в том плане, что могли преподавать так, как считали нужным, исследовать темы по собственному выбору и публиковать результаты там, где считали правильным. Конечно, свободные условия работы не всегда давали профессору материальное благополучие, но даже в возможностях подработки в других организациях он редко был стеснен. Некоторые ведущие университеты даже гордились тем, что их сотрудники востребованы и поощряли совместительство. Но в последние годы все очень изменилось. Настолько, что сотрудники, проработавшие не один десяток лет, не только перестали узнавать свои университеты, но даже отказываются верить в то, что в них происходит. Вузы стали стремительно превращаться в то, что Э. Гоффман назвал «тотальными институтами», где существует непреодолимая грань отчуждения между руководством и безликой массой сотрудников [4]. В таких организациях два поля ответственности неизбежно начнут конфликтовать между собой. Складывается впечатление, что административная ответственность едва ли не специально оказалась направленной на стирание черт индивидуальной моральной ответственности профессора, а она в свою очередь не может примириться с происходящим и вынуждена постоянно находиться в позиции его осуждения.

О содержании этих трансформаций мне приходилось неоднократно говорить в предыдущих статьях. Суть их сводится к тому, что университеты перестают быть центрами образования и культуры, стремительно превращаясь в некий гибрид государственной корпорации и бизнес-организации, нацеленный на штурм контрольных цифр, спущенных сверху. Частично эти цифры не имеют прямого отношения к миссии университета, например, количество привлеченно-

го финансирования на каждого сотрудника или число проведенных культмассовых мероприятий. Формализация всех сторон академической жизни приводит к разрушению педагогического процесса в его традиционном понимании. Профессору, измученному постоянными требованиями улучшать статистику вуза по разным направлениям, больше нет возможности искать новые пути донесения своего знания до молодого поколения исследователей. Знание растет, изменяется и усложняется очень быстро; для его передачи требуются новые методики трансляции, но как их найти, если даже незначительное время, оставшееся у профессора для педагогической работы, уходит на подготовку формальных программ учебных курсов и множества отчетов по успеваемости и нагрузке. Да и само знание все меньше имеет возможности найти путь к студентам. Ликвидация кафедр и факультетов, сокращение преподавателей, неизбежно приводит к исчезновению из учебных планов сложных, уникальных курсов, единственно благодаря которым новички становятся специалистами высокого уровня. Зато в пространстве вузов появляется множество «внеучебных мероприятий», призванных «разнообразить» учебный процесс, а на деле отвлекающих студентов и сотрудников от сосредоточенной работы. Лучшую оценку такому «процессу» дают не преподаватели, а главные потребители «образовательных услуг» (так написано в законе «Об образовании») – абитуриенты и студенты. Обратил ли кто-нибудь из нас внимание, как за последние годы в десятки раз в сети увеличилось количество сайтов, посвященных получению высшего образования за границей? Причем это не только сайты, но и обучающие видео, подкасты и даже целые образовательные курсы на коммерческой основе. Их – десятки, т.е. родители готовы даже заплатить деньги, чтобы получить навык по отправке ребенка учиться за рубеж. Раньше образование там получали только избранные и богатые, а теперь – это становится массовым явлением. По опыту общения с талантливыми школьниками знаю, что учебу в западных университетах они рассматривают как приоритетную задачу, а высшее образование в ведущих российских вузах – как второстепенную. Один из мотивов, бесспорно, – боязнь не получить нужных баллов по ЕГЭ; а также распространенное среди таких школьников убеждение, что в российских вузах они не получают качественного образования. Особенно это касается выпускников профильных гимназий, получивших очень хороший набор знаний, исполнивших тяготы по штурму ЕГЭ, добившихся поступления в элитный вуз. Многие из них специально выбирали будущую профессию, с большим энтузиазмом шли учиться, но быстро поняли, что в университете они почти никому не нужны: ни педагогическому составу, занятому рутинной деятельно-

стью по изготовлению бессмысленных бумаг; ни управленческому слою, занятому подготовкой отчета по освоению бюджета. Интересно бы узнать статистику: сколько разочарованных студентов успевают за шесть лет обучения перебежать из вуза в вуз в поисках более приемлемого качества обучения. Даже в ведущих вузах таких набирается часто до половины курса. Но никто эти данные считать не будет, ибо никто в этом не видит опасной тенденции. С точки зрения образовательных властей, качество полученных студентами знаний неуклонно растет. Но, как мы видим, у самих студентов другое мнение.

Можно очень долго перечислять отрицательные явления, появившиеся по итогам хаотичных трансформаций высшего образования. Но наш вопрос заключается в другом: несет ли профессор ответственность за сохранение университета в его традиционном понимании как центра науки, образования и культуры? Или, по-другому: виноват ли профессор в отрицательных явлениях, происходящих ныне в университетах? И здесь надо прежде всего заметить, что ответственность, как явление морального сознания, была всегда неотъемлемой частью индивидуальной этики профессора. В первую очередь, ему всегда требовался личностный рост: он не мог останавливаться на достигнутом, его мироощущение требовало читать, писать, выступать, развиваться, искать новые подходы к преподаванию. И все это воспринималось не только как самоцель, но основывалось на представлении об ответственности и за свой университет, и за свою научную область, и за интеллектуальное развитие, а значит и за будущее своей страны. Получалось, что профессор не просто «читает лекцию», а каждый раз сдает экзамен перед будущим поколением ученых; он не просто публикует статью, а представляет содержательный отчет перед исследовательским сообществом за, возможно, многолетнюю работу; он не просто вступает в общественную дискуссию, но демонстрирует высокий уровень знаний, необходимый для её проведения. Какое-то время единство саморазвития и ответственности за окружающую интеллектуальную среду не подвергалось сомнению ни самим профессором, ни наблюдателями со стороны. И важно заметить, что такую ответственность профессор брал на себя добровольно и даже не мыслил своё существование вне её.

Добровольная моральная ответственность сотрудника университета никогда не имела какой-либо институциональной регуляции: она основывалась только на его добровольном выборе и контролировалась личной совестью. Единственное, что могло угрожать ему за неисполнение высокой миссии –недовольство коллег и учеников, которое в значительно большей степени, чем иные стимулы, побужда-

ло развиваться далее. Но теперь сотрудники университетов все чаще сталкиваются с требованиями внешней, часто вмененной им насильно, ответственностью, которую мы раньше называли административной. Привыкшие к достаточно свободной жизни, они стали чувствовать себя крайне некомфортно в ситуации, когда руководство стремится контролировать почти каждый их шаг. Любое действие (индивидуальное или коллективное) следует сначала запланировать, затем получить на него разрешение сразу нескольких начальников, затем написать ряд отчетов, формы которых успевают меняться не по одному разу в год. Конечно, жизнь вокруг усложняется, она не может оставаться прежней и в университетах. Но здравый смысл подсказывает, что новые требования должны помочь академическим организациям адаптироваться к меняющемуся миру, но этого не происходит. Большинство новых требований – абсурдны и фактически делают университеты нежизнеспособными. К примеру, от сотрудников требуется: резко увеличить число зарубежных публикаций (при нарастающей изоляции страны), повысить индекс цитирования (в ситуации, когда времени на чтение не остается из-за необходимости ударными темпами «производить» новые тексты), повысить количество абитуриентов и конкурс (при демографическом спаде), привлечь дополнительное финансирование и самим увеличить собственные доходы (при не прекращающихся кризисах и общем бюджетном дефиците на образование в стране), увеличить количество защит (при том, что требования все время ужесточаются, а число советов сокращается). Иными словами, требования принципиально невыполнимые, исходящие от непонимания реальной ситуации, забирающие последние университетские ресурсы и все более отдаляющие от передовых мировых тенденций в развитии науки и образования.

Рядовой сотрудник также поставлен в жесткую необходимость исполнять необъяснимые требования, при этом прекрасно понимая, что они имеют небольшое отношение к науке и образованию. Абсурдная составляющая академической жизни ведет к деградации обеих сторон традиционной университетской этики. Саморазвитие профессора стало серьезно затруднено: подготовка бесконечных отчетов и фабрикация бессмысленных текстов ему не способствует, как не способствует и значительное повышение педагогической нагрузки и бюрократии, сопровождающей его. В сущности, из труда профессора стремительно исчезает творческая составляющая и значительно увеличивается рутинная, а значит из свободного обитателя не менее свободного сообщества, изначально посвященного высокой культуре, он превращается в банального сотрудника офиса, чья деятельность жестко регламентирована. Соответственно, исче-

зает также идея моральной ответственности: ни цели университета, ни способы их достижения от сотрудника теперь не зависят. От него требуется только достижение контрольных цифр, которые также успевают поменяться несколько раз в год и хаотично спускаются сверху. И чем меньше он рефлексирует по поводу происходящего, тем лучше для целей организации. Это и есть суть насильно вменяемой административной ответственности: она отчуждает от профессора идентичные для него виды деятельности, основанные на представлении об академической свободе, и стремится сделать из него безличного исполнителя указаний.

Две разновидности академической ответственности противостоят друг другу, но их соперничество – слишком неравное. Индивидуальная моральная ответственность не стремится оценивать никого, кроме собственного носителя; она исходит из уникальности каждого пути в науке и образовании, а также из принципа доверия коллегам. Она не стремится никого наказывать, либо осуждать, ибо сосредоточена на своем призвании. Но совсем по-другому ведет себя административная ответственность. Она навязывается от имени власти и говорит с ещё недавно свободными людьми на языке угроз, и он стал в академическом мире обиденным. Сотрудников ставят перед нехитрым выбором: изо всех сил штурмовать статистические рубежи, либо быть изгнанным из организации. Административная ответственность стремится к постоянной количественной оценке труда, исходя из недоверия к труду её объекта. Каждый носитель её обязан постоянно отчитываться за полученные результаты, а она вправе давать ему оценки. В отличие от индивидуальной ответственности, она не понимает, что такое индивидуальный путь, и стремится к обезличенности своих носителей. По большому счету, ей не важно, кто достигнет контрольных цифр и какие у него заслуги в прошлом, а может и в будущем; производство, нацеленное на количество, не должно обращать внимание на такие мелочи. Как заметил З. Бауман: «Еще одним, не менее важным последствием бюрократического контекста действия является дегуманизация объектов бюрократической операции, возможность выразить эти объекты в чисто технических, этически нейтральных терминах» [2]. Для целей навязанной административной ответственности, стремящейся к обезличенности исполнителей, важно заменить понятия и статусы, обладающие высоким ценностным содержанием, на ценностно-нейтральные, технические термины. Например, звания «профессор» и «доцент» на банальную аббревиатуру «ППС», термин «образование» на «услуга», а «наука» и «исследование» на «публикационную активность».

Исходя из указанного выше конфликта двух видов ответственности, можно переформулировать изначальный вопрос: «Виноват ли профессор в господстве административной ответственности, которая насильно навязана ему извне и угрожает его идентичности»? Абсолютистски настроенный внешний наблюдатель мог бы сказать: если профессор до сих пор принадлежит к своей институции, значит, он виноват во всем, что с ней происходит, в т.ч. в низких оценках высшего образования, которые выносят некоторые студенты и абитуриенты. Действительно, многих коллег и внешних наблюдателей возмущает, насколько мало ныне осталось в университетах носителей добровольной моральной ответственности и как абсолютное большинство сотрудников, исходя из чувства самосохранения, бросилось исполнять приказы руководства, даже самые абсурдные. Не хочется здесь приводить такие примеры, которых может набраться уже не на одно издание. Некоторые даже нашли в новой для себя «морали подчинения» неплохие возможности заработка и карьерного роста. Но все-таки опрометчиво, не понимая, что сейчас происходит с университетами, вменять вину профессорам. Так же, как и нынешний школьник, и переживающие за него родители не могут повлиять на содержание учебной программы, появление новых, все более изощренных методов контроля знания, так и сотрудник современного российского вуза зачастую лишен права оспаривать спускаемые на него сверху директивы. По сути, преподаватели попадают в обстановку «ситуационного зла», мастерски описанной философами от Х. Арендт и С. Милгрэма до З. Баумана и Ф. Зимбардо. У этого зла нет очевидного источника, но оно крайне притязательно, угрожает насильем любой сопротивляющейся индивидуальности, пронизывает большую часть окружающей реальности, и с ним почему-то согласно большинство. Может ли, в таком случае, профессор нести личную ответственность при такого рода «диктатуре цифр» (перефразируя вопрос Х. Арендт)? Разумно предположить, что у него есть лишь три возможности: либо активно сопротивляться, бороться, идти своим путем, но тогда, скорее всего, его существование в организации сделают невыносимым, а потом выгонят, либо, как и советовала Х. Арендт, уйти в уединение (вести «молчаливый диалог... с самим собой») [1] и, насколько возможно, минимизировать собственное участие в коллективном зле, либо, руководствуясь самосохранением, исполнять все указания. Если подумать, то второй вариант – это не выход. Х. Арендт писала о существовании в тоталитарном государстве, где вы хоть и рискуете жизнью, но все же имеете возможность уйти в самоизоляцию, однако в организации так не получится, особенно когда отчеты о всякой активности публикуются едва ли не ка-

ждый день. Да и как можно говорить о «тихом несогласии», «внутренней эмиграции», когда, к примеру, профессор наблюдает за «реорганизацией (т.е. разгромом)» своей кафедры/лаборатории/факультета, которым отдал столько усилий? Здесь надо либо бороться, с минимальными шансами на победу, либо не соглашаться и уходить.

Получается, что ныне справедливым было бы не возлагать на профессора вину и ответственность за происходящее в университетах. Следует понимать, что сегодня рядовые сотрудники вузов столкнулись с ситуационными факторами, возможности противостояния которым значительно превосходят возможности отдельной личности. Предполагать обратное – означало бы предъявить к профессорам требования вступать в героическую борьбу, а для этого надо быть самому героем. Но все же надо помнить, что у профессора есть та – первая, добровольная моральная ответственность, отражающая его призвание. Она требует, насколько возможно, воплощать в жизнь самые высокие стандарты университетской культуры. И если в пространстве академических организаций для неё остается все меньше места, то в обществе, в его образовательном, культурном и научном пространстве есть немало полей для её проявления. Для многих образованных людей в стране, получавших высшее образование в счастливые времена стабильного существования университетской культуры, осталось глубоко уважительное отношение к профессорам и преподавателям. Для них они по-прежнему остаются не только носителями высокой культуры, но и людьми, ответственными за сохранение этой культуры в стране. На передовую науку, современное образование в обществе ныне есть огромный запрос, особенно от тех, кто желает учиться: школьников, студентов, искателей дополнительного образования. Тот факт, что системы среднего и высшего образования не могут адекватно ответить на этот запрос, делает его более актуальным. И перед ними, перед искателями настоящего знания, у профессора нет морального права ссылаться на сложную ситуацию в его организации. За идентичность университета он не может нести ответственность, но он отвечает за судьбу своего научного направления и за трансляцию знаний будущему поколению. Эту ответственность ему можно вменять хотя бы в силу общественных ожиданий и высокого статуса, который профессор занимает в интеллектуальной области. Если университеты деградируют, то себе он не может позволить подобное, и если из них постепенно уходят наука и образование, то его долг быть там, куда они уходят. И если организация мешает ему развиваться, то он должен расстаться с ней и найти себе иные способы развития. «"Не алиби" в бытии профессора» требует от него пребывать там, где ещё дышит и развивается интел-

лектуальная культура, где его ждут, где он востребован, где уважают его индивидуальность. Там появляются новые возможности для саморазвития и перспектива нести ответственность за развитие современных образовательных направлений. И есть надежда, что за отдельными подвижниками в поле содержательного интеллектуального поиска вскоре потянутся и университеты. Это и станет началом их возрождения.

Список литературы

1. *Арендт Х.* Ответственность и суждение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. С. 136-137.
2. *Бауман З.* Актуальность холокоста. М.: Изд-во «Европа», 2010. С. 27.
3. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Бахтин М.М. Собр.соч. Т.1. М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2003. С. 51.
4. *Гоффман Э.* Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. М.: Элементарные формы, 2019.

УДК 17.01 + 17.02

Идентичность университета: удерживать или менять?

Аннотация. Современный российский университет оказался в стремлении разнородных трансформационных процессов. С одной стороны – вызовы эпохи, обусловленные глубокими структурными и функциональными переменами в обществе (глобализация информационных процессов, технологический прорыв в коммуникациях, развитие экономики знаний). С другой – на протяжении не одного десятилетия он подвергается перманентному реформированию. Направленные на то, чтобы вписать российский университет в ключевые тенденции развития высшего образования в современном мире, реформы образования фундаментально недофинансированы, не обеспечены интеллектуально и организационно. Нерешаемость поставленных задач при заданных объективных условиях ведет к углублению обособления между разными группами внутриуниверситетского сообщества, в первую очередь – профессорско-преподавательским составом и администрацией, что становится предпосылкой появления разных групп интересов и, соответственно, дифференциации субъектов идентичности университета. Идентичность как одной, так и другой группы содержит разные векторы, связанные со статусом университета и его перспективами. Таким образом, идентичность университета представляет собой многоаспектный феномен, некоторые элементы которого в ходе трансформаций заслуживают удержания, а некоторые – нуждаются в перемене. Чтобы встать вровень с вызовами времени, университет должен решиться на комплексную реидентификацию.

Ключевые слова: идентичность университета, технологическая революция, экономика знаний, реформа образования, отчуждение во внутриуниверситетском сообществе.

В комплексе вопросов, предложенных главным редактором для обсуждения в данном номере «Ведомостей прикладной этики», выходяще выделяется вопрос об «удержании идентичности университета» и роли в этом профессуры.

Это принципиальный вопрос – стоит ли сегодня перед университетами задача удержания идентичности? А затем, конечно, другие: о какой идентичности идет речь, что требует удержания, что заслуживает этого? Так, весной резкую критику в широких академических кругах вызвала келейно подготовленная инициатива ректора Московского университета им. М.В. Ломоносова перевести факультеты в формат школ с целью придания МГУ ускорения. Нельзя исключать,

хотя определенно об этом никто не знает, что школы эффективнее факультетов. Пафос критики этой затеи, помимо того, что коллективу старейшего российского университета без всяких обсуждений навязывалась новая конфигурация, в том, что в результате такой реформы МГУ мог лишиться своего лица, утратить традиционную идентичность. Такая смена формата, легко прошедшая, как это кажется многим наблюдателям, в молодом университете – Высшей школе экономики, могла стать более чем болезненной для уходящего корнями в историю МГУ.

Школа или факультет – это по большому счету эстетический вопрос, между тем как предъявленная нам для обсуждения тема удержания идентичности университета касается не столько структуры и форм организации его, сколько социальной и культурной миссии, той роли, которую он играет в обществе. Понятно, что, с точки зрения общества, на первом плане – задача университета по обеспечению производства и воспроизводства знаний, эстафеты поколений, поддержания традиций, содействие новациям и т.п. Это то, что в наибольшей степени отвечает функциональной специфике университета [5]. В университете должны быть достаточные условия для полноценной подготовки специалистов, обладающих профессиональными и социальными компетенциями, достаточно подготовленных для их применения в меняющейся информационной и профессиональной (производственной, деловой) среде. Помимо приоритетной образовательной функции, университеты выполняют и ряд других, среди которых самая важная – поддержание социальной стабильности, условий общественной и культурной ангажированности молодежи. Что касается последнего, эту функцию университеты выполняют вполне удовлетворительно самим фактом своего существования. Но это не специфическая для них задача, и можно предположить, что в условиях усиления социально-экономической динамики общества, повышения индексов деловой активности, появления привлекательных рабочих мест университеты эту задачу просто утратят. Гораздо существеннее, насколько университеты справляются со своей основной функцией, насколько они способны задавать высокий уровень образования, соединять воспроизводство знаний (главным образом посредством их трансляции новым поколениям) с социально-экономической активностью, обращать знания в триггеры инновационных процессов.

В словах о необходимости и возможности «удержания идентичности» слышатся тревога и горечь, которые очевидно порождены тем

неоднозначным опытом¹, который уже не одно десятилетие переживают российские университеты в связи с дрящимися реформами в образовании, к тому же дополненные и реформой в управлении образованием. Прошедшие и проходящие реформы расцениваются профессурой и обществом по большей части негативно: они воспринимаются как деструктивный по отношению собственно к процессам обучения фактор: направленные по замыслу на реорганизацию образовательного процесса и поддерживающих его структур, они, по мнению профессуры, на самом деле оборачиваются его дезорганизацией – сокращению часов на фундаментальные дисциплины, на внеаудиторную работу, а вместе с тем, увеличение аудиторной нагрузки преподавателей, физического лишения их времени для самостоятельных занятий, не говоря об исследовательской работе.

Реформы насущны, и это очевидно. Во-первых, необходимо было привести управление и функционирование университетов в соответствие с новыми социально-экономическими и политическими реалиями. Во-вторых, реформы направлены на повышение качества образования и, с более общей точки зрения, эффективности функционирования университетов. Они призваны активизировать деятельность в приоритетных для каждого типа университета направлениях, способствовать, независимо от типа университета, развитию студенто-ориентированного обучения с использованием современных информационных технологий, в том числе дистантного и сетевого взаимодействия, стимулировать высокую результативность научно-исследовательской и опытно-конструкторской работы [1, 77–78].

По большому счету, реформы образования должны позволить российским университетам вписаться в ведущие тенденции развития высшего образования в современном мире. Эти тенденции определяются глубокими переменами, происходящими в обществе (в разных национальных обществах со своими особенностями), связанными с глобализацией информационных процессов, их кардинальным технологическим переоснащением, развитием «экономики знаний» [9]. Если в индустриальном обществе знания, по мере включения в производственные процессы, становились все более важным производственным фактором – непосредственной производительной силой, но тем не менее оставались вспомогательным моментом производственной, шире – экономической активности, то в новой экономике знания – все более важный ресурс производственной активности.

¹ В настоящей статье все обсуждение проводится в перспективе российского опыта, с преимущественным вниманием к университетам регионального уровня.

Беспрецедентно повышается значение интеллектуальной компоненты производства. Более того, производство знаний становится отдельной отраслью хозяйства. Знания приобретают направленно прикладной характер. Они могут капитализироваться. Формируется потребность в так называемом «кодифицированном» знании, т.е. в формате, максимально пригодном для непосредственного целевого применения вырабатываемого знания. Все это требует специалистов, способных производить такое знание и воспринимать его, оперативно применяя на практике. Эти специалисты вместе с тем должны быть способны управлять процессами распределения и перераспределения знаний, адаптируя их к конкретным хозяйственным задачам, к условиям партнерского и конкурентного взаимодействия с различными агентами в поликультурном контексте [10, 42, 70, 227]. В информационном обществе знаниевые ресурсы децентрализуются. Это освобождает людей от жесткой привязанности к локализованным информационным источникам и создает условия не только для сетевого распространения информации, но и для сетевого предоставления образовательных услуг, сетевого проведения коллективных исследований [4, 145–168].

Все эти перемены в характере знания, его роли в обществе и способах перераспределения беспрецедентны по силе вызова университетам, которые традиционно были центрами воспроизводства знаний. Опыт и развитых, и развивающихся стран свидетельствует о все возрастающей роли университетов в процессах социально-экономического развития [8, 215–234]. Это оказывается возможным благодаря тому, что университеты решаются на перемены, осуществление которых становится возможным благодаря начавшимся подвижкам в идентичности и которые, конечно, сопровождаются переменами в идентичности. Попытки «удержания идентичности» могут оказаться оборотной стороной социальной ригидности, профессионально-институционального консерватизма.

Для российских университетов проблема заключается в том, что руководящие и надзорные органы связали реформы образования с «оптимизацией» внутренней структуры университета и системы управления, практический смысл которой для преподавателей оказался сведенным к сокращению реального финансового обеспечения их образовательной и научной деятельности.

Оптимизация, так или иначе понимаемая, но в целом состоящая в изменении структуры, организации, функционала университета в целях экономии бюджетных средств – один из трендов современной образовательной политики во многих странах, и через нее воплощается все большая коммерциализация сферы образования.

Во многих странах университеты в условиях финансовых ограничений обретают большую самостоятельность, получая более широкие полномочия в определении как стратегии развития, так и выбора ресурсов, партнеров, форм сотрудничества, моделей предоставления образовательных услуг и т.д. [6, 7–9]. К сожалению, этого нельзя сказать о российских университетах, в управлении которыми со стороны государства определяющими стали формально-бюрократические и авторитарно-командные методы [2, 123].

При этом жесткий менеджеристский этос распространился на внутриуниверситетское управление. Весь комплекс регуляторов² деятельности ректора направлен на поддержание его статуса уполномоченного министерства и региональной администрации, а не представителя профессорско-преподавательского корпуса, выразителя его интересов. Соответственно ректор, ориентирующийся на руководящие и надзорные органы, относится к профессорам и преподавателям, в первую очередь, как к наемным работникам, предоставляющим образовательные услуги, и далеко не всегда – как к профессионалам, носителям знаний и опыта.

Да и в целом сложившийся режим преподавательского труда вынуждает современного российского преподавателя университета на самоидентификацию в качестве «наемного работника», т.е. трудящегося за плату. Речь идет об увеличении аудиторной нагрузки, о снижении норм оплаты внеаудиторной работы со студентами, необходимости вести занятия не только по своей специальности, но по широкому тематическому спектру, далекому от специализации преподавателя. К этому следует добавить усиливающуюся формализацию преподавательской деятельности, обременение ее бессмысленной, по восприятию преподавателей, бумажной работой. А также сокращение времени на самостоятельные исследования, как научные, так и педагогические. Эти негативные моменты преподавательского труда усугубляются, когда приходится браться за подработку по совместительству, с почасовой, как правило, низкой оплатой труда, вынужденно приемлемой в условиях невысоких средних заработков. Такой режим работы является тяжким фактором усечения пространства свободы, утраты чувства профессиональной автономии. Он обрекает на профессиональную маргинализацию, размывание корпоративно-университетской и научно-профессиональной идентичности.

Реформы в университетах соединены с «оптимизацией» столь тесно, а последняя проводится столь жестко, что подчас кажется, что реформы объявлены и проводятся ради «оптимизации» – ради эко-

² Среди них не последнее место занимают финансовые регуляторы.

номии бюджетных средств, направляемых на образование. Как самое простое, понятное и привычное для российских государственных умов, экономия проводится за счет трудящихся, в данном случае преподавателей – посредством усиления их эксплуатации, осуществляемого в прямых и косвенных формах. В литературе совершенно справедливо отмечается, что «трудовые отношения в российских вузах становятся похожими на отношения в коммерческих организациях»; это деморализует университетские сообщества и наносит окончательный удар по университетской демократии, сложившейся, пусть и в незавершенной и несовершенной форме, в 1990-е годы [2, 132].

Как видно из пунктирно представленной здесь ситуации университета, идея «идентичности университета» нуждается в уточнении со стороны субъекта (субъектов) идентичности и со стороны ее предмета (предметов).

Всегда существовавшая в тех или иных латентных формах обособленность внутри университетских сообществ – между рядовым профессорско-преподавательским составом, шире – трудовым коллективом в целом, и руководством университета приняла в результате изменения принципов управления университетами³ явный и никак не камуфлируемый характер. В обществе профессор воспринимается как фигура, представляющая или даже олицетворяющая университет, но этот образ уже давно не соответствует действительности. Профессора не безмолвны, но они и не слышимы. В официально-публичном пространстве университет репрезентирован не профессором, а ректором, другими представителями администрации университета, а если в отдельных случаях профессором, то только в соответствии с полномочиями, определенными по отношению к конкретной ситуации ректором. Показательны в этом смысле недавние попытки надзорных органов ввести регламент, согласно которому профессора не имеют права даже давать интервью СМИ без благословения ректора. Эти попытки пока не реализованы, но сам факт их появления, пусть пока, возможно, только в качестве «зондажа» общественного мнения, красноречиво свидетельствует о существующем векторе мысли в государственных головах. Как «субъектность» университета не персонифицирована в профессоре, так и не через фигуру профессора происходит идентификация университета. В

³ Наиболее разрушительным с точки зрения нравственно-психологической стабильности университета (впрочем, это касается и других видов бюджетных организаций) стало введение в 2008 г. новой системы оплаты труда [3].

официально-публичном пространстве как пространстве, опосредованном государственной властью, идентичность университета задается ректоратом в соответствии с задачами, поставленными руководящими и надзорными государственными органами. В образовательной деятельности и научно-исследовательской работе профессора в значительной мере сохраняют качество «субъектности» на уровне содержания. Но на уровне целеполагания и стратегического планирования образовательной и научной деятельности это качество обнаруживается в ослабленном (в разных университетах в разной степени), а то и нивелированном виде.

Идентичность профессора двояка. С одной стороны, он идентифицирован научно-профессионально. По давним университетским традициям, профессор – служитель знания. «Знание ради знания», которым обладает профессор, предназначено для передачи студентам. Ситуация служения знанию ради знания формирует чувство внутренней независимости, свободы по отношению к внешним факторам и мотивам деятельности, пусть эта ситуация так или иначе и опосредована различными прагматически обусловленными обстоятельствами, например, целеориентированностью образовательного процесса, подотчетностью профессиональной активности распорядку, задаваемому университетской администрацией и т.п. Чем больше профессор погружен в профессиональную деятельность, в особенности, имеющую значимые объективированные результаты в виде публикационной активности, зарегистрированных научных открытий, запатентованных изобретений, да и просто признания коллег, профессионального сообщества, тем сильнее он чувствует свою самодостаточность. Однако профессиональная автономия может оборачиваться профессиональным консерватизмом. Поэтому важно, чтобы профессор не преувеличивал ее значения, и мог критически относиться к себе и своим профессиональным достижениям, а также своей автономии, обеспечиваемой этими достижениями [7].

С другой стороны, профессор обладает корпоративной идентичностью, определяемой его принадлежностью к университету. В идеале, профессор идентифицирован с университетом в своем собственном качестве – служителя знания, уверенного в признании себя в качестве такового, что поддерживается разными внутриуниверситетскими традициями, установлениями и стандартами. Его идентичность с университетом подкрепляется научно-дисциплинарной идентичностью в качестве исследователя, знатока в своей области, наверняка члена профессиональных сообществ, которые также пользуются признанием и уважением. В частности, потому, что они выступают хранителями и проводниками академических ценностей как

основы репутации членов профессионального сообщества [11, 168–169]. И помимо профессиональных сообществ есть инструменты для поддержания академических ценностей, что тем более важно в условиях слабой развитости и недостаточной внутренней стойкости таких сообществ в современной России. С одной стороны, ценности задаются самими профессионалами посредством профессиональной и публичной коммуникации, а с другой – они подкрепляются в известной мере и надзорными органами государства, привлекающими в качестве экспертов представителей академического сообщества. Это сотрудничество не всегда протекает гладко и последовательно, но оно все же имеет место и, несмотря на противоречия, дает важные плоды.

Корпоративная идентичность связана с профессиональной и опосредована ею: профессор востребован университетом как носитель знания, как эксперт в своей области. Вне университета и без лояльности целям университета профессор не имеет возможности реализовать себя в качестве профессионала. Он и признан в качестве профессионала, будучи профессором университета. Университет имеет рычаги для подкрепления корпоративной идентичности профессора. Например, надбавки к зарплате за длительный стаж работы в данном университете или поощрение разного рода преференциями, материальными или идеальными, среди которых могут быть издание книги в университетском издательстве или протекция в публикации в университетском журнале «своим», университетским авторам за счет внешних авторов (что, надо признать, возможно лишь при отключении научных критериев отбора статей для публикации) и т.д. Корпоративная идентичность так же, как и профессиональная может содержать в себе консервативные, а то и ретроградные компоненты.

В то же время, между лояльностью университету и лояльностью профессии имеются различия, порой напряженные. С одной стороны, именно в качестве профессионалов многие профессора не приемлют те негативные тенденции, которые все более заметны сегодня в российских университетах – пренебрежение академическими ценностями, гуманистическими основами сотрудничества, коллегиальности, им претит беспрецедентное нарастание бюрократизма, формализма, начетничества. С другой стороны, корпорация в лице ректората может быть более реактивной, чем профессия в лице профессоров, в отношении социальной динамики. Университет выступает гораздо более активным агентом в социальной среде, участником региональных деловых взаимодействий, стороной многостороннего социального контракта. Университет как корпорация выступает и ус-

ловием повышения научной активности, например, добиваясь заказов на актуальные научно-технологические разработки. Правда, заказы такого рода могут требовать перестройки продолжающихся программ НИР, разработанных в соответствии со сложившимися научными интересами кафедр и лабораторий, а профессора в силу приверженности традиционной деятельности, инерции, профессионального консерватизма могут выступать сдерживающим фактором. По тем же причинам они могут быть против внедрения новых учебных дисциплин в программу обучения или новых методов преподавания в образовательный процесс. Разногласия в такого рода вопросах возникают, как правило, вследствие указанной выше обособленности между ректоратом и профессорско-преподавательским составом, отсутствия доверия между ними.

Таким образом, вопрос об «удержании идентичности университета» неоднозначен. Университет неоднороден, в нем сосуществуют разные группы интересов, каждая из которых выступает особым субъектом идентичности. В проведенном обзоре не затрагивался вопрос о внутренней неоднородности внутри профессорско-преподавательского состава, обусловленной образовательными, культурными, возрастными различиями, а, стало быть, и по-разному протекающими процессами идентификации. Какие-то аспекты идентичности университета подлежат удержанию и активной защите, с какими-то надо безоглядно расставаться, не страшась реидентификации и даже решительно настаивая на ней.

Список литературы

1. Бурцева О.С., Стукен Т.Ю., Лапина Т.А. Политика развития региональных университетов // Современный университет между глобальными вызовами и локальными задачами / Под ред. Д.В. Козлова, Н.Г. Малошонок. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 77–81.

2. Курбатова М.В., Каган Е.С., Апарина Н.Ф. Поведение работников вузов в условиях реформирования высшего профессионального образования: Проблема выбора // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 123–134.

3. Постановление Правительства РФ от 05.08.2008 № 583 «О введении новых систем оплаты труда работников федеральных бюджетных и казенных учреждений и федеральных государственных органов...» // URL: <http://base.garant.ru/193695/> (дата обращения 01.05.2020).

4. *Harries S.* Records Management and Knowledge Mobilisation: A Handbook for Regulation, Innovation and Transformation. Oxford: Chandos, 2012. xiv+275 p.

5. *Hrubos I.* The Changing Role of Universities in Our Society // *Society and Economy*. 2011. Vol. 33. № 2. P. 347–360.

6. *Johnstone D.B., Marcucci N.P.* Worldwide trends in higher education finance: Cost-sharing, student loans and support of academic research. (UNESCO's Higher Education Commissioned Paper Series). UNESCO, 2007. 37 p.

7. PASE Recommendation 1762 (2006) Academic Freedom and University Autonomy. URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/XrefXML-2HTML-en.asp?fileid=17469&lang=en> (Просмотр 01.05.2020).

8. *Trani E.P., Holsworth R.D.* The Indispensable University: Higher Education, Economic Development, and the Knowledge Economy. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2010. 281 p.

9. *Unger R.M.* The Knowledge Economy. London: Verso Books, 2019. 304 p.

10. *Universities in Transition: The Changing Role and Challenges for Academic Institutions* / Eds. B. Göransson, C. Brundenius. Ottawa: Springer, 2011, 366 p.

11. *Whitchurch C.* Convergence and Divergence in Professional Identities // *Academic and Professional Identities in Higher Education: The Challenges of Diversifying Workforce* / Eds. G. Gordon, C. Whitchurch. New York: Routledge, 2010. P 167–184.

Свобода, зависимость и ответственность в пространстве университета

Аннотация. В статье рассматривается проблема свободы, зависимости и ответственности преподавателя университета. Показывается, что успешное функционирование университета требует мер позитивного характера (вложения ресурсов и выстраивания соответствующей инфраструктуры), сопряженных с мерами негативного характера (ограничение вмешательства государства, церкви, администрации в процесс преподавательской и исследовательской деятельности). Поддержка свободы фундаментальных исследований и преподавания – это не обеспечение потребностей сегодняшнего дня, а вложение в экономическое и социальное развитие страны, многие из которых окупятся в отдаленном будущем. Автор полагает, что если государство и бизнес не способны или не желают поддерживать университеты, от них следует ожидать, по меньшей мере, невмешательства в творческий поиск и преподавательскую деятельность. Несмотря на это, история университетского образования изобилует многочисленными попытками ограничения автономии университетов и сворачивания академических свобод, в результате которых университет из пространства воспроизводства свободы становится институтом ее властного подавления. Среди технологий, обеспечивающих дисциплинирование преподавателей – тотальный контроль над высказываниями и действиями, формализация и обесмысливание деятельности, лишение возможности долгосрочного планирования своей жизни и карьеры. В науке и образовании, фундаментом которых является творчество, такая ситуация негативно действует как на качество работы, так и на самоощущение преподавателя. Результатом психологического давления является утрата уверенности человека в то, что его действия способны что-то изменить, которая служит оправданием для признания своего «алиби в бытии». Выходом из этого пассивного состояния является принятие им на себя персональной ответственности за свою деятельность и условий ее возможности. На преподавателей университета в этой ситуации возлагается ответственность за сохранение академической свободы и автономии как необходимых условий существования университета.

Ключевые слова: университет, свобода, автономия, творчество, зависимость, контроль, подчинение, алиби в бытии, ответственность.

1. Формирование пространства свободы

Современный университет сформировался в процессе почти тысячелетней борьбы за признание академического сообщества. Первым его значимым завоеванием стала автономия (самоуправление и независимость от властей) в Средние века. Не менее этапным вы-

ражением признания стали инициированные В. Гумбольдтом в XIX в. реформы, которые гарантировали преподавателям и студентам академические свободы (научного поиска, преподавания, обучения). Сегодня автономия и академическая свобода признаны фундаментальными завоеваниями высшего образования, их необходимость декларируется в ряде нормативных документов как международного, так и национальных уровней [1].

История неоднократно подтверждала зависимость качества научной и образовательной деятельности от степени внутренней и внешней свободы в университете. Благодаря приобретению автономии средневековые европейские университеты, так же, как и получившие академические свободы немецкие университеты XIX в. стали ведущими интеллектуальными центрами Европы своего времени. В современном рейтинге инновационных университетов мира (вузов, которые оказывают наиболее заметное влияние на развитие науки, технологий и мировой экономики) на первых местах располагаются американские университеты, которые отличаются творческой атмосферой и поддерживают сравнительно высокий уровень независимости и академической свободы.

Конечно, свобода университета имеет свои пределы. Университет является элементом общества, зависимым от государственной политики, рыночной конъюнктуры и влияния иных, значимых на том или ином этапе истории, социальных сил и институтов. Более того, без вложения в него ресурсов он не способен нормально функционировать. Важно, однако, чтобы эта зависимость не привела к подмене целей и ценностей университета внешними по отношению к нему целями (получению прибыли, сохранению властных отношений и т.д.). Иными словами, академическая свобода предполагает возможность реализации собственных целей в условиях привлечения внешних ресурсов. Теоретически и в полностью тоталитарном обществе можно (хотя и чрезвычайно сложно) создать хорошо финансируемые и защищенные от вмешательства в интеллектуальную деятельность анклавов академической свободы, которые со временем будут демонстрировать высокую научную и образовательную эффективность. Точно так же в демократическом обществе можно предельно ограничить свободу преподавателей, заставляя университеты концентрироваться, например, на получении прибыли и сокращении издержек.

Таким образом, создание успешного университета требует мер позитивного характера (вложения ресурсов и выстраивания соответствующей инфраструктуры), сопряженных с мерами негативного характера (ограничение вмешательства государства, церкви, админи-

страции в процесс преподавательской и исследовательской деятельности).

Цель позитивных мер – обеспечить свободу творчества и критики, а также позволить ученому и преподавателю сконцентрироваться на своей непосредственной деятельности. Они предполагают, к примеру, возможность апробировать результаты своей деятельности на конференциях, в печати и на производстве; повышать квалификацию и обмениваться опытом; получать доступ к нужной научной информации; использовать современные приборы и технологии и т.д.

Ресурсы в развитие научно-образовательных центров может вкладывать государство, перераспределяя налоги (как в Берлинском университете XIX века), или бизнес, инвестируя свои средства (как в Стэнфордском университете XXI века). Но это не значит, что университет в обмен на финансирование должен обслуживать краткосрочные коммерческие проекты или обеспечивать идеологическую поддержку власти. Собственная социальная миссия университета не сводится к политическим или экономическим задачам. Тем не менее в долгосрочной перспективе его цели способствуют увеличению интеллектуального, культурного, социального капитала и в этом смысле содействуют реализации самых амбициозных целей как государства, так и бизнеса. Поэтому поддержка свободы фундаментальных исследований и преподавания – это не обеспечение потребностей сегодняшнего дня, а вложения в экономическое и социальное развитие страны, многие из которых не один раз окупятся в отдаленном будущем.

Если государство и бизнес заботят не общественное благо и долгосрочные вложения, а сохранение власти и быстрая прибыль, или же их ресурсов не хватает для поддержки науки и образования, от них резонно было бы ожидать, по меньшей мере, невмешательства в творческий поиск и преподавательскую деятельность. Как показывает российский опыт, ученый способен продуктивно работать и в условиях низкой оплаты труда, если для него будут созданы минимально терпимые условия. Так, согласно социологическим опросам относительная независимость, гибкий график и творческий характер работы являются ведущими факторами, обуславливающими выбор преподавателями профессии и позволяющими примириться с сопутствующими материальными сложностями [8].

Несмотря на это, история университетского образования изобилует многочисленными попытками ограничения автономии университетов и сворачивания академических свобод, в результате которых страны, практиковавшие их, оказывались отброшенными назад в интеллектуальном и экономическом развитии.

2. Университет как объект контроля

В России университеты всегда находились на особом контроле государства, которое нередко вмешивалось в научные изыскания и процесс преподавания. Так, в середине XIX столетия власть, напуганная революционными событиями в Европе, свернула преподавание философии в университетах, полагая, что чересчур самостоятельные размышления могут быть опасны для общественной стабильности. В середине XX столетия из-за некомпетентного вмешательства государства в процесс исследований существенно пострадали многие научные школы (особенно серьезный удар был нанесен по биологии). Во всех подобных случаях (примеров которых имеется множество) последствия вмешательства были катастрофическими и для науки, и для образования, и для общества. Периодические ситуации обострения в отношениях государства и науки образно описал М. Е. Салтыков-Щедрин в резюме достижений последнего губернатора известного города: «Въехал в Глупов на белом коне, сжег гимназию и упрямил науки».

Периоды жесткого государственного контроля чередовались краткими периодами «оттепели», никогда не перераставшими в *свободное состояние* в полном смысле слова. Тем не менее, даже небольшие послабления придавали науке и культуре ощутимый толчок к развитию. Так, на рубеже XIX–XX вв. основным вопросом на повестке дня российских университетов значилось достижение автономии, которая вместе с академическими свободами была официально предоставлена в 1905 г. Это привело к качественному скачку в науке, образовании и культуре, влияние которого ощущалось и в последующие десятилетия. Д.Л. Сапрыкин пишет о значимости этого периода так: «системные механизмы и институты, обеспечивающие связь науки и промышленности и являющиеся основой так называемой “большой науки”, стали складываться не в советское время и даже не в годы Первой мировой войны, а на рубеже XIX–XX вв. К этому моменту в России сложилось счастливое сочетание накопленного интеллектуального потенциала, поддержки государства и общества и четкое осознание новых инфраструктурных проблем, требовавших новых системных подходов, соединяющих образование, науку и решение практических технических задач» [9, 51].

В советский период автономия и свободы были существенно ограничены. К середине 1950-х гг. в СССР большая часть мыслящих людей осознавала, что если идеологическое давление не будет ослаблено, о нормальном развитии образования и науки можно будет забыть. П.Л. Капица в письме 1955 г. напоминал Н.С. Хрущеву, что главное условие научного прогресса – это «естественное стремление

ученых к свободной дискуссии. Чтобы это стремление у нас появилось, нужно, чтобы человек никогда не боялся высказывать свое мнение, даже если оно будет опровергнуто. Нашему руководству не нужно бояться, что на пути искания научной истины может быть выдвинут ряд ошибочных, неправильных научных положений. Нужно помнить, что правильное научное положение всегда пробьет себе дорогу в жизнь, так как научная истина едина. Как раз тем, что она пробивает себе путь в жизнь, и доказывается ее правота» [7, 316]. Послабления, которые наблюдались в период «оттепели», конечно, были частичными. Они касались только отдельных сфер, которые считались приоритетными (физика, химия, математика, космическая техника и т.д.) или ограничивались специально организованными интеллектуальными оазисами, которые на общем фоне воспринимались как пространства свободомыслия и творчества (Новосибирский Академгородок, центр ядерных исследований в Дубне и т.д.). Однако даже в этом состоянии наука получила стимулы для развития, вырос престиж высшего образования, оживилась культурная жизнь.

В конце XX столетия коммунистическая идеология перестала определять пути развития образования и науки. Однако новообретенная свобода не могла дать никаких плодов, поскольку одновременно исчезли условия для ее реализации. Одним из путей компенсации недостаточности ресурсов стал рынок, который выдвинул университету свои требования – повышения конкурентоспособности, экономии ресурсов, привлечения абитуриентов и т.д. Поскольку на российском рынке не было крупных компаний, готовых рисковать и вкладываться в долгосрочные проекты, университет был лишен возможности привлекать существенные инвестиции для коммерциализации своих разработок. Фактически он оказался в положении продавца образовательных услуг, зависящего от краткосрочной конъюнктуры и общего состояния рынка труда, где ценность диплома ставилась выше ценности знаний. Погоня за прибылью крайне негативно сказалась на качестве как образования, так и исследовательской деятельности.

В последние десятилетия государство постепенно возвращает свои позиции: оно с каждым годом усиливает контроль над университетами, хотя финансирование при этом остается сравнительно низким. В итоге сегодня на академическое сообщество оказывается давление с двух сторон: от университета одновременно ждут как коммерческой успешности, так и идеологической лояльности.

Если инновационный бизнес в стране не развит, а у государства нет ресурсов для поддержания науки, университет не способен стабильно функционировать. Он, например, вынужден понижать тре-

бования к студентам ради сохранения финансирования, снижать издержки за счет сокращения профессорско-преподавательского состава, увеличивать нагрузку на оставшийся контингент и принимать прочие меры ради выживания.

В условиях фактической несамостоятельности и академической несвободы от вузов сложно ожидать инноваций и открытий. Большая часть деятельности, которой занимаются в университетах, является не научным и образовательным творчеством, а выполнением шаблонных задач. Функционирование университета все меньше основывается на свободном взаимодействии интеллектуалов и все больше – на работе менеджмента и исполнении приказов и распоряжений без возможности обратной связи и корректировки. Преподаватель из ученого и учителя становится наемным работником с большим количеством обязанностей и урезанными правами. Университет при этом покидают те, кто не соответствует формальным показателям или не желает работать в условиях ограничений, а уровень академической свободы оставшихся преподавателей неумолимо сокращается. В результате университет из пространства воспроизводства свободы становится институтом ее властного подавления.

3. Технологии подчинения

Изменения, происходящие в современных университетах, становятся более понятными, если описывать их в контексте не свободного равноправного взаимодействия, а отношений господства и подчинения. Господство при этом реализуется не столько на уровне межличностных отношений, сколько на уровне структурного подавления, осуществляемого через институциональные механизмы, такие как рынок или государственная политика.

Современный университет, как и весь институт образования в целом, по мнению М. Фуко, представляет собой систему, которая «как кажется на первый взгляд, создаётся для того, чтобы распространять знание, а на самом деле создана для того, чтобы сохранять власть у определённого общественного класса и исключить орудия власти всякого иного общественного класса» [11,119]. Преподаватель в таком понимании является посредником между правящим классом и обучающимися, задачей которого является формирование у студентов идеологически «правильной» картины мира. Однако по мере развития информационного общества, увеличения ценности знания, а значит и роста значимости и потенциальной независимости «интеллектуального класса», значительную часть которого составляют преподаватели, они сами становятся объектами эксплуатации. Соответственно, сегодня всестороннему дисциплинированию подвергаются не только обучаемые, но и обучающие.

В условиях, когда творческая атмосфера отсутствует, а ресурсов и желания для ее организации нет, поставить «интеллектуальный класс» в зависимое положение позволяют постоянное регулирование, нормализация, давление и контроль – технологии, достаточно хорошо описанные в психологии Б. Беттельгеймом, В. Франклом, Ф. Зимбардо и др.

Протообразом современной власти – невидимой, но вездесущей – согласно Фуко, является Паноптикум, в котором И. Бентам отобразил свое представление об идеальном пенитенциарном заведении. В центре цилиндрического здания находится незримый для других надзиратель, который в любой момент может обозревать действия каждого из заключенных, находящихся за прозрачными стеклянными перегородками. Поскольку заключенные не знают, когда именно за ними следят, они вынуждены постоянно контролировать свои действия. Эту идею тотального контроля Бентам предлагал применять как действенный принцип управления в различных учреждениях, в том числе учебных заведениях.

Современные университеты (как и многие другие учреждения, через которые проявляет себя власть) постепенно превращаются или уже превратились в такой Паноптикум (например, повсеместно введены требования видеозаписи различных мероприятий – заседаний диссертационного совета, экзаменов, лекций и т.д., а в ряде аудиторий веб-камеры работают в постоянном режиме). В такой ситуации диалог преподавателя с коллегами и студентами ведется в режиме презумпции прослушивания, сама возможность которого заставляет человека контролировать свою речь, т.е. превращает свободное общение в формальный обмен высказываниями. В ряде вузов от преподавателей требуют точного соответствия высказываний плану занятия в официально одобренной учебной программе, считая импровизацию нарушением учебного процесса: «все, что не разрешено – запрещено». Кроме того, само наличие подобного контроля (который традиционно применялся к осужденным или подозреваемым в опасных преступлениях) предполагает, что контролирующая администрация по умолчанию относится к преподавателям и студентам как к мошенникам и нарушителям, которые будут хорошо работать или посещать занятия исключительно под угрозой наказания. Тотальный контроль – это не столько способ улучшения качества образования, сколько знак недоверия и способ создания психологического давления, находясь под которым контролируемый должен постоянно помнить о своем подчиненном положении.

Ситуация осложняется тем, что контролирующие органы, как правило, недостаточно компетентны, чтобы правильно оценить ра-

боту преподавателя. Они способны выполнить проверку только формального соответствия его действий регламентирующим документам или же правильности оформления самих документов, которые он вынужден составлять. В результате средства, изначально призванные облегчать и упорядочивать преподавательскую деятельность, превращаются в ее основную цель. Процесс научного поиска и преподавания заменяется имитацией работы, которая сводится к безостановочному умножению документов и схем действий, под которые затем подгоняется реальность. На своем месте здесь себя ощущают только люди типа чеховского Беликова. Творческие люди по определению не способны успешно заниматься шаблонной бюрократической работой: требования формализации закономерно воспринимаются ими как психологическое насилие.

Особо эффективным процесс превращения научного творчества в рабочую повинность делает искусственное усложнение достижения показателей. Можно уступить давлению, принять правила игры и попытаться скрупулезно их исполнять. Но выиграть в этой игре все равно нельзя, потому что правила множатся, усложняются, постоянно изменяются, к тому же полный их список обычно никогда не оглашается (предоставляя простор для творчества уже администрации). Все, что сделано, обычно быстро оказывается устаревшим, поскольку меняются пункты, коды, стандарты оформления, формы представления. Более того, показатели нередко формулируются так, что они в принципе не могут быть достижимыми. Создаются «дорожные карты» изменений, согласно которым каждый год преподаватель должен демонстрировать все большее количество академических достижений, которые по истечении отчетного периода «обнулятся». В качестве показателей эффективности используют не качественные критерии, а количественные, и при этом выражаемые не в абсолютных числах, а в отношении к другим показателям («оказаться в первой сотне», «перегнать» и т.д.). Если перед человеком ставятся труднодостижимые цели, но при этом ему не предоставляются средства достижения этих целей, добиться требуемого ему обычно удается, только имитируя работу.

Большая часть работы современного преподавателя не просто формальна, но и абсолютно бессмысленна. Понимание того, что время жизни, которое можно было бы использовать с пользой для себя и для других, уходит на имитационную деятельность, не приносящую ни удовольствия, ни признания, не может не вызывать ощущения опустошенности, подавленности и бессилия. Ф. М. Достоевский в «Записках из мертвого дома» так писал о подобной работе. «Мне пришло раз на мысль, что если б захотели вполне раздавить,

уничтожить человека, наказать его самым ужасным наказанием, так что самый страшный убийца содрогнулся бы от этого наказания и пугался его заранее, то стоило бы только придать работе характер совершенной, полнейшей бесполезности и бессмыслицы... Если б заставить его, например, переливать воду из одного ушата в другой, а из другого в первый, толочь песок, перетаскивать кучу земли с одного места на другое и обратно, – я думаю, арестант удавился бы через несколько дней или наделал бы тысячу преступлений, чтоб хоть умереть, да выйти из такого унижения, стыда и муки» [5, 20].

От современного преподавателя требуют выполнения огромного количества нетворческих заданий, результат которых отсутствует или неочевиден. Большая часть содержания создаваемой ими учебной документации не несет никакой смысловой нагрузки. Но если бы даже в них и содержался какой-то важный для обучения смысл, он все равно не мог бы гарантировать его качество. Значительная часть времени преподавателя уходит не на научные исследования и не на преподавание, а на создание объективно бессмысленных документов, предназначенных исключительно для предъявления проверяющим органам. Неспособность изменить эту ситуацию лишний раз подчеркивает отчужденность преподавателя от процесса принятия решений по самым важным вопросам профессиональной самореализации.

Наконец, ощущение тотальной зависимости преподавателя усиливается с сокращением возможности планирования своей жизни и деятельности. В российских вузах почти стандартной становится практика неустойчивой занятости, которая предполагает оформление краткосрочных контрактов, позволяющих оперативно сокращать штаты при соответствующих указаниях. В. Франкл называет такое состояние «бессрочным временным существованием». Он пишет: «Латинское слово “finis” имеет, как известно, два значения: конец и цель. Человек, который не в состоянии предвидеть конец этого его временного существования, тем самым не может и направить жизнь к какой-то цели. Он уже не может, как это вообще свойственно человеку в нормальных условиях, ориентироваться на будущее, что нарушает общую структуру его внутренней жизни в целом, лишает опоры» [10, 136]. Сложно представить, что ученый, учитывающий возможность того, что его контракт не будет продлен, будет разрабатывать долгосрочные исследовательские проекты. Кроме того, состояние неуверенности в будущем радикально трансформирует и преподавательский коллектив, члены которого оказываются в состоянии такой нездоровой конкуренции за рабочие места, что некоторые доб-

ровольно принимают на себя функцию контроля над соблюдением разного рода распоряжений и регламентов.

Конечно, элементы подавления можно обнаружить во многих социальных институтах, предполагающих субординацию – вопрос стоит только в степени их выраженности. Однако, если, например, в казарме такая ситуация ожидаема (хотя даже там она не вполне нормальна), то в науке и образовании, фундаментом которых является творчество, она абсолютно неприемлема. «Бессмысленные задания, почти полное отсутствие личного времени, невозможность что-либо планировать из-за постоянных и непредсказуемых перемен» [4] – эти и прочие условия действуют на человека разлагающе, ослабляют его веру в себя и свои силы, заставляют отказаться от собственных ценностей и целей, составляющих основу личности.

4. Алиби и ответственность

Результатом тотального контроля, формализации труда, психологического давления является утрата уверенности человека в том, что его действия способны что-то изменить. Он считает, что от него ничего не зависит, что внешние обстоятельства непреодолимы. В какой-то степени эта уверенность является механизмом психологической защиты, поскольку она позволяет оправдать бездействие и «порабощенность разума» ссылкой на то, что нельзя быть нормальным в ненормальном мире. Человек не видит утешения в принятии своего «вне-алиби-бытия», которое В.И. Бакштановским и М.В. Богдановой трактуется как «акцентированная проблематизация сильной тенденции (само)оправдания моральной практики, низких нравов нашей профессии “объективными обстоятельствами”» [2, 15].

В своей работе «К философии поступка» М. М. Бахтин пишет, что, утверждая свое алиби в бытии, человек фактически отказывается от нравственной ответственности, а значит и от собственного бытия, которое этой ответственностью задается: «Долженствование впервые возможно там, где есть признание факта бытия единственной личности изнутри ее, где этот факт становится ответственным центром, там, где я принимаю ответственность за свою единственность, за свое бытие. Конечно, этот факт может дать трещину, может быть обеднен; можно игнорировать активность и жить одной пассивностью, можно пытаться доказать свое алиби в бытии...» [3, 40]. Однако следует осознавать, что самоуспокоение и самооправдание в этой ситуации достигается исключительно за счет отказа личности от самой себя.

Утверждая свое алиби, человек отказывается от всякой нравственно значимой активности по изменению ненормальной ситуации, поскольку изначально считает это бессмысленным. Все усилия, по

его мнению, обречены на провал, всякая самостоятельность – наказуема, а ответственность – слишком тяжелая ноша для человека, у которого и без этого достаточно проблем, забот и опасений. Проще всего делегировать эту ответственность, а с ней и свободу выбора, тому, от кого что-то реально зависит. В результате такой человек позиционирует себя в качестве ребенка, который нуждается в опеке со стороны взрослых, или даже вещи, объекта, средства, которое можно беспрепятственно использовать в чужих целях. Постоянно обвиняя во всем внешние силы, он, по словам Б. Беттельгейма, отрицает «персональную ответственность не только за свою жизнь, но и за последствия своих действий. Обвинять других людей или обстоятельства за собственное неправильное поведение свойственно детям. Отказ взрослого человека от ответственности за собственные поступки – шаг к разложению личности» [4]. Лишаясь самоуважения, человек начинает бесконечно откладывать активные действия на потом, постепенно теряя способность и желание сопротивляться. В результате тысячелетний процесс борьбы академического сообщества за признание парадоксально завершается признанием собственного бессилия.

Показательно, что даже те элементы активности, которые еще наблюдаются, как правило, не выходят за границы привычной логики отношений господства и подчинения. Они сводятся, например, к петициям и открытым письмам, требующим уменьшить количество сокращений в вузах, отменить реорганизации, не переводить образование в дистанционную среду и т.д. Иными словами они представляют собой реактивные действия, подразумевающие ответ со стороны тех, кто имеет право принимать решения о судьбах образования. В этом смысле далеко не так много изменилось со времен Капицы, сообщавшего Хрущеву о том, что без свободы не будет и научных результатов.

Конечно, на угрожающие действия необходимо реагировать. Но социальное признание университета требует не только предоставления ему права автономии и академических свобод, но и активного самостоятельного участия самого университета в определении содержания этих прав и их реализации. Для этого важнее не реактивные, а инициативные действия, предполагающие самоопределение университета в современном мире, осознание потребностей и интересов «интеллектуального класса» и преподавателей как его составной части, их целей и миссии. Иными словами, алиби в бытии преодолевается только при полной и деятельной ответственности за свою судьбу. Ф. Зимбардо пишет: «Брать на себя ответственность за свои решения и действия – значит держать в руках руль своей жизни,

и будь что будет. Если мы разрешаем другому брать на себя нашу ответственность, то превращаем его в полновластного водителя, сидящего на заднем сиденье, безрассудно предоставляя автомобилю возможность двигаться вообще без шофера» [6, 637].

Основная ответственность, которая возлагается на преподавателей в этой ситуации, состоит в борьбе за сохранение академической свободы и автономии, выступающих необходимыми условиями существования университета.

Список литературы

1. *Апресян Р.Г.* Университет и свобода // *Ведомости прикладной этики*. Вып. 55. Тюмень: НИИ ПЭ, ТИУ. 2020. С. 53-63.
2. *Бакштановский В.И., Богданова М.В.* Этика профессора: «вне-алиби-бытие» // *Ведомости прикладной этики*. Вып. 39. 2011. С. 15–27.
3. *Бахтин М.М.* К философии поступка // *Собр. соч.* в 6 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 7-68.
4. *Беттельгейм Б.* Просвещенное сердце [Электронный ресурс] // URL: https://bookap.info/sociopsy/bettelgeym_prosveshchennoe_serdtse/
5. *Достоевский Ф. М.* Записки из мертвого дома // *Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.* в 30 т. Т. 4. Л.: Наука, 1972. 326 с.
6. *Зимбардо Ф.* Эффект Люцифера. М.: АНФ, 2014. 740 с.
7. *Капица П.Л.* Письма о науке. 1930-1980. М.: Московский рабочий, 1989. 400 с.
8. *Рощина Я.М.* Трудовые стратегии преподавателей вузов // *Мониторинг экономики образования*. 2015. № 12. С. 1-5.
9. *Сапрыкин Д.Л.* «Золотой век» отечественной науки и техники и «классическая» концепция инженерного образования // *ВИЕТ*. 2013. № 1. С. 28-66.
10. *Франкл В.* Сказать жизни «Да». М.: Альпина, 2019. 240 с.
11. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2002. 384 с.

О некоторых аспектах этики журнального рецензирования

Аннотация. В статье подвергнуты анализу некоторые аспекты этики рецензирования рукописей в академических журналах. Так как журнальный публикационный процесс превратился в последние десятилетия в важнейшее из средств формирования научной повестки дня и, одновременно, в важнейший инструмент оценки результативности научного труда, его соответствие этическим стандартам является неременным условием процветания академического сообщества. Ни университеты, ни научные организации не смогут эффективно выполнять свою миссию, если отбор достойных публикаций научных работ будет осуществляться на основе процедур и критериев, не способствующих производству знания. Рецензирование рукописей компетентными исследователями считается такой процедурой, которая ему способствует. В этой связи автор статьи обращается к проблеме мотивации рецензентов. Он ставит под вопрос гипотезу Дж.Оверолла о том, что такой мотивацией может быть либо чистый альтруизм, либо прагматическая экономическая рациональность, и что преобладание второй мотивации делает неизбежным перевод рецензирования на возмездную основу. Автор считает преобладающими и при этом оптимальными мотивами рецензентов отличающиеся как от чистого альтруизма, так и от карьерного прагматизма мотивы академического служения и академического гражданства (третьей части академической этики, наряду с преподаванием и исследованием). Не сомневаясь в необходимости вознаграждения труда рецензентов, он считает, что этическая основа этой деятельности должна преобладать над экономико-правовой. Вторым аспектом рецензирования в академических журналах, затронутым в статье, является вопрос о преимуществах и недостатках анонимного и открытого рецензирования. Дискуссия об этих процедурах, развернувшаяся на страницах «Журнала академической этики» в 2003–2008 гг., хорошо высвечивает общие нормативные основания публикационного процесса. Автор статьи присоединяется к мнению Дж.А.Корлетта о том, что эти нормативные основания определяют выбор в пользу анонимного рецензирования, однако аргументы критиков анонимности требуют установления особого режима деятельности рецензентов и редакторов. Завершает статью анализ двух документов, конкретизирующих и операционализирующих этику журнальных рецензентов: «Этические рекомендации для рецензентов» Комитета по публикационной этике (2013) и «Белая книга по поддержанию добросовестности в публикациях в научных журналах» Совета научных редакторов (2018).

Ключевые слова: мораль, профессиональная этика, академическая этика, академическое служение, академическое гражданство, этика научных публикаций, этика рецензирования.

Академическое гражданство и публикационный процесс

Этика университетского преподавателя представляет собой сочетание трех ценностно-нормативных элементов, соответствующих трем основным направлениям его деятельности. Преподаватель призван обучать студентов определенной научной или научно-практической дисциплине, заниматься получением нового знания в какой-то познавательной сфере (то есть быть эффективным действующим исследователем) и, наконец, поддерживать инфраструктуру образовательного и исследовательского процессов. Эти виды деятельности принято называть преподаванием, исследованием и служением. Соответственно, в возникающих в порядке институционализации академической этики документах (миссиях, декларациях, кодексах, правилах, рекомендациях) появляются разделы, которые фиксируют ценности и нормы, ориентирующие эти виды деятельности. Там, где этого не происходит, принадлежность нормативных ориентиров к этике одного, второго или третьего вида деятельности проступает сквозь другое, иногда не очень логичное и последовательное структурирование документов. В своих прошлых публикациях в «Ведомостях прикладной этики» я неоднократно касался этой триады в разной степени приближения к ее элементам: в их совокупности и взаимодействии [2, 4], в специфике каждого из них [5], применительно к их отдельным проявлениям или явлениям, которые находятся на их стыке [3]. В данной статье я хотел бы продолжить исследование этой тематики.

Конкретно – хотел обратиться к некоторым этическим проблемам такого элемента академической практики как служение. В этической литературе используется также понятие «академическое гражданство», которое, на мой взгляд, точнее раскрывает это явление. Под академическим гражданством понимается деятельность члена академического сообщества, который понимает, что преподавание и исследование осуществляются в определенном институциональном контексте, и прикладывает усилия для поддержания качества связанных с ними институтов. Академический гражданин воспринимает преподавание и исследование в качестве коллективного проекта, который может быть успешным только в том случае, если все, кто участвуют в нем, оценивая и планируя свою профессиональную деятельность, будут ориентироваться на конечный смысл существования академического сообщества в целом (его миссию).

В отношении институционального контекста преподавания академические служение и гражданство практически тождественны университетскому служению и университетскому гражданству. Они предполагают участие в администрировании университета и в его само-

управлении. Последнее включает, в том числе, придирчивый контроль за администрированием. Отсюда следует, что академический гражданин в определенном смысле является антиподом академического чиновника. Современный университет является массовым, финансируемым извне и подотчетным источникам своего финансирования учреждением, которое находится под мощным внешним прессингом по поводу создания эффективной и прозрачной системы управления. Он превращается в университет менеджеров и клерков, в большую образовательную корпорацию, в российских условиях – государственную. На уровне отдельного университетского преподавателя академическое гражданство представляет собой такую установку, которая позволяет ему противостоять бюрократической логике управления, ведущей к сосредоточенности на достижении легко измеряемых показателей в ущерб содействию тем целям, успех в достижении которых трудно формализуется. Я не утверждаю при этом, что университетское гражданство предполагает партизанскую или регулярную войну против менеджмента. Университетский гражданин может, а в некоторых случаях и должен, участвовать в администрировании – входить в советы, комиссии, принимать назначения и т.д. Однако в качестве гражданина, а не простого наемного менеджера он призван сохранять более широкий горизонт целей и ценностей, более свободное и гибкое сознание. Если же университетский гражданин участвует в различных формах самоорганизации коллектива, то его дистанция по отношению к формальной системе университетского управления оказывается большей. Однако и в первом, и во втором случае его задача состоит в том, чтобы поставить эту систему на службу конечным целям такого учреждения как университет (сохранить ее связь с тем, что В.И. Бакштановский назвал «метафизикой университета» [1, 152–153]).

В отношении исследовательской деятельности академическое гражданство является гораздо более универсалистским, здесь оно а priori не может ограничиваться отдельным университетом. Работа по формированию основных направлений развития той или иной исследовательской дисциплины имеет заведомо надлокальный характер. Университет выступает лишь в качестве хоста и хаба, который принимает у себя технологические и организационные структуры науки. Он является инкубатором научных школ, местом проведения конкретных исследований и научных мероприятий, базой для научных издательств и научных периодических изданий. Но все они включены в глобальную систему научной кооперации. Поэтому быть академическим гражданином в сфере создания нового знания и поддержки инфраструктуры его получения – значит удерживать в поле своего

внимания цели глобального исследовательского сообщества и активно участвовать в поддержании его устойчивости, в том числе, за пределами своих собственных исследований. Именно эту составляющую академического гражданства я буду обсуждать далее применительно к такому виду деятельности академического гражданина как рецензирование рукописей для научных журналов.

Однако перед тем, как перейти к его анализу, я хотел бы дополнительно подчеркнуть, что академическое служение не является рутинной и механической обслуживающей деятельностью, аналогом уборки в квартире или гигиенических процедур. Не является оно и аналогом службы в иерархизированных социальных структурах, подобных полиции или армии. Так как оно связано с организацией и поддержанием жизни сообщества, оно носит креативный, коммуникативный и в самом фундаментальном смысле этого слова «политический» характер. Именно в этом отношении более современный термин «академическое гражданство» точнее, чем имеющее долгую и славную историю понятие «академическое служение». В академическом сообществе постоянно сталкиваются между собой альтернативные видения исследовательской практики и практики преподавания, альтернативные видения задач университетов и научных учреждений, разные педагогические и научные школы и направления, а также группы общих интересов, которые формируются на основе критериев, не сводящихся к перечисленным выше. Все эти группы вполне естественным образом борются за увеличение своего влияния, за контроль над органами управления и институтами, определяющими жизнь академического сообщества. Академический гражданин обязан формировать свою позицию в таких столкновениях. Но он также обязан искать честные, открытые и коммуникативные, а не сугубо прагматические и закулисно-бюрократические способы их разрешения. Политическая или агонистическая сторона жизни академического сообщества не должна становиться препятствием для реализации его миссии (подробнее о политическом измерении академического гражданства см.: [11]).

Возвращаясь к главному предмету моего анализа, хотел бы напомнить, что научные журналы представляют собой на настоящий момент центральную часть инфраструктуры академического сообщества в сфере представления и оценки результатов научных исследований. В условиях, когда наукометрические методы определения эффективности исследовательского труда приняты на вооружение университетами, научными институтами, ассоциациями ученых, негосударственными организациями, поддерживающими науку, и органами государственного управления, научный журнал оказывается важ-

ным центром силы и влияния в академическом мире. Он выступает не только в качестве площадки, предоставляющей исследователям слово, дающей им возможность полемического взаимодействия или заочной координации усилий, но и превращается в фильтр, допускающий или не допускающий проведенное исследование в пространство большой науки, а ученого, который его провел – в пространство построения успешной академической карьеры. Каждый научный журнал служит ячейкой в широкой децентрализованной системе оценки успешности исследований и, соответственно, в системе создания нового знания. Их совокупная деятельность может более или менее эффективно отсеивать исследования, не обладающие значительной новизной и актуальностью, и тем самым задавать магистральные направления развития науки (опять же – более или менее эффективно).

У такой роли научных журналов есть свои плюсы и минусы. Это является основой критики журнальной системы как таковой или того веса, который журналы приобрели в процессе оценки результатов научных исследований, сравнительно с другими институциональными механизмами. Однако невозможно отрицать, что сегодня от способов организации журнального процесса зависит очень многое в судьбе академического сообщества. Отсюда следует, что ответственный академический гражданин не может быть равнодушен к тому, что происходит в академических журналах. Как я уже отмечал, у него есть обязанность способствовать сохранению высоких методологических стандартов своей исследовательской дисциплины. Эта обязанность не ограничивается обеспечением качества его собственных исследовательских проектов и участием в научной полемике. Понимая, что журналы на сегодня серьезно влияют на производство знания, академический гражданин с необходимостью задумывается о том, какова могла бы быть его роль в функционировании журналов. Набор позиций, которые он при этом может занять, довольно ограничен – основатель нового журнала, главный редактор, член редколлегии, член редакции и, наконец, рецензент рукописей. Все они рекрутируются тем или иным образом из действующих ученых и преподавателей, их работа, за редкими исключениями, является работой, которую они выполняют параллельно исследованию и преподаванию. Это классическая для академического служения или академического гражданства ситуация. В дальнейшем я сосредоточусь на фигуре рецензента, но при этом буду затрагивать и некоторые этические проблемы редакторской деятельности, связанные с организацией рецензирования.

Хотя в российской, а ранее – советской науке журналы довольно давно стали играть важную роль в процессе оценки результатов

научных исследований, стандартная процедура отбора статей для публикации, совмещающая мнение редакции (редколлегии) с мнением внешних экспертов, стала обязательной лишь в недавнее время. Я имею в виду те журналы, которые имеют или стремятся получить официальный статус в процедурах научной отчетности и аттестации через вхождение в перечень ВАК или международные базы. Способы привлечения внешних экспертов первоначально были различными в разных журналах. Практиковался прием рецензий, которые были, скорее, рекомендательными письмами, чем настоящими рецензиями. То есть рецензенты не только знали, кто автор публикации, но и избирались самими авторами. И даже более того, рецензии часто представлялись в журналы самими авторами статей. Порой журналы запрашивали рецензии научных руководителей, если речь шла о статьях аспирантов и т.д. и т.п. Сегодня статус рецензируемого журнала в России имеют те, которые практикуют наиболее распространенное в международном масштабе двойное анонимное (или «двойное слепое») рецензирование, при котором автор и рецензент не знают имен друг друга. Рецензент может узнать имя автора только, когда статья опубликована, и только в отношении принятых в журнал статей, автор же, в итоге, так и не узнает идентичности рецензента.

Если вести речь о моем собственном опыте, то в период становления российской системы рецензируемых журналов мне довелось занимать в журнальном процессе три позиции, позволяющие видеть такой процесс извне и изнутри. Я был автором определенного количества публикаций в рецензируемых журналах и, соответственно, получал рецензии на свои рукописи и наблюдал работу редакций с автором рецензируемой рукописи. Меня привлекали для рецензирования рукописей несколько академических журналов разного типа и статуса и, соответственно, я мог наблюдать за работой их редакций с рецензентами от приглашения до итогового раунда рецензирования. Наконец, я работал научным редактором академического журнала и, соответственно, получил представление о способах подбора рецензентов и использования рецензий при выборе статей для публикации. У меня была возможность общаться с авторами и рецензентами, знакомиться с их реакцией на тексты друг друга и т.д. И хотя ретроспективно эта работа представляется мне совсем не безупречной, она высветила определенные проблемы и продемонстрировала их актуальность. Исходя из своего опыта соприкосновения с процессом журнального рецензирования в России, я вижу важность тех социологических и этических исследований этой практики, которые были проведены в последние десятилетия, а также важность результатов институционализации этики журнального рецензента, организо-

ванной некоторыми международными центрами. Следующий далее анализ исследований и документов, на мой взгляд, мог бы помочь российским редакторам и организаторам публикационного процесса.

Мотивация журнальных рецензентов

Для выявления нормативного содержания этики журнального рецензента и для понимания ее роли в журнальном процессе (шире – в процессе производства научного знания) необходимо разобраться с тем, каковы движущие силы участия экспертов в предпубликационной оценке результатов чужих исследований. Только разобравшись с ними, можно определиться с оптимальными способами предъявления этических требований рецензентам и с тем, должны ли вообще именно этические требования и идеальные стандарты находиться в центре регулирования этой деятельности (на настоящий момент в академических журналах регулирование работы рецензентов, а частью – и редакторов проходит по рубрике «этика публикационного процесса»).

Хорошей точкой отсчета для анализа этой проблемы может стать позиция, представленная Дж.Овероллом в работе «Бросайте пить Кул-Эйд: процесс рецензирования в академических журналах в области социальных наук сломан, давайте его починим» [12]. Идиома «пить Кул-Эйд» применяется в американском английском для того, чтобы обозначить беспрекословную веру во что-то, некритический подход к общераспространенным убеждениям или практикам. Дж. Оверолл имеет в виду двойное анонимное рецензирование в том виде, как оно практикуется в большинстве современных журналов (я хотел бы отложить его обсуждение по существу до следующего раздела статьи и обсуждать этот тип рецензирования уже вне связи с позицией Дж.Оверолла). Пытаясь разобраться с достоинствами и недостатками преобладающей рецензионной практики, Дж.Оверолл выявляет теоретические подходы к ее обоснованию и приходит к выводу, что их специфику задает именно разное понимание мотивации рецензентов. Он предполагает, что существует два таких подхода.

Первый приписывает привлекаемому журналом эксперту универсально-альтруистическую мотивацию. Для прояснения сути подхода Дж.Оверолл обращается к кантовской традиции понимания альтруизма, в которой моральные ценности и моральные мотивы направлены на победу над себялюбием. Он вспоминает также о являющейся смысловым центром этики Левинаса ответственности за другого, исключающей надежды на взаимность и порождающей установку на абсолютно бескорыстное самопожертвование. Такое объяснение мотиваций рецензента опирается, прежде всего, на то обстоятельство, что он не получает за свою работу материальной компен-

сации и что его работа не попадает в поле зрения значимых для него других людей (в случае возможности доступа к рецензиям она им неинтересна, в случае режима анонимности – просто недоступна). Если в таких условиях рецензенты все же продолжают свою деятельность, то они – жертвенные натуры, настоящие кантовские или левиновские альтруисты [12, 280–281].

Второй подход объясняет действия рецензента в категориях экономической рациональности, ориентированной на продвижение деятелями собственного интереса. В его перспективе за любым поверхностно-альтруистическим поведением скрываются сложные формы проявления себялюбия, совмещающие стремление получить материальные преимущества в долговременной перспективе со стремлением получить нематериальную выгоду социально-статусного порядка. Соответственно, рецензент выполняет свою работу, поскольку «рецензирование журнальных статей может иметь влияние на его карьеру, такое, например, как создание сети отношений, которая может помочь ему самому опубликовать больше статей» [12, 282]. Подразумевается налаживание рецензентом связей с редакциями журналов, которые готовы будут работать с ним по принципу «quid pro quo». Возможность для такой стратегии сохраняется, поскольку мнение рецензентов в публикационном процессе не является окончательным вердиктом, оно выступает лишь в качестве одного из оснований для решения редакции о приеме статьи. Да и подбор рецензентов редакторами может быть благоприятным для каких-то одних статей и неблагоприятным для других. Именно такой взгляд на мотивацию рецензентов Дж.Оверолл считает единственно оправданным или, во всяком случае, единственно оправданным при проектировании процедур, использующихся академическими журналами [12, 282–283].

На настоящий момент журналы исходят из альтруистичности рецензента и тем самым теряют реалистическую перспективу своей деятельности. Они попадают в своего рода ловушку, поскольку альтруистические мотивации в этой сфере работают слабо, а мотивации реальные, связанные с построением рецензентом академической карьеры, имеют два существенных недостатка. Во-первых, они разрушают или, по крайней мере, ослабляют потенциал журналов в достижении ключевой цели рецензирования – квалифицированной и беспристрастной оценки рукописей. Даже если в отношении рукописей тех авторов, которые не связаны с журналом отношениями «quid pro quo», эта цель достигается, ее достижение оказывается провалено в отношении рукописей экспертов из рецензентского пула журнала. Во-вторых, эти мотивации оказываются недостаточно сильными

для того, чтобы обеспечить высокое качество экспертной работы рецензентов. Ведь та поддержка, которую редакция журнала может оказать статьям своего постоянного рецензента не является гарантией публикации (в противном случае, редакция будет не просто давать смягченное толкование правил публикационного процесса, а грубо и радикально нарушать их). Кроме того, рецензирование дает возможность пользоваться преференциями постоянного рецензента лишь время от времени (как правило, не более раза в год). Соответственно, получение дополнительных возможностей для прохождения статей дается рецензенту довольно дорого – изнурительным анализом большого количества чужих текстов, иногда находящихся на периферии его собственных научных интересов, написанием развернутых обоснований отказа в публикации рукописей, иногда – участием в многогранном их совершенствовании. Это ведет к использованию рецензентами различных приемов и уловок, позволяющих им при внешнем соблюдении приличий снижать качество своей работы. У редакторов же нет инструментов для противостояния этой тенденции.

Учитывая такое сочетание реальных и мнимых мотивов рецензентов, а также слабость и противоречивость их реальной мотивации, Дж.Оверолл предлагает изменить наше видение практики рецензирования на основе реализма и преобразовать преобладающие модели этой практики на основе требования эффективности. Одно из его предложений не связано с мотивацией рецензентов (он рекомендует скрывать от редактора идентичность авторов рукописей), а другое – прямо ее касается [12, 285–286]. Дж.Оверолл считает необходимым перевести деятельность рецензентов в режим оплачиваемой работы (либо с прямой оплатой от журнала, либо с включением рецензирования в показатели, варьирующие оплату труда в университетах и научных организациях). Это поможет воспрепятствовать установлению «взаимовыгодных» альянсов между редакциями и их постоянными рецензентами. Редакциям не надо будет в качестве вознаграждения работы рецензента использовать то, что не может являться вознаграждением по определению (возможность опубликоваться). Они смогут привлекать рецензентов на простой и прозрачной основе и относиться к их деятельности как к привлечению внешних оплачиваемых сотрудников. Это избавит редакторов не только от необходимости молчаливо или явно обещать преференции, но и от необходимости апеллировать к лучшим чувствам рецензента. Отношения с ним будут выстраиваться на основе выдачи технического задания наемному работнику.

Не обсуждая пока обоснованность общих посылок и выводов Дж.Оверолла, хотел бы обратить внимание на то, что его предложения склоняются к тому, чтобы исключить из журнального процесса или вывести на его периферию этическую составляющую – элементы свободного самоконтроля и свободного самоограничения профессионала. Дж.Оверолл предлагает не просто строгую формализацию отношений журналов и рецензентов, но и перевод их на юридическую или квазюридическую основу. Журнал получает права заказчика, включая право не оплатить некачественно оказанную услугу (самостоятельно или отказавшись подтвердить сделанную работу для организации, с которой аффилирован рецензент). Будучи до конца логичным, нужно было бы наделить рецензента правом апеллировать в таких случаях и назначить некую третейскую инстанцию, разбирающую подобные споры. В документации журналов раздел «этика публикационной деятельности» должен был бы уступить место техническим регламентам, имеющим иное содержание и иную структуру, чем этические кодексы. А этические документы должны были бы играть ту же роль, которую корпоративные кодексы играют в жизни бизнес-корпораций, то есть вспомогательную и ориентированную на регулирование вопросов, не поддающихся разрешению на основе дисциплинарных правил. Конечно, за пунктами технических регламентов тоже стояли бы определенные моральные соображения, но лишь подобно тому, как моральные соображения часто стоят за правовой и дисциплинарной нормативностью – без итогового тождества двух явлений.

Мне такая реформа не кажется необходимой и реалистичной, и не в последнюю очередь потому, что я не считаю корректной исходную теоретическую диспозицию, предложенную Дж.Овероллом. Для него мотивация рецензента может быть либо универсально альтруистической, либо обусловленной прагматикой индивидуальной научной карьеры (то есть формирующейся на основе экономической рациональности, спроецированной в область специфической институциональной и коммуникативной среды, в которой имеют значение не только деньги, но также звания, административные позиции, знаки признания). Это «или/или» всерьез настораживает в связи с его описательной неточностью. Не очень понятно, что собой представляет тот альтруизм, о котором пишет Дж.Оверолл, вспоминая Канта и Левинаса. Кто тот другой, в отношении которого альтруистичен ученый, готовый потратить силы и время, превратившись в рецензента? Вряд ли это конкретный автор, которому он хочет помочь улучшить текст, поданный в журнал, а в конечном итоге – и стоящее за ним исследование. Вряд ли это редактор, хотя в отдельных случаях рецензирова-

ние вполне может выступать как дружеская услуга, любезность или даже как выражение сочувствия трудной ситуации другого человека. Вряд ли это общество в целом, получающее выгоду от развития науки. Скорее всего, это академическое сообщество и даже какая-то его часть, связанная с собственной исследовательской дисциплиной рецензента. Но в таком случае это будет совсем не тот «другой», который подразумевается этикой Канта или Левинаса.

Другими словами, мы оказываемся не в области универсальной морали, а в сфере профессиональной этики университетского преподавателя и работника научного учреждения, с обзора которой я начал свою статью. Это область, в которой моральные ценности опосредствованы ценностными установками академического сообщества, а универсалистские моральные мотивации переплетены с частной преданностью такому сообществу и стремлением сохранить собственную репутацию в качестве профессионала. Такие коммуитарно-опосредствованные воплощения моральных ценностей всегда более сильны, чем чистые моральные установки и мотивы. Сообщества профессионалов, в тех случаях, когда они не находятся в состоянии упадка и деградации, поддерживают у своих членов представление о достойном поведении юриста, врача или, как в данном случае, ученого, обеспечивают функционирование института репутации и т.д. Процесс рецензирования организован так, что участие в нем имеет мало репутационных следствий (репутация преподавателя и ученого складывается на основе его лекций, исследований, полемических выступлений и публикаций). Однако в канон достойного поведения преподавателя и ученого входят, как я уже писал выше, академическое служение и академическая гражданская активность, которые включают в себя различные виды содействия качеству академической среды, в том числе такие, которые не приносят иных плодов, кроме внутреннего удовлетворения. Участие в рецензировании – один из них. Другим, хотя и с некоторыми оговорками, является участие в деятельности редакций. И я бы не стал недооценивать роль этого поведенческого канона в качестве мотивационного фактора.

Так же мне кажется, что Дж.Оверолл очень узко понимает второй полюс своей мотивационной диады – эгоистическо-партикуляристский. В числе мотивов положительного ответа специалиста на запрос журнала о рецензировании присутствует далеко не только желание продвинуть свою карьеру за счет облегчения процесса публикации собственных статей. В академическом сообществе всегда присутствует много разных видений того, чем и как должна заниматься та или иная исследовательская дисциплина. Эти видения поддерживаются на основе научных школ, направлений, неформальных сетей

личного общения или обмена мнениями. Для рецензентов часто оказывается важным не молчаливый договор с редакцией, а желание повлиять на направление исследований в своей сфере интересов, продвинуть свое понимание ее задач (вне зависимости от того, через свои или чужие публикации), избавиться от чьего-то «засилья» и т.д. Этот мотив можно воспринимать как пристрастно-партикуляристский и в чем-то противоречащий целям экспертной деятельности. Однако, во-первых, это все-таки действенный мотив, вовлекающий ученых в рецензирование, несмотря на необходимость оторваться от собственных исследований и собственного преподавания. Во-вторых, принимает или отклоняет рукопись не отдельный рецензент, а публикационный процесс в целом, поэтому эксцессы «фракционного» интереса к рецензированию могут быть погашены поэтапностью и коллективностью принятия решений. И наконец, авторы рукописей пытаются опубликовать результаты своих исследований в условиях существования довольно большого количества академических журналов, имеющих разную редакционную политику в отношении содержания публикуемых статей и подбирающих разные пулы рецензентов. Я писал выше, что академическое гражданство является политическим феноменом. В этом случае мы видим одно из проявлений его политического характера. Проблема лишь в том, чтобы межфракционная борьба не подменяла сами исследования и чтобы ни одна из фракций не становилась монополистом.

В этой связи мне представляется, что у модели рецензирования, опирающейся на разные мотивы, связанные с академическим гражданством, есть существенный потенциал. И так как полноценная коммерциализация этой деятельности довольно сложна и подавляющему большинству журналов и издательств просто недоступна, то этот потенциал необходимо использовать, избегая связанных с ним опасностей и рисков. Я как редактор, конечно, всецело за максимальное материальное стимулирование рецензентов. Но понимаю, что гораздо более доступным является стимулирование репутационное, хотя и имеющее некоторые материальные следствия. Прежде всего, я думаю, что вхождение преподавателя или работника научного учреждения в пул рецензентов журнала с высоким академическим статусом должно рассматриваться как существенное карьерное достижение, формально, в рамках процедур оценки научной работы, и неформально, в коллективном мнении профессионального сообщества. Однако даже в случае реализации этой цели преобладание профессионально-этической основы рецензирования журнальных статей на настоящий момент остается безальтернативным.

**Двойная анонимность в процессе рецензирования:
за и против**

В данном разделе я хотел бы обратиться к этическому анализу преобладающего сегодня варианта практики журнального рецензирования, при котором рецензент не знает, кто автор рецензируемой статьи, а автор не может идентифицировать рецензента. Систематическое исследование всех этически значимых сторон двойной анонимности потребовало бы реализации специального длительного проекта, поэтому в рамках данной, по существу своему вводной и обзорной статьи я планирую оттолкнуться от опыта примечательной дискуссии, которая около пяти лет с 2003 по 2008 гг. продолжалась на страницах издания «Журнал академической этики». Ее участники – видные ученые, глубоко погруженные в публикационный процесс, обсуждали двойное анонимное рецензирование, ставшее к тому времени рутинной практикой, пытаюсь понять, есть ли необходимость ее радикально преобразовать. Важность этой дискуссии, на мой взгляд, состоит даже не в том, что она выявила какие-то решающие аргументы в пользу сохранения или устранения режима двойной анонимности (и вряд ли это тогда произошло), сколько в том, что она в неформально-дискурсивном стиле артикулировала некоторые нормативные ориентиры рецензирования как такового. Именно поэтому обращение к ней служит хорошим заходом к анализу современных конкретизаций и формализаций этики журнального рецензента.

Инициировавший эту дискуссию Л.Тернер усматривает ключевое основание двойной анонимности в стремлении научного сообщества уберечь рецензента от различного рода возмездных действий со стороны разочарованных и раздраженных авторов. Имеется в виду довольно широкий ряд реакций: выражающие гнев и раздражение высказывания и письма, навязчивое стремление продолжить обсуждение уже отклоненного текста, подготовка негативных рецензий на рукописи рецензента, блокирование его карьерного продвижения или возможностей получения им финансирования. Это вполне достойная задача, однако а) ее значение существенно преувеличено, б) избранный способ ее решения создает гораздо большие проблемы, чем те, которые он призван разрешить [14, 41–42]. Как заметил поддерживающий мнение Л.Тернера другой участник дискуссии, автор отклоненной рукописи чаще напоминает не «разъяренного монстра», а «раненое дикое животное, в убежище зализывающее свои раны» [6, 218]. При этом защита рецензента от незначительного количества настоящих «разъяренных монстров» с помощью введения режима

анонимности приводит к формированию дисбаланса власти и уязвимости в академическом сообществе.

Рецензент в системе анонимного рецензирования, по Л.Тернеру, получает огромную власть, не сопровождающуюся ответственностью за избранные им способы её применения. Рецензент и автор являются участниками конкурентного процесса – процесса борьбы за ограниченный ресурс, которым является возможность опубликовать результаты своих исследований. Более того, они в соответствии с логикой эффективного рецензирования работают в одной и той же частной исследовательской области. Это способствует тому, что рецензенты предъявляют завышенные требования к рецензируемым рукописям, такие, которые не предъявляют к своим собственным. Кроме того, анонимность открывает возможности для реализации различных психологических комплексов и худших свойств характера рецензента, что выражается в снисходительном, презрительном, саркастическом или попросту грубом отношении к автору. В дополнении ко всему, анонимность скрывает возможные конфликты интересов, играющих существенную роль в тех исследовательских сферах, которые связаны с производством и коммерцией, поскольку декларирование таких конфликтов проверяет только редактор, обладающий ограниченной информацией о рецензенте. В последнем случае возможны как завышение рецензентом стандартов оценки и следующее за этим необоснованное отклонение статей, так и занижение таких стандартов и необоснованная публикация статей, продвигающих незадекларированный интерес рецензента [14, 42–43].

Лекарством от всех этих издержек и эксцессов Л.Тернер посчитал публичную ответственность специалистов, занимающихся рецензированием, а публичная ответственность, естественно, предполагает отсутствие анонимности. Рецензент должен покинуть свою неуязвимую позицию и войти «в интерактивный мир диалога и аргументации» [14, 45]. Ставя свою подпись под рецензией и зная, что автор и другие представители академического сообщества будут иметь возможность «оценить работу оценщика» и сделают это на фоне других результатов его деятельности, рецензент будет иначе относиться к порученному ему делу [14, 45]. Качественное и сбалансированное рецензирование превратится в вопрос репутации (пусть и менее серьезный, чем качественное исследование и представление его результатов) [14, 45–46]. Обсуждение рецензий вполне может стать важной точкой инициации академических дискуссий, но уж точно станет способом улучшения практики рецензирования. Журналы, в свою очередь, должны предоставить для такого обсуждения площадку на своих веб-страницах [14, 45].

«Снятие маски» с рецензента создает не только его собственную публичную ответственность за качество экспертизы, но и публичную ответственность редактора за выбор экспертов, оценивающих рукописи. Если выбор эксперта будет определяться исключительно соображениями его доступности (а это будет легко установить, изучив его научную карьеру и предыдущий опыт рецензирования), то журнал продемонстрирует свою неспособность справиться со своими задачами, авторы же смогут выразить обоснованное недовольство тем, что их статьи отклоняются или отправляются на переработку на основе мнения рецензента с сомнительным уровнем квалификации [14, 44]. Наконец, только известность сообществу имен рецензентов может помочь адекватно воздать им за их нелегкий труд, за то самое академическое служение, с характеристики которого я начал свою статью [14, 45–46].

Отмена анонимности по Л.Тернеру призвана стать частью более широкого процесса преобразования деятельности научных журналов. Рецензирование в его представлении должно быть честным, надлежащим, идентифицируемым, своевременным и полезным. Хотя идентифицируемость выступает лишь в качестве одного элемента этого ряда, она способствует продвижению каждой позиции. Под честностью Л.Тернер подразумевает не только формальную беспристрастность итоговых оценок, содержащихся в рецензии, но и наличие развернутой аргументации по всем пунктам, в которых упоминаются плюсы и минусы рукописи, а также разработку рекомендаций, которые могли бы усилить плюсы и нейтрализовать минусы. Кроме открытости имен рецензентов, честность должна обеспечиваться специальной работой редакторов журналов с отзывами авторов о качестве рецензирования. Надлежащая экспертиза обеспечивается не только подбором квалифицированных специалистов со стороны редакции, но и внимательным отношением рецензентов к тому, что в рукописи входит в круг их компетенции, а что остается за его пределами, и прямом указании на это в рецензиях. Своевременность экспертизы приобретает решающее значение в связи с тем, что авторы а) находятся под жестким прессом публикационных нормативов, б) не имеют права подавать рукопись одновременно в несколько журналов, в) сталкиваются с высоким коэффициентом отклонения (до 90%). Несмотря на то, что такое требование несколько конфликтует с двумя предыдущими, Л.Тернер предлагает установить единый для всех академических журналов трех-четырехнедельный срок рассмотрения рукописей. Наконец полезность рецензий определяется тем, что рецензент рассматривает себя не в качестве администратора, обосновывающего решение принять или не принять рукопись, а в ка-

честве эксперта, выявляющего потенциал проведенной автором исследовательской работы, и при наличии такого потенциала, рекомендуя пути его раскрытия. В идеале полезное рецензирование должно быть многоаундовым [15].

Основным, хотя и дружественным, оппонентом Л.Тернера стал известный этик и социальный философ, основатель издания «Этический журнал: международное философское обозрение», Дж.А.Корлетт. Для него поднятые Л.Тернером вопросы имели острую личную актуальность, поскольку основание им нового журнала по этической проблематике было связано именно с неудовлетворенностью стандартами редакторской деятельности в существующих. Это, по его словам, была попытка создать журнал, в котором обращение с авторами было бы таким, какого он сам желал бы по отношению к себе самому в качестве автора [8, 356–357]. Отправной посылкой рассуждения Дж.А.Корлетта выступает признание того факта, что успех процедуры двойного анонимного рецензирования зависит от добросовестности редактора, занимающегося поиском рецензента, избегающего механического отношения к результатам экспертизы, а также добросовестности самих рецензентов. При сохранении анонимности трудно представить себе институциональное решение, которое могло бы заменить или существенно уменьшить эту зависимость. Однако Дж.А.Корлетт не видит здесь неразрешимой проблемы. Редактор, а вернее, коллектив редакторов, заинтересованный в качестве своего издания, вполне способен обеспечить существенное смягчение трудностей анонимного рецензирования. Редакция может не полагаться на гиперкритические и пристрастные рецензии и выводить из публикационного процесса рецензентов, которые систематически занимают такую позицию [8, 358].

Однако дело не столько в том, что анонимное рецензирование не сталкивается с неразрешимыми трудностями, сколько в том, что анонимность не только защищает рецензента от неадекватной реакции отклоненного автора, но и поддерживает беспристрастность экспертизы (собственно, и Л.Тернер начинает свою пятерку свойств хорошего рецензирования именно с его честности). Знание идентичности автора подталкивает рецензента к тому, чтобы ориентироваться на обстоятельства, не связанные с качеством рукописи. Не только на личные связи и симпатии, но и на институциональную принадлежность. Отвлекаясь от работы Дж.А.Корлетта, хочу указать на довольно старое и хорошо известное социологическое исследование, сыгравшее определенную роль в становлении анонимного рецензирования, в котором работы ученых из статусных университетов повторно отправлялись в журналы, в которых они были опубликованы, но уже

от имени никому неизвестных авторов из университетов второго ряда. Избранные журналы имели высокую репутацию, 80 % уровень отклонения и открытое рецензирование. Те статьи, которые не были опознаны журналами как опубликованные ранее, были отклонены в связи «серьезными недостатками методологии» [13]. В любом случае Дж.А.Корлетт уверен, что открытое рецензирование создает гораздо больше поводов для предвзятого отношения к рукописям (включая сюда предвзятость, которая формируется на основе конфликта интересов), чем устраняет [8, 358]. Богиня правосудия, Фемида, не даром сохраняет повязку на своих глазах. Можно, конечно, предположить, что редактор подберет рецензентов, которые будут в широком смысле слова нелицеприятны и при открытом рецензировании. Но это предположение ничем не отличается от надежды, что редактор подберет рецензентов, которые будут достаточно ответственны при рецензировании анонимном.

К этой аргументации Дж.А.Корлетт добавляет ту мысль, что заданное Л.Тернером направление дискуссии об ответственности редакторов и рецензентов несколько искажает роль журналов в академическом сообществе и роль редакторов в журнальном процессе. Редактор принимает решение о принятии или отклонении рукописи, опираясь на широкий ряд соображений, которые не ограничиваются качеством текста, который оценивает рецензент. У редактора есть собственное видение тех исследовательских тем, продвижение которых, с его точки зрения, призван обеспечивать его журнал. Это задает содержательную часть редакционной политики журнала, которая отражается на формировании его номеров. В этом смысле журнал для редакционного коллектива является аналогом коллективного исследования, а не просто ресурсом, который редакторы честно должны распределять. Дж.А.Корлетт выражает эту мысль с помощью утверждения о том, что автор имеет право на честную и взвешиваемую экспертизу статьи, на объяснение принятых редакцией решений, но он не имеет права на публикацию любой статьи в любом тематически соответствующем его исследованию журнале, даже если эта статья была одобрена рецензентами [8, 359–360]. Механизмы публичной ответственности, которые предлагает Л.Тернер, были бы уместны в вопросах защиты прав человека, а не в вопросах наполнения содержанием академических журналов.

Наконец, Дж.А.Корлетт оспаривает реалистичность предложений Л.Тернера. Публичная ответственность журналов и сопровождающий ее нескончаемый процесс обсуждения редакторских решений и рецензий полностью истощил бы человеческие ресурсы любого издания. Это касается как пула рецензентов, так и штата редакторов:

«Сделать редакторов публично ответственными значит превратить неблагодарный и тяжкий редакторский труд в нечто, не стоящее беспокойства для любого разумного и успешного в своей сфере человека, который мог бы посвятить себя спокойной жизни, состоящей исключительно из написания научных работ и преподавания» [8, 360]. Академическое служение в таких условиях оказывается нерационально жертвенным. Если же говорить про академическое сообщество в целом, то проблему может снять не публичная ответственность журналов, а снижение прессинга в системе, руководствующейся принципом «публикуй или исчезни».

В той же мере нереалистичными Дж.А.Корлетт считает требования Л.Тернера по своевременности рецензирования и его полезности. И даже более того, по его мнению, система, в которой рецензенты обеспечивают мгновенный отклик и многоаундовое улучшение рукописи, была бы подрывающей саму себя. «Подлинными экспертами являются таковыми потому, что они тратят огромное количество времени и сил на то, чтобы стать экспертами... Требовать от них бросить все, что они делают, только для того, чтобы отрецензировать статью в пределах двух-трех недель – это слишком. Такое требование само по себе неразумно, принимая во внимание, что потенциальные рецензенты заняты своими научными трудами, написание которых помогает им стать экспертами в своей исследовательской сфере» [8, 363]. Снятие проблем здесь вновь лежит не в сфере реформирования журнальной практики, а в сфере реформирования научной отчетности, которая могла бы учитывать не только публикации, но и продвижение рукописей в журналах (включая повторные подачи в другой журнал).

Как я писал в начале раздела, ценность этой дискуссии между вовлеченными в журнальный процесс членами академического сообщества, состоит в том, что в ее ходе отчетливо вырисовываются задачи, проблемы, психологические драйверы, моральные ориентиры и ограничения рецензирования научных статей. Четыре элемента пятисоставной модели хорошего рецензирования Л.Тернера – честность, надлежащий характер, своевременность и полезность – задают вполне приемлемую общую нормативную рамку для оценки различных институциональных режимов приема рукописей к публикации на основе рецензирования. Эта рамка более неопределенна, чем конкретные положения какого-нибудь кодекса или свода этических правил, но это не является ее минусом: ведь кодексам необходимы отправные посылки для составления.

Применение Л.Тернером собственной модели оказалось не самым удачным, во всяком случае, в части, связанной с выдвиганием

требования индентифицируемости участников журнального процесса друг для друга. Однако его усилия не были бессмысленными. Недостатки институтов и практик видны, прежде всего, их противникам. Именно поэтому Дж.А.Корлетт так внимательно отнесся к критике Л.Тернером двойной анонимности рецензирования. Он не обнаружил радикальных преимуществ противоположной модели, не нашел способов органичного перехода к ней [9, 208], но на основе тернеровской аргументации выделил болевые точки преобладающей публикационной практики и направления работы с ними. В центре его внимания вполне обоснованно оказалась фигура редактора, который администрирует рецензирование и находит оптимальные способы использования рецензий в своей работе с авторами и в определении содержания журнала. Такой редактор нуждается в добросовестных экспертах и решает эту проблему за счет их тщательного подбора, но при этом он относится к экспертным оценкам и рекомендациям не как к вердиктам, а как к ресурсу, помогающему реализовать редакционную политику. Я согласен с общей интенцией Дж.А.Корлетта в том отношении, что практическая мудрость редактора и компенсация разными экспертами недостатков друг друга дают возможность журнальному процессу демпфировать негативные последствия анонимности.

***Институционализация этики рецензента
(два центральных этических документа)***

Я обратился к дискуссии вокруг предложений Л.Тернера для того, чтобы обозначить общие нормативно-теоретические рамки этики рецензента, но закончить статью хотел бы анализом ее конкретизаций. Сегодня фактически все академические журналы имеют специальное внутреннее регулирование, касающееся этических вопросов. Значительная часть этого регулирования направлена именно на деятельность рецензентов и взаимодействующих с рецензентами редакторов. Отбором и языковым оформлением этических принципов и требований, регулирующих рецензирование, занимаются крупнейшие журнальные базы и издательства. Но может быть самыми влиятельными центрами, выполняющими такую работу, являются профессиональные ассоциации журнальных редакторов и неправительственные организации, созданные специально для совершенствования публикационного процесса в сфере науки. Они создают нормативные документы, претендующие на то, чтобы выполнять роль образцов, на которые могли бы опираться редакции академических журналов.

Существуют две самых известных организации такого рода. В-первых, это Совет научных редакторов, который зародился как ассоциация редакторов американских биологических журналов в 1957 г., а

с 2000 г. является общенаучным объединением. Он занимается исследовательской и образовательной деятельностью, нацеленной на продвижение лучших публикационных практик. Этика публикационного процесса находится среди его приоритетов (в этом смысле показателен его лозунг: «Образование, этика, научные данные для редакторов»). На настоящий момент нормативное содержание этики публикационного процесса представлено советом в виде документа, имеющего название «Белая книга по поддержанию добросовестности в публикациях в научных журналах» (2018). Во-вторых, это Комитет по публикационной этике (существует с 1997 г.). Он также был создан группой редакторов медицинских журналов, но уже британских и ставит целью анализ и обсуждение опыта этических проблем и затруднений научно-публикационной деятельности. Смысл создания комитета состоял в том, чтобы доступными редакторам и издателям мерами улучшать качество научных исследований и бороться с нарушениями научной этики. Непосредственной целью является поиск этически обоснованных способов работы редакций научных журналов и превращение высоких этических стандартов в этой сфере в культурную норму. Сейчас комитет включает более десяти тысяч членов, имеет большой, постоянно расширяющийся архив этических кейсов. Им был разработан «Кодекс поведения редакторов», который затем был заменен на разбитые по ключевым составляющим редакторской практики развернутые этические рекомендации. Этические рекомендации для рецензентов действуют в редакции с 2013 г. Во главе комитета стоит со-основатель и редактор «Журнала бизнес-этики» и главный редактор «Журнала академической этики» Дебора Пофф. Кстати, именно она была консультантом Дж.А.Корлетта при подготовке одной из упоминавшихся выше статей.

Этические рекомендации Комитета по публикационной этике содержат несколько основных принципов, которые затем раскрываются подробно в виде системы ожиданий от рецензента. Составители рекомендаций исходят из того, что, хотя анонимное рецензирование является на настоящий момент преобладающим, существуют журналы, которые используют другие подходы, поэтому в документ введены положения, которые характеризуют деятельность рецензентов, осведомленных об идентичности автора. Основные принципы таковы: соглашаться рецензировать рукопись только при наличии соответствующей компетенции; уважать конфиденциальный характер рецензирования; не использовать полученную информацию для собственной выгоды или выгоды других лиц и организаций (а так же для причинения им ущерба или их дискредитации); заявлять обо всех потенциальных конфликтах интересов; не поддаваться влиянию ин-

формации о происхождении рукописи, национальности, религиозных либо политических убеждениях, гендерной принадлежности и иных характеристиках автора, а также коммерческих соображений; быть объективным и конструктивным, воздерживаться от враждебности и возбужденности, оскорбительных и унижительных замечаний; осознавать, что рецензирование – это взаимное предприятие и принимать на себя его честную долю; предоставлять журналу точную личную и профессиональную информацию; не выдавать себя за другое лицо в процессе рецензирования [7].

Комитет избрал тот вариант конкретизации основных принципов, который распределяет ожидания от рецензента по этапам рецензионной деятельности: при обращении к рецензированию, знакомстве со статьей, подготовке текста рецензии и, наконец, после завершения рецензирования. Ниже я приведу некоторые ключевые моменты конкретизированных ожиданий, не являющихся развернутым повтором базовых принципов.

Принимая решение об участии в рецензировании, рецензент обязан иметь в виду комплексные задачи этого процесса, формирующие ожидания редактора. Он должен оценить свою компетентность и обозначить ее ограничения (включая возможность оценить лишь часть или аспект рукописи). В случае открытого рецензирования рецензент обязан сообщить о своих личных или деловых связях с автором (в большинстве случаев наличие таких связей – основание отклонения запроса на рецензирование). Рецензент должен отказать журналу и в том случае, если рукопись слишком близка по теме к той, над которой он сейчас работает, или в том случае, если он причастен к исследованию, отраженному в рецензируемой рукописи. Рецензенту не следует без разрешения журнала привлекать к рецензированию младших коллег и следует указывать имена всех тех, кого он, в итоге, привлеч к подготовке рецензии. Рецензент не должен ограничиваться общими характеристиками рукописи или ее отдельных утверждений, его задача – предоставить редактору, который не является экспертом, достаточно доказательной информации, чтобы тот мог мотивированно представить автору позицию журнала. Предлагая изменения рукописи, рецензент не должен превращаться в ее дополнительного автора. Рецензент обязан градуировать свои замечания и предложения по степени их важности. Он не должен вводить неоправданные критические замечания в отношении цитируемых в рукописи ученых и предлагать автору рукописи ссылаться на те или иные исследования в целях повышения собственного индекса цитирования или индекса цитирования своей организации. Рецензент должен по мере возможности откликаться на просьбы журналов рецензировать доработан-

ные или вторично поданные версии уже отрецензированной рукописи. Рецензент должен знакомиться с рецензиями других специалистов для того, чтобы совершенствовать свои навыки. Он должен также сохранять конфиденциальную информацию о рецензировании и после завершения работы журнала над статьей. В целом стоит признать, что избранная комитетом разбивка ожиданий является удобной для рецензента, пытающегося охватить мысленным взором весь процесс своей работы и соотнести его с этическими стандартами [7].

В «Белой книге по поддержанию добросовестности в публикациях в научных журналах» Совета научных редакторов обязанности рецензента классифицированы в соответствии с разделами, отчасти соответствующими пяти рубрикам Тренера (исключая взаимную идентифицируемость авторов и рецензентов, которая отражает лишь один тип рецензирования).

Это конфиденциальность, конструктивность критики (с интересным замечанием, что анонимный рецензент должен критиковать рукопись так, чтобы его критика могла выдержать ее публичное обсуждение), компетентность, беспристрастность и добросовестность, раскрытие конфликтов интересов, своевременность и отзывчивость [10, 33–34]. Дополнительная конкретизация обязанностей произведена по принципу специфики их объектов: обязанности перед автором, обязанности перед редактором и обязанности перед читателем [10, 32]. Эта разбивка вызывает определенные вопросы, поскольку нормативное содержание этих разделов дублируется, а обсуждение каких-то специфических обязанностей рецензента перед автором, редактором и читателями мне кажется недостаточно обоснованным. Обязанности рецензента – это обязанности перед академическим сообществом в целом, которое включает автора и читателей, а также обязанности перед своей исследовательской дисциплиной. Непосредственно в отношении автора обязанности рецензента, вероятно, сводятся лишь к уважительному представлению своих критических соображений (что вряд ли может претендовать на целый раздел). Редактор же выступает всего лишь в качестве технического представителя академического сообщества. Непосредственно перед ним у рецензента нет обязанностей, кроме обязанностей ответственного делового партнера.

Гораздо более удачным и полезным для рецензентов и редакторов является введенный в «Белую книгу...» раздел «Примеры недопустимого поведения рецензента», в котором в назывном порядке перечисляются самые частые нарушения этики рецензирования (от фактических ошибок, совершенных по небрежности, использования рецензирования для продвижения своих гипотез и принижения своих академических соперников до нераскрытия конфликта интересов)

[10, 34]. В случае с этической документацией Комитета по публикационной этике эту роль играет та часть архива реальных кейсов, которая посвящена рецензированию. Но эти кейсы включают в себя очень много информации и интересны, прежде всего тем, кто столкнулся с точно такой же проблемой. Поэтому мне представляется, что наилучшим вариантом фиксации типичных нарушений был бы усредненный по отношению к двум, упомянутым выше, а именно – набор кратких, типизированных кейсов.

Список литературы

1. *Бакштановский В.И., Богданова М.В.* Ценности профессиональной этики в формировании идентичности опорного университета // *Ведомости прикладной этики*. Вып. 51 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2018. С. 127–165.
2. *Прокофьев А.В.* Академическая этика как этика «высокой» профессии: уточненная локализация проблем // *Ведомости прикладной этики*. Вып. 40. Прикладная этика как фронестика морального выбора / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2012. С. 126–140.
3. *Прокофьев А.В.* Научное руководство и академическое наставничество: этические аспекты // *Ведомости прикладной этики* / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2019. Вып. 53. С. 25–44.
4. *Прокофьев А.В.* Об обязанностях профессоров (нормативный контекст дискуссии о профессиональной успешности профессора) // *Ведомости прикладной этики* / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ. 2016. Вып. 49. С. 15–40.
5. *Прокофьев А.В.* Этика профессора и идея академического гражданства // *Ведомости прикладной этики* / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2020. Вып. 55. С. 20–41.
6. *Brown D.G.* On Doffing the Mask // *Journal of Academic Ethics*. 2007. Vol. 5. P. 217–219.
7. COPE Ethical Guidelines for Peer Reviewers (Committee on Publication Ethics, 2013) // URL: <https://publicationethics.org/files/Per%20review%20guidelines.pdf> (дата обращения: 10.05.2020)
8. *Corlett J.A.* Ethical Issues in Journal Peer-Review // *Journal of Academic Ethics*. 2005. Vol. 2. P. 355–366.
9. *Corlett J.A.* The Ethics of Academic Journal Editing // *Journal of Academic Ethics*. 2005. Vol. 6. P. 205–209.

10. CSE's White Paper on Promoting Integrity in Scientific Journal Publications' by the Counsel of Science Editors (Council of Science Editors, 2018) // URL: http://www.councilscienceeditors.org/wp-content/uploads/entire_whitepaper.pdf (дата обращения: 10.05.2020)

11. *Macfarlane B.* The Academic Citizen: The Virtue of Service in University Life. London: Routledge, 2007. 201 p.

12. *Overall J.* Stop Drinking the Kool-Aid: The Academic Journal Review Process in the Social Sciences Is Broken, Let's Fix It // Journal of Academic Ethics. 2015. Vol. 13. P. 277–289.

13. *Peters D.P., Ceci S.J.* Peer-Review Practices of Psychological Journals: The Fate of Published Articles, Submitted Again // Behavioral and Brain Sciences. 1982. Vol. 5, P. 187–255.

14. *Turner L.* Doffing the Mask: Why Manuscript Reviewers Ought to Be Identifiable // Journal of Academic Ethics. 2003. Vol. 1. P. 41–48.

15. *Turner L.* Promoting F.A.I.T.H. in Peer Review: Five Core Attributes in Effective Peer Review // Journal of Academic Ethics. 2003 P. 181–188.

Не-алиби на лопате цифровизации*

Аннотация. Статья содержит попытку обобщения этических факторов форсированного перехода высшего образования в цифровой формат. Главное внимание уделено самоопределению профессионального сообщества преподавателей высшей школы. Как представляется, главные усилия такого самоопределения могут быть направлены на институционализацию гуманитарной экспертизы. Форсированная цифровизация при отсутствии такой экспертизы ставит под удар интересы как студентов, так и преподавателей. Если за рубежом такие тенденции уже проявляются, то в России профессура пребывает в исключительно претерпевающем состоянии.

Ключевые слова: гуманитарная экспертиза, ответственность, профессура, университет, цифровизация, этика.

Название данного текста отсылает к известной сказке про Терешечку, похищенной коварной ведьмой, которая поручила своей дочке зажарить Терешечку в печке. Терешечка растопырился и никак не пролезал в печку. А когда ведьмина дочка решила показать ему – как надо сворачиваться на лопате калачиком, Терешечка отправил ее саму в печку. Сюжет этот возник в памяти в связи с нынешней форсированной цифровизацией, радикально меняющей на глазах все сферы социальной жизни, включая образование. Коронавирусная пандемия, переход на удаленный режим работы придали этому процессу дополнительное ускорение, что позволяет уже сейчас видеть наметившиеся перспективы. Даже если отвлечься от поднявшейся волны алармизма, переходящего в хорроризацию человеческого будущего, некоторые перспективы выглядят весьма неоднозначно.

Цифровизация – великое достижение цивилизации, обеспечивающая потрясающий уровень новых возможностей в науке, бизнесе, государственном управлении, жизненного комфорта. Но, как и у любого достижения цивилизации, у нее есть последствия, нуждающиеся в серьезном осмыслении. Тем более, если речь идет о таком институте, как высшее образование, обеспечивающем социализацию наиболее продвинутой части общества: ее воспроизводство и выведе-

* Исследование выполнено в рамках гранта РНФ №18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках».

дение на фронтир дальнейшего развития.

Ранее на страницах «Ведомостей прикладной этики» уже была предложена попытка систематизации негативных следствий и возможностей высшей школы в контексте цифровизации [3]. Это и новая антропология, как «новая животность», когда от человека требуются не рассуждения и рефлексия, а оперативная реакция по запуску «правильных опций». Это и вымывание живого общения, обсуждений, дискуссий, модераторами чего и выступают преподаватели. А значит, и вымывание социальной функции университета как системы воспроизводства «грибницы» поколений профессиональных сообществ. Для освоения пользования опциями, реализующими заранее кем-то разработанные алгоритмы, необходимости в университетах просто нет.

За всем этим стоит редукция знания к информации, данным и работе с ними. Буквально информация, как – мера разнообразия, формализуемая в двоичных кодах, легко переводится в цифровые форматы, алгоритмы, соответствующее программное обеспечение. Между тем, знание – это не просто информация, а информация осмысленная – всегда в каком-то ценностно-целевом контексте, который достаточно динамичен, пластичен и однозначному программированию полностью не доступен. А претензии на такое программирование выглядят сомнительными, по ряду соображений – от когнитивных и морально-этических до политических, – которые и создают основную фон упомянутых алармистских дискуссий.

Спасибо редакции «Ведомостей прикладной этики» за организацию данного обсуждения. В этой ситуации, в достаточно острой форме, возникает вопрос о самоопределении этоса университетской профессуры. У нас на глазах разворачивается сюжет этой драмы. Какие-то университеты объявляют себя разработчиками контента онлайн-образования, призывая других принять роль трансляторов этого контента. И находят понимание и отклик. Кто-то продолжает заниматься наукой, пытается организовывать и проводить реальные исследования, доводить их до научного сообщества. А кто-то принимает предложенную ежедневной рассылкой подготовку статей, научных трудов любой сложности, которые индексируются в наиболее престижных базах цитирования Scopus & WoS. Более того – даже с гарантиями перевода, успешной и быстрой публикации, а также «важнейшего фактора – хорошего цитирования после публикации». И все это – не могу удержаться от цитирования очередного такого предложения, – «учитывая сложную ситуацию», «за максимально приемлемые цены, которые фиксируем и тем самым даем возможность сделать процесс публикации гораздо приемлемей и легче: Q1

– 700-800\$, Q2 – 600-700\$, Q3 – 400-500\$, Q4 – 300-400\$. При публикации Q1-2 повышение цитирования входит в стоимость, срок сопровождения – 3 месяца». И кому-то такие предложения нравятся.

В СМИ и социальных сетях бушует шторм квалифицированных – и не очень – политически ангажированных и претендующих на нейтральность мнений относительно происходящего в высшей школе. Так, по мнению ректора Высшей школы экономики Я.И.Кузьмина [1], новые технологии сделают образование распределенным и не формальным, утратившим академичность, место которой займут цифровые интерактивные комплексы, инвестируемые IT-корпорации, такие как Сбербанк, Yandex, Mail.ru Group, 1С. Сотрут границы между традиционным университетом и системой непрерывного образования, массовых открытых онлайн-курсов типа глобальных платформ Coursera, MOOC. По мнению уважаемого ректора, пандемия помогла преодолеть сопротивление «традиционалистов», игнорировавших эти эффективные методы. И, по выходу из кризиса, высшее образование уже не вернется к привычной практике лекций, форма которых не менялась уже пять столетий и надоела студентам. Тогда как онлайн-курс мобилизует и концентрирует внимание в большей степени и за короткий период, позволяя выбирать необходимое в более удобное время. Место учебных аудиторий займут виртуальные коворкинги, а реальные кампусы превратятся преимущественно в рекреативные зоны.

Казалось бы – райские условия для студентов. Между тем реакция студенчества на новые технологии уже свидетельствует о настороженности и даже неприятии непродуманного их внедрения.

Исследования, проведенные специалистами Массачусетского технологического института, показали, что еще до пандемии COVID-19 образовательные платформы типа MOOC столкнулись с ограничениями применения. Первоначальный интерес потребителей оказывался неоправданным, большой процент начавших обучения часто покидает ресурсы, и доля людей, до конца проходящих такие курсы, не просто мала, но с течением времени, несмотря на активные инвестиции, всё уменьшается. Не на пользу делу оказывается и конкуренция производителей таких онлайн-услуг [7]. В результате начался встречный процесс – те же разрекламированные платформы стали транслировать традиционные образовательные программы. С приходом пандемии такая практика была перехвачена более удобными и доступными ресурсами вроде Zoom'a.

Однако и здесь возникли проблемы, похоже, уже существенные для дистанционного образования в целом. Оказалось, что в дистанционном режиме американским студентам труднее войти в учебный

процесс и ориентироваться в нем. Их угнетает чувство изоляции. В результате, они оказываются недовольны получаемым таким путём образованием, в целом менее удовлетворены им самим, к тому же результаты прохождения образовательных программ по итогам аттестации оказываются хуже, чем при очном обучении [5].

С аналогичными проблемами столкнулись и российские университеты при форсированном переходе «на удаленку» в условиях карантина. От студентов-«платников» стали поступать жалобы и требования снизить плату за обучение, получаемое с экранов компьютерных мониторов на съемных квартирах, и оказавшееся на порядок хуже чем то, которое они получали или могли бы получить в университетских аудиториях и лабораториях, общаясь с преподавателями и другими студентами. Правда, до судебных исков к университетам, в отличие от США, у нас дело пока не дошло.

Вряд ли способствует качеству образования и упование адептов цифровизации и дистантности образования на сокращение количества преподавателей. Именно тот факт, что при такой практике в американском Университете Джорджа Вашингтона на 220 аспирантов-инженеров пришлось всего 2 штатных преподавателя, и послужил поводом судебного иска [6]. Очевидно, что такая «оптимизация» чревата серьезными издержками качества подготовки. И какую роль в этой ситуации играют преподаватели? Они поставщики, трансляторы данных и алгоритмов их обработки? Но и это делают цифровые программы. И преподаватель в этом случае сам превращается в некую опцию – придаток к алгоритму.

Другой разговор, что за этой форсируемой, не обсуждаемой и не экспертируемой трансформацией может стоять мотивация, публично выраженная на одной представительной конференции, когда крупному чиновнику был задан риторический, по мнению спрашивавшего, вопрос: «Молодежь – это ресурс или проблема?» Ответ был дан тут же: «Конечно, проблема. И для ее решения у нас есть три инструмента: университет, армия и тюрьма». При таком подходе, разумеется, запроса на подготовку и воспитание развитых, критически мыслящих специалистов нет. Нужны геймеры – пользователи упомянутых «правильных опций». И это уже наводит на вопрос об этосе социума в целом [2].

Как представляется, задача заключается в институционализации гуманитарной экспертизы последствий цифровизации образования, самой разработки новых технологий, степени их необходимости и внедрения [4]. При отсутствии такой экспертизы увлечение цифровым онлайн-форматом, форсированное, плохо продуманное, обусловленное просто возможностью реализации, ставит под удар интере-

сы как студентов, так и преподавателей. И если за рубежом, с помощью доказательных исследований, такие тенденции осознаны, то в России научно-преподавательское сообщество пребывает в состоянии исключительно претерпевающим. И если академическое сообщество уже предпринимает какие-то действия на уровне деклараций и обращений [3], то университетская профессура плывет по течению.

Похоже, современное общество, высшая школа и профессура – как ее ключевой компонент – переживают прохождение некоей «бифуркационной точки невозврата». И этот переход во многом определяется нравственно-этическим выбором, проявлением отсутствия у вменяемого человека «алиби в бытии», о котором писал и говорил М.М. Бахтин. Разум вторичен по отношению к ответственности, выступая мерой осознания ее горизонта и глубины. Наверное, логично предположить, что профессура наделена этим качеством. Дело выбора... Или, как Терешечка на лопате у ведьмы растопыриваться, не желая пролезать в печку, или самому калачиком сворачиваться...

Список литературы

1. Кузьминов Я.И. Вирусная революция: как пандемия изменит наш мир // <https://www.rbc.ru/opinions/society/27/03/2020/5e7cd7799a79471ed230b774> (Дата обращения 02.05.2020.)
2. Матвеев И. Будущее зависит от того, как о нем говорить // <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/17/84948-buduschee-zavisit-ot-togo-kak-o-nem-govorit> (Дата обращения 02.05.2020.)
3. Рубцов А. Бунт на корабле знания // URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/02/24/823700-bunt-korable> (Дата обращения: 29.04.2020.)
4. Тульчинский Г.Л. Трансформация этоса профессуры: цифровизация как контекст кризиса // Кризис этики профессора в трансформируемом университете. Ведомости прикладной этики. Вып. 55. Тюмень: НИИ ПЭ ТИУ, 2020. С. 64-71.
5. Bambara C.S., Harbour C.P., Davies T.G., Athey S. Delicate Engagement: The Lived Experience of Community College Students Enrolled in High-Risk Online Courses // <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0091552108327187> (Дата обращения 02.05.2020.)
6. McKenzie L. Questions on Quality of Online Learning // <https://www.insidehighered.com/digital-learning/article/2017/10/18/faculty-analysis-criticizes-online-education-george-washington> (Дата обращения 02.05.2020.)
7. Reich J. and Ruipérez-Valiente J.A. The MOOC pivot // Science. 2019. Vol. 363, Issue 6423, pp. 130-131.

А.Ю. Согомонов

УДК 174

Этическая повестка «цифрового общества»

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы моральной трансформации современного «цифрового общества». То, что сегодня происходит в нравственной сфере, в значительной степени актуализировано быстрым и повсеместным распространением цифровых технологий на все стороны жизнедеятельности человека. Пандемия же послужила дополнительным триггером к тотальной цифровизации. Однако этическая рефлексия этой социальной акселерации идет очень медленно. Этика плетется в хвосте общественно-технологических перемен. И поэтому совершенно не готова к новой нравственной реальности. Особенно рельефно этико-рефлексивное отставание заметно на низкой включенности таких глобальных вызовов как «искусственный интеллект» в современный этический дискурс. Последствия же такой а-синхронизации могут быть довольно серьезными и вылиться в новые моральные конфликты.

Ключевые слова: моральная трансформация, цифровое общество, искусственный интеллект, этический дискурс

Вся философия заключается в двух словах: выдерживай и воздерживайся.
Эпиктет (50-138 н.э.)

Бесмысленно сегодня отрицать очевидный факт ускорения социальных и культурных перемен в глобальном мире XXI века. Равно как и глупо закрывать глаза на этот процесс, делая вид, что ничего принципиально нового не происходит: ведь и ранее во всемирной истории случались периоды галопирующих глубинных изменений, когда человеческий разум не в силах был охватить масштабы и последствия происходящих общественных перемен.

Безусловно, так. Но только при одном «но». Отныне *сами перемены* становятся «знаком» и «духом» времени, а точнее: *базовой идеологией прогрессивного развития*. Хотя бы только одно это делает весь наш век исторически неповторимым. Немецкий социолог Гельмут Роза исследовал феномен «социальной акселерации» и пришел к выводу о необходимости новой теории модернизации, которая отвечала бы вызовам и задачам наступившего столетия [3]. Возможно, само это историческое время еще и не наступило. Но мы, очевидно, движемся в направлении кардинального обновления гло-

бальной цивилизации и изобретения революционных способов ее познания.

Этическая рефлексия «века акселерации» идет крайне вяло. Философская мысль плетется в хвосте внешних перемен, с трудом улавливает новые тренды и в лучшем случае встраивается в рамки социокультурной динамики со своими слегка модифицированными, но, похоже, порядком устаревшими взглядами и концепциями. «Акселерация» же, между тем, требует не только обновления этико-философского багажа, но и признания того, что моральное сознание и нравственное поведение по факту изменяются быстрее и по непредсказуемому для классической этической теории сценарию.

Для философа встроиться в бурный поток перемен и предложить новую повестку отныне означает, прежде всего, проявить внутреннюю способность и готовность к последовательной этической трансформации. Увидеть мир другими глазами, перестать навязывать ему старые шаблоны и мерки. Не полагаться только на эвристические возможности простой аппликации философской этики к меняющимся обстоятельствам. В противном случае, нас ожидает нравственный коллапс и наступление эпохи конкурирующего сосуществования разных этик, в том числе прикладных, профессиональных и корпоративных, с *новыми окнами возможностей для людей в плане моральной мобильности* от одной локальной этики к другой без принятия каких-либо долгосрочных нравственных обязательств.

Оба сценария нравственного развития мира – равновероятны. И для того, чтобы понять природу предстоящей этической трансформации, обратимся к самому показательному, с этой точки зрения, нравственному опыту античного человека в преддверии новой христианской эры. И то отдаленное от нас время, и актуальное настоящее были чрезвычайно похожими, но все-таки следует воздержаться от большого искушения отождествить их социокультурные смыслы. Тем не менее аналитическое сравнение того, как происходила этическая трансформация на заре новой эры и как она может развиваться сегодня, подскажет нам интересные познавательные «ходы» для того, чтобы лучше разобраться в этических инновациях текущего «века акселерации».

Этическая трансформация 1.0: открытие морали

Эпоха, в которой жил, мыслил и учительствовал великий стоик поздней античности Эпиктет, была, действительно, на редкость похожа с нашей. Как и сегодня, римское общество зрелого принципата становилось для простых римлян непривычно массовым и гипертрофированно свободным, общинные формы общежития и нравственные устои уступали место имперским порядкам - сложноиерархич-

ным, непрозрачным и нравственно распутным. Разобраться в них было крайне непросто: власть предельно дистанцировалась от простых граждан, а манипулятивная публичная коммуникация властвующих элит подменяла собой собственно политику. И тогда, и сейчас человек жил скорее в контекстах постправды, фейков и троллинга (если воспользоваться сегодняшним медийным новоязом), чем в сообществе равных ему субъектов, ищущих нравственную истину и познающих подлинные смыслы бытия.

Естественно, что и политическая этика разлагалась под влиянием всеобщей коррупции, вседозволенности и лжи. Традиционный нравственный регламент и представления о добродетельной жизни были отвергнуты и воспринимались римлянами не более чем безвозвратно оставшимися в славном прошлом культурными архаизмами. Человек ощущал себя тотально одиноким в тогдашней шумной жизни больших городов, переросших все мыслимые и немыслимые границы стандартных и обозримых умом полисов. На философской повестке дня стоял один главный вопрос: к каким этическим берегам причалить запутавшемуся в том сложном мире обычному человеку?

Одни публичные лидеры, рассуждая вслух, проповедовали возврат к нравам предков, другие – абсолютно не верили в саму возможность поворота исторического времени и учили тому, как этически выжить атомарной личности в кардинально обновленной реальности и достойно прожить уготованный ей судьбою отрезок времени. *Выжить надлежало именно этически*, поскольку новые условия и понимание добродетельной жизни основывались уже не на традиции (и нравах), а на сознательном выборе некой одной из господствующих в то время этических теорий. Трансферты от одной жизненной философии к другой при этом отнюдь не возбранялись. Да и в целом доктрина добродетельной жизни перенималась людьми отныне не «по наследству» от старших поколений к младшим, а индивидуальным желанием и волевым усилием свободного разума – *рациональным выбором*.

В каком направлении в ту эпоху историческая судьба «вела» всех римлян – неведомо никому, даже выдающимся умам империи. Заглянуть в будущее невозможно по причине прежде всего непрозрачного настоящего, но и не в последнюю очередь в силу отсутствия исторического опыта подобных революционных перемен. Жить приходилось в условиях непредсказуемости и невнятности социального времени. И поэтому неслучайно любая яркая и вброшенная в публичное пространство философско-этическая идея привлекала к себе внимание людей и быстро находила сторонников, а стройное

учение тем более обрастало толпами горячих поклонников. Поразительное *deja vu* культурной динамике нашего времени, не правда ли?

Дохристианский Рим в начале новой эры был не только центром обозримой ойкумены, сосредоточием высшей светской и сакральной власти, но и точкой пересечения всех известных в то время религиозно-нравственных трендов. Все они проявлялись в публичном пространстве исключительно в конкурентной борьбе друг с другом за умы и эмоции людей. Однако, пожалуй, только одним стоикам историей была уготована роль стать самыми влиятельными и популярными, а в конечном итоге и наиболее известными нравственными учителями своего времени. Лишь стоицизму удалось закрепиться на передовых позициях в мировой этической культуре на долгие столетия вперед. Так, Возрождение и раннее Новое время – после несколько затянувшейся временной паузы на средневековый обскурантизм – вновь вернули стоицизму по праву принадлежащий ему статус общепризнанного лидера в большом мировом семействе глобальной этической культуры и включили его идеи в современную систему нравственного воспитания. В этом смысле стоицизм удивительным образом оказался вне времени и пространства.

Вдохновленные мыслями древних стоиков тысячи политиков, творческих лиц и видных общественных деятелей уже нашей современной цивилизации Новейшего времени исповедовали стоические ценности и идеалы, в соответствии с ними выстраивая свои приватно-публичные биографии. Мимо стоицизма не прошли равнодушно Толстой и Ганди, Рузвельт и Тэтчер, Сахаров и Швейцер и другие персонифицированные символы эпохи простого Модерна. Многие из них, возможно, и не отдавая себе отчета в том, что придерживались базовых нравственных правил стоицизма, но по факту своих биографий были истинными стоиками. Их образы жизни и публичная риторика были весьма различными, но если поискать в них некий общий культурно-нравственный знаменатель, то несложно будет обнаружить у них устойчивое внутреннее тяготение к жизненной линии, отраженной в общеизвестной формуле, ошибочно приписываемой позднему стоику – римскому императору Марку Аврелию. Скорее всего, она в русской традиции была сформулирована графом Толстым, точнее, переведена им с французского языка. «Делай, что должно, и пусть будет, что будет!» Но, ведь, и поныне рефлексирующие люди признаются самим себе и своему окружению в том, что живут именно согласно этой формуле жизненно-нравственного успеха. В чем же тогда секрет стоицизма, если вообще он существует?

Собственно говоря, как мне кажется, секрета никакого и нет. *Стоицизм - религия кризисов* (гипотеза принадлежит А.А. Столяро-

ву). Это - простое и очень точное определение, которое, возможно, не вполне системно, но все же постигает суть стоической нравственной мудрости и ее внеисторическую привлекательность для «потерявшегося» во времени и пространстве человека. Очевидно, что только с помощью этой гипотезы можно объяснить удивительную свежесть древних стоических текстов для восприятия у самых дальних потомков. Даже христианство в свое время многое заимствовало именно у стоиков, на что, кстати, справедливо обращал внимание Ф. Энгельс. В известной степени вся раннехристианская философия была развитием и своеобразным ответом языческому стоицизму.

Общественные потрясения, катастрофы, глубинные перемены, масштабные преобразования – подобные «бедствия» во все века переживались людьми как культурные разрывы исторического времени (особенно последние пять столетий) и неизменно направляли человеческие души для спасения именно к стоико-этическим берегам. Философская истина и нравственная мудрость. Жизненная умеренность и бесстрастность. Сдержанное отношение ко всему внешнему и, тем более, преходящему. Список этических «откровений» стоиков можно составлять до бесконечности, но очевидно, что мы все-таки получим весьма узнаваемый набор принципов и ценностей, до боли знакомых каждому, кому приходилось в самые непростые времена *обрести самого себя и удержаться в этом моральном стоянии*.

Постоянный возврат человечества к стоицизму не означает вневременной стабильности этических декораций. Но все же философско-этическое утешение, которое предлагает современному человеку античный стоицизм, строится на идее фундаментального и мало переменчивого человека, общества, власти, морального выбора и жизненных траекторий людей в целом. Потому совершенно логичен возврат современного человека к стоическим рецептам добродетельной жизни. Впрочем, следует помнить, что стоическая философия ориентирована отнюдь не на большие и разнородные сообщества, а на социально одинокую, но при этом сильную личность, психологически устойчивую, ментально хорошо подготовленную и способную к постижению истины. Возможно, именно поэтому стоицизм более популярен в среде сильных духом политиков, бизнесменов, деятелей искусства и общественных лидеров. В гораздо меньшей степени он распространен в народных массах.

Стоическая личность – особая модель в большом пуле исторических разновидностей индивидуализма. Она чрезмерно философична, медитативна, космополитична и до определенной степени даже асоциальна. Стоический индивидуализм имеет мало общего, к примеру, с современным либеральным индивидуализмом Нового

времени, который был в свою очередь ориентирован, прежде всего, на свободу, закрепленную в институтах прав человека. Стоический индивидуализм - больше о свободе духа и мысли и даже об относительной автономности стоического духа от физического тела.

Почему же тогда он не утратил популярности в век либерализма? Версий ответа на этот фундаментальный вопрос может быть много, все они будут достоверными и аргументированными. Ведь, по большому счету, этот вопрос можно поставить таким образом: откуда у человека тяга к этической рефлексии и желание прожить нравственно достойную жизнь? Очевидна одна констатация: для воплощения в жизнь этого базового мотива недостаточно простого и наивно-нравственного здравого смысла, что древние греки предпочитали обозначать многозначительным словом «рассудительность» (*sophrosyne*). Необходимо понимание и осознанное принятие этоса надсоциальной справедливости. То есть умение совершать *выбор в пользу морали*.

Выбор такой по природе своей всегда будет *рациональным*. И поэтому он нуждается в фундаментальных знаниях, навыках управления самим собой и другими людьми, таланте рассуждать открыто и честно, способности выносить бесстрашные приватные и публичные суждения. Таким образом, переосмыслив на рубеже эпох глубочайший кризис традиционных нравов и устоев, древним стоикам удалось приоткрыть завесу тайны «морального» в сложном и непрозрачном обществе, хотя сами они этим понятием и не пользовались. Благодаря именно этому «открытию» они стали привлекательными для всех последующих эпох.

Можно сказать, что стоический человек обладал тремя этическими компетенциями: познал суть морального и превратил его в рациональное знание, отделив от интуитивной мудрости и ритуала. Мир вокруг себя и мир внутри себя он сбалансировал особыми когнитивными навыками, например, умением различать вещи, на которые человек может повлиять, и которые не доступны его желанию и воли. И наконец, он придал этическим словам и цельной моральной речи логотерапевтический статус, уверовав в его деятельный потенциал для того, чтобы человеку меняться самому и менять мир вокруг себя. Для этого стоическому человеку не было надобности ни в культурных традициях, ни, тем более, в стимулах, идущих к нему извне, то есть от конкретного социума или религиозного сообщества. Древний стоик – космополит-одинок.

Конечно же, стоический человек в буквальном смысле не одинок, он не анахорет и уж тем более, не аскет, но – абсолютно автономен как самодостаточный нравственный субъект. Стоический че-

ловек, как правило, не принимает привычной социальной матрицы, а мыслит и действует сообразно природе и своему космополитическому мировоззрению. Он не высокомерен, но и не лишен некоторой надменности к ценностям и нравам толпы. Он целиком и полностью полагается на свой разум и способность совершать рациональные выборы. Расхожие поведенческие кодексы он подменил благоразумностью. А смысл жизни видел в нравственном достоинстве и символизме каждого момента ее проживания. Посему быть стоиком дано лишь избранным. И этот вполне логический рациональный элитизм стоицизма привлекал к себе внимание «единиц», естественно отталкивая массы. Философия стоицизма отнюдь не для общего потребления.

Только избранный круг людей стоицизм приближает к познанию сути нравственного субъекта и морального долга, одновременно предоставляя им уникальную возможность закрыться в своем моральном микромире и дистанцироваться от масс - непросвещенных и непосвященных в этическое таинство. И если все-таки принять гипотезу Столярова о том, что стоицизм – религия кризисов, точнее, было бы отметить, что стоицизм – скорее, «этическая секта» эпохи кризисов и глобальных перемен. Сам феномен «религия» даже в переносном смысле предполагает все-таки известный эгалитаризм и равнодоступность людей к себе.

Только «единицам» стоический нравственный характер будет посилам и потому станет самоценным. Поскольку только им на практике доступен стоический баланс мысли, мудрости и образа жизни. Вообще, стремление гармонизировать теорию и практику на собственном примере является особенностью всей античной этики – от софистов и Сократа, до мастеров эллинистическо-римской мысли. Истина постигалась через этот баланс. И когда он нарушался в ту или иную сторону, у публики возникало немало вопросов к «хранителю» сего нравственного слова, что, в частности, произошло с Сенекой, чей образ жизни, мягко говоря, плохо корреспондировал его нравственной философии.

От стоика же требовалось следование линии жизни, выстроенной в логике, повторяя слова Эпиктета «выдерживай и воздерживайся». Следует стойко выдерживать все внешние трудности, которые обрушиваются на человека, и ко всему, что бы ни случилось, относиться спокойно. Эпиктет полагал, что к свободе ведет лишь одна дорога: «презрение к тому, что не зависит от нас». Воздерживаться надлежит от любых проявлений страстей, памятуя о том, что человеку принадлежат только его разум и душа, но не тело. Эпиктет говорит: «Возьмите мое тело, мое имущество, мою честь, мою семью, —

но мысли моей и воли никто не может у меня отнять, как и ничто не в силах их подавить». Он призывает своих последователей стремиться к высокой и амбициозной биографической планке - «хотя ты еще не Сократ, но должен, однако, жить как человек, желающий стать Сократом».

Стоицизм ознаменовал собой крутой разворот в истории западной цивилизации. Свобода была возведена в ранг вожделенной жизненной цели. Брутальные нравы предков забыты. Эмоции и нравственные чувства отменены в сторону, а на передний план был выведен ум и его воля к нравственно-философской истине. Вполне можно назвать это событие в эволюции этики революционным, ибо именно с него начинается отсчет исторического времени рациональной морали.

Этическая трансформация 2.0: мораль в зазеркалье

Закат рациональной морали образца простого Модерна происходит буквально на глазах, причем по всем «законам» научно-фантастического жанра. Вполне осязаемый ранее планетарный объект (мораль) поглощается «черной дырой» неизвестного происхождения (интернет). Этика долга, любимое детище философии Просвещения, не просто трансформируется в нечто невразумительное и малоприметное в общественной жизни, но полностью аннигилируется подобно тому, как скрывается солнце во время полного затмения. Ночь, казалось бы, еще не наступила, но светило скрыто как видимый объект. И главный вопрос, который по-прежнему мучает нас: ждать ли его очередного выхода из тени? Или, что вероятнее всего, нынешний закат этики долга - финальный и он оставляет нас без надежд на ее очередное восхождение.

Жиль Липовецкий на заре постмодернистской эпохи использовал весьма похожую метафору в своем знаменитом манифесте-предупреждении «Сумерки долга» [2]. В этой книге французский философ рассуждает о моральных метаморфозах на исходе прошлого века. Он напрямую не говорит о «конце морали», но прозрачно намекает на нечто подобное этому диагнозу, увязывая его с наступлением эры *нового индивидуализма* высокого Модерна. Мода, сети, нравы и этика потребительского общества синхронизируют радикальные перемены в поведении людей, в том числе и как они воспринимаются друг другом со стороны. Из этической сферы полностью вытравлены идеи нравственной жертвенности, сознательного выбора в пользу обязательного и необходимого, как и многое другое, что ранее включалось в «святую святых» классической этики. Рациональная мораль неизбежно корродирует под давлением этического плюрализма, лениности нравственного сознания, гиперэмоциональности, политической

корректности и, в результате, разрушается во множественных ситуационных контекстах. Картина неприглядная, но, похоже, очень реалистическая.

Рациональная мораль Нового времени, вобравшая в себя как христианскую, так и языческую античную традицию, *системное нравственное знание поместила в центр этической вселенной*. Интуиция и чувства обретали в ней нравственный смысл через знание и становились поведенческими факторами именно благодаря ему и вытекающей из него этической рефлексии. Высокий Модерн разрывает эту логическую цепочку, усомнившись в философской обоснованности и адекватности подобной нравственной эпистемологии. И, как следствие, преобразует когнитивный статус морали из устойчивого в релятивный. Точнее сказать, мыслители высокого Модерна нравственную «episteme» (знание) заменили нравственной «доха» (суждением/мнением). И тем самым открыли дорогу этическому плюрализму и возможности опираться на интерпретации множественных смыслов в повседневной жизни (феномен мультиморальности). Моральная истина не существует вне универсализма этики долга, а нравственная «правда» позволяет людям выбирать свои биографические стратегии и совершать каждодневные выборы на основе гипер-индивидуализированных оценок и вердиктов. Нравственное суждение побороло рациональное знание.

Морально-этическая трансгрессия постмодернистской мысли *стирает непроходимые границы между возможным и невозможным*, а разумному субъекту позволяет выйти за пределы рациональной морали в пространство этической неопределенности, невнятности и непрозрачности. Этот переход нагляднее всего проявлен в публичных дискуссиях, связанных с углублением процессов всеобщей цифровизации, изобретением искусственного интеллекта и усилением всепроникающего характера открытых и больших данных.

Можно ли «приложить» этическое измерение к проблемам цифрового пространства, если в соответствии с постмодернистской логикой «добро и зло» у всех людей разное, а виртуальное «добро и зло» тем более – сюжет абсолютно запутанный и никоим образом не продуманный и не прописанный? Да и вообще: так ли должна быть сформулирована базовая моральная дилемма общества знания?

Поскольку разные интеллектуальные представления о «добре и зле» в высоком Модерне сосуществуют (они, собственно, и порождают социальную объективацию нравственного поведения), то мы вправе говорить о торжестве ситуативного и контекстуально зависимо-го этического знания, по сути постулируя «конец» морального универсализма. В этом смысле цифровая этика, если таковую и можно

будет когда-то сконструировать, обретет какое-либо значение лишь для участников виртуальной интеракции, следовательно станет очередной разновидностью прикладной этики, причем достаточно специфического и узколокального значения и «приложения».

Именно так рассуждают представители нового поколения активных участников онлайн взаимодействия, обманывая при этом себя и вводя в заблуждение других. Цифровая этика – куда масштабнее ее сугубо прикладного значения. Она, по сути своей, осуществляет *выход человека в параллельный мир экзоморали*. Сохраняет лишь внешнее сходство с рациональной моралью, открытой стоиками и законсервированной на многие поколения просветителями XVIII века и в первую очередь Кантом. Но по глубинным смыслам и своей телеологии она есть нечто совершенно «чуждое» и современной цивилизации, и современному человеку.

Дело в том, что наш цифровой мир не является прямым продолжением и логическим развитием мира офф-лайна, хоть и социогенетически к нему восходит. Удивительным образом это – новая вселенная, изобретенная живыми людьми, не получившая по наследству того разнообразия ценностей, норм и правил игры, которые существовали в обществе простого Модерна. Напротив, она создает поистине уникальный этос, аналогов которому не найти во всей мировой истории. Но то, каким образом осуществляется сегодня эта этическая трансформация, делает наше время весьма похожим с эпохой зарождения морали в поздней античности.

Цифровая этика (digital ethics). Этот термин вполне прижился в научной литературе и широко используется в публичном дискурсе, постепенно выкристаллизовываясь в цифровом мире как *этика отраженного мира*, по сути – мира альтернативного. Обратим внимание, цифровая этика – это не какой-то малозначимый квазиэтический «довесок» к богатой и разнообразной нравственной жизни по эту сторону персонального дисплея человека. И конечно же, – не жесткая регламентация закрытого нравственного мира, навязанная кем-то извне. Цифровая этика – это автономная сфера морали, открытая для входа и выхода свободных субъектов. Она порождает бесконечное множество казусов для этической рефлексии. И уже изначально выстроена вокруг новых возможностей для человека, его свободы и самореализации. Казалось бы, виртуальный мир – чисто инструментальный и внешний, однако время показало, что он создал для человека окно удивительных возможностей альтернативной жизни, осуществляемой по своим законам и правилам. *И равно как цифровой мир стал удвоением реальности, так и цифровая этика превращается в закрытый и автономный мир альтернативной морали.*

Сегодняшняя морально-этическая повестка пронизана именно этим сложившимся за последние десятилетия *параллелизмом миров*. Переходы из одного мира в другой и обратно стали каждодневными, обыденными и совершенно незаметными для всех нас, кто регулярно пересекает эти воображаемые границы. Разумеется, использование понятий «граница» и «пересечение» - в данном случае весьма условное. И пожалуй, ничего общего не имеет с их классическим употреблением. Хотя мне могут возразить, что и территориальные границы, и переходы через них становятся ныне сущим пустяком, и мы все меньше обращаем на них внимание. В трансграничной мобильности жизнь для миллионов землян стала естественной и нормальной. Но все-таки традиционное физическое присутствие границ в нашей жизни примиряет массовое сознание с фактом необходимой трансгрессии. Однако и пересечение виртуальных границ такая же по сути своей трансграничная мобильность, но мы её уже не замечаем. Человеку достаточно одного лишь воображения, чтобы представить себе эти условные границы и не менее условные их переходы. Жизнь и поведение в обоих мирах регулируются разными нормами и подчинены разным мотивам. Даже если преодоление границ между ними упрощено, переход из одного ценностного мира в параллельный всегда довольно чувствителен.

Кроме того, в виртуальном мире нарушены привычные статусы и роли, к чему человечество привыкло за последние два-три столетия и адаптировало под них свои этические теории. Но главное – в нем преодолено классическое противопоставление «производителя» и «потребителя». Еще более полувека назад на это обратил внимание М. МакКлюэн, сам же термин 'prosumer' был предложен Элвином Тоффлером в книге «Третья волна»; в нем легко прочитывается аналитический синтез обоих общественных положений человека [1]. Работа в удаленном офисе, потребительский журнализм, краудсорсинг, самореклама, социальные сети, дистанционные услуги и практики и многое другое – не просто технологические инновации, а громадный вызов для всей современной цивилизации. Размываются границы между привычными для современности крайностями (по типу: работа-досуг, свобода-неволя, гарантии-неопределенность), что существенно элиминирует буквально все социальные детерминанты рациональной морали. И в условиях предельно ослабленного влияния церкви и политических идеологий на массовое потребительское общество превращает эту мораль по всем своим существенным характеристикам в «*прекариатную*», то есть гибкую, контекстуальную, плюралистическую, рефлексивную и ad hoc смысловую. Для носителя «прекариатной» морали «добро и зло», конечно же, категории аб-

солютно нерелевантные и по сути сугубо относительные. Впрочем, не меньшие метаморфозы происходят с нравственным субъектом. Туманные очертания приобретает как само понятие, так и его референциальная природа. Параллельно тому, как меняется социобиологическая природа человека, одновременно и небиологические сущности включаются в обновленную нравственную интеракцию. И что есть сегодня нравственный субъект – вопрос не праздный и отнюдь не простой.

Postscriptum: станет ли искусственный интеллект моральным субъектом?

Крайне показательным, каким образом недавно была предпринята первая серьезная попытка обрисовать морально-этическую рамку для постоянно набирающего силу искусственного интеллекта (<https://style.rbc.ru/life/5e5920e99a7947549882db43>). Поразительно то, что сама эта попытка стала итогом длительного и плодотворного этического сотрудничества Ватикана и крупнейших ИТ-компаний мира. Римский понтифик, не замеченный ранее в интересе к технологиям, внезапно озабочился этической стороной их прогрессирующего развития. Он предвидит разные сценарные возможности ИТ-будущего и отнюдь не исключает ситуации «нового варварства», то есть, согласно его мысли, торжества права сильнейшего над общей пользой.

Уже в сентябре 2019 года на конференции «Общее благо в эпоху цифровых технологий» в открытой проповеди Папа Франциск продемонстрировал миру свою глубокую погруженность в проблематику и философско-теологическую озабоченность новыми вызовами. Его риторика не была консервативной, напротив, он выступил сторонником прогресса, но при этом призвал к серьезным дискуссиям в связи с растущим присутствием искусственного интеллекта во всех сферах жизнедеятельности человека. Его главный посыл сводился к утверждению того, что в мире сложился хрупкий баланс «фундаментального параллелизма»: между преимуществами технологий и этическими принципами, на которых будет удерживаться цивилизация будущих возможностей.

Итогом первого раунда дискуссий стала беспрецедентная во всей истории римско-католической церкви этическая инструкция к применению искусственного интеллекта, обнародованная зимой 2020 г. Ее цель: цифровые инновации и прогресс должны служить «гению и творчеству человека», а не вытеснять их постепенно и, возможно, необратимо. Составленный авторами шортлист этических принципов, которые католическая церковь предлагает учитывать при распространении искусственного интеллекта, был не многосложным.

Он включал в себя несколько пунктов: (1) прозрачность (искусственный интеллект должен быть доступен для понимания); (2) инклюзивность (все человечество должно извлекать пользу, а не только «избранные»; необходимо учитывать все интересы и создавать равные возможности); (3) ответственность (креаторы обязаны действовать ответственно и транспарентно); (4) беспристрастность (создатели идей и технологи должны поступать во всем непредвзято и в интересах справедливости, сохраняя достоинство человека); (5) надежность; (6) безопасность; (7) конфиденциальность (личным данным людей должна быть гарантирована конфиденциальность).

Авторы инструкции, по всей видимости, исходили из того, что декларация подобного свойства и формулировка краткого списка принципов может стать достаточным этическим основанием и, выражаясь их же языком, поспособствует выработке «фундаментальных элементов» и понимания «полезных инноваций». По сути ватиканский текст есть ничто иное, как попытка этически «сбалансировать» технологический прогресс опорой на общепринятые нормы и ценности морали. Именно так римско-католическая церковь и определила для себя смысл всей совместной с ИТ-гигантами этической коллаборации. При этом если для компаний целью была их большая легитимация и повышение доверия глобального сообщества к их коммерческой деятельности, то для Ватикана – демонстрация своих властно-идеологических возможностей, готовность и способность по старинке принуждать людей к интеллектуальному порядку и действиям сообразно цивилизационным рестрикциям, в основе которых христианская трактовка моральной справедливости и гения человека.

Очевидно, что подобными призывами никоим образом не решается фундаментальный вопрос о моральном статусе искусственного интеллекта. В лучшем случае мы получаем манифест ожиданий, но даже не декларацию намеренности элит. Проблема упирается в философское признание *автономности искусственного интеллекта* и его статуса в качестве *самостоятельного морального субъекта*.

Я мог бы опустить сейчас вопрос о том, можно ли это обеспечить чистым программированием. Если мы допускаем, что *moral education* есть способ передачи рационального морального знания будущим поколениям, то почему нельзя это сделать и в отношении искусственного интеллекта? Полагаю, что технологически можно *любое моральное знание перевести в цифру*, а это спровоцирует в высоком обществе новаторов и политиков не только серьезные опасения, но и самую что ни на есть моральную панику.

Мне кажется, что нас пугает не столько способность искусственного интеллекта мыслить за человека, принимать за него важные

решения и даже отчасти властвовать над ним, сколько потенциальное уравнивание искусственного интеллекта с самим венцом божественного творения. До сегодняшнего дня только человек в процессе познания способен был приблизиться к таинству морали. К той самой «тайне», которую умело сконструировали стоики на исходе античной цивилизации, и которую мы безуспешно пытаемся раскрыть почти две тысячи лет.

Сегодня страх перед возможной *де-мистификацией морали* искусственным интеллектом, причем в самом ближайшем будущем, обращает нас вновь к трансцендентальным сущностям, изобретенным универсальной цивилизацией. Мы готовы больше довериться иррациональному знанию и – что, пожалуй, самое главное – склоняемся к деконструкции идеи прогресса вообще и нравственного прогресса, в частности. Это уже не первый раз происходит во всемирной истории. Но сейчас этическая трансформация порождена внешними по отношению к эволюции человека обстоятельствами и способна подтолкнуть мир к необдуманным решениям, более того – к катастрофическим по своим последствиям глобальным действиям.

Таким образом, этическая трансформация 2.0, предлагая человеку пренебречь культивируемой столетиями рациональной моралью, не создает новых позитивных образцов и не прорисовывает ясных моделей нравственного поведения подобно тому, как две тысяч лет назад поступили античные стоики. Цифровая мораль, говоря языком Бодрийяра, есть величайший этический симулякр высокого Модерна. Она иронична и полна скепсиса к прошлому нравственному опыту человечества. По отношению к субъекту действия она не выступает ни в консультационном, ни в экспертном качестве. Не дает рекомендаций, не навязывает императивов. И лишь предлагает возможность множественных перформансов альтернативной жизни. Пусть даже исключительно в виртуальном мире, но без особых обязательств и ответственности, полагаясь лишь на актерский талант и «зрелость» морального сознания современного человека. А также его способность к самоцензуре и готовность примерять на себе разные этические роли.

Похоже, с таким непривычным для нашей цивилизации положением дел в нравственной сфере в будущем нам всем придется смириться. Хотя, конечно же, пока еще сохраняется небольшая «форточка» возможности возвращения к моральному универсализму просвещенного Модерна.

Но как бы и она не захлопнулась незаметным для нас образом.

Список литературы

1. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2009 (1980).
2. *Lipovetsky G.* Le Crépuscule du devoir: l'éthique indolore des nouveaux temps démocratiques, Paris, Gallimard, 1992.
3. *Rosa H.* Social Acceleration. A New Theory of Modernity. New York: Columbia University Press, 2013.

А.А.Гусейнов

УДК 171.0

Этические заметки о коронавирусе

Аннотация. В предлагаемом эссе сложившаяся в мире ситуация пандемии вируса SARS-CoV-2 (COVID-19) рассматривается как этический вызов, который заложен в предлагаемых средствах борьбы с ней, а именно – в самоизоляции и расширении социальной дистанции. Показано, что происходящая коррекция образа жизни, вызванная экстраординарными обстоятельствами, выявляет более глубинную связь между заботой о самом себе и общим благом. Вынужденное ограничение в пространстве обостряет личностное чувство времени. Моральные переживания приобретают экзистенциальный характер, ощущение времени расширяется до непознаваемых пределов. Предлагается такое понимание соотношения между прошлым, настоящим и будущим в жизнедеятельности человека, которое внутренне связано с нравственной мудростью, обязывающей совершать каждый поступок так, как если бы он был последним.

Ключевые слова: мораль, этика, самоизоляция, эгоизм, общий интерес, будущее, идеальное будущее.

Ситуация пандемии, связанная с коронавирусом, подталкивает к экзистенциальным размышлениям о бытии и времени: к размышлениям, так как изолируя от мира, оставляет наедине с собой; о бытии, так как запирая в стенах собственного дома, заставляет бежать от смертельной угрозы; о времени, так как ограничивая в пространстве, погружает внутрь времени. В самом деле, что делать, как не думать, когда ничего другого делать не можешь?! И о чем еще думать, как не о бытии, когда само существование поставлено под угрозу витающим в воздухе невидимым вирусом?! И как не задумываться о времени, когда стираются все измеряющие его календарные знаки, и ты теряешь счет дням недели и числам?!

* * *

Прежде всего, уточним, в чем состоит сама ситуация. Непосредственно она заключается в том, что правительства многих стран ответили на пандемию коронавируса чрезвычайными мерами, едва ли не сопоставимыми с реакцией на военное вторжение. Возникает сомнение: не является ли такая реакция избыточной, превышающей масштабы бедствия? По крайней мере, суждения некоторых авторитетных специалистов, не усматривающих в данной пандемии ничего

необычного по сравнению с двумя предшествующими вспышками вируса того же типа на протяжении последнего десятилетия, а по своим летальным последствиям вполне сопоставимым с привычными сезонными гриппами, заставляет задуматься об этом. Насколько могу судить, проблема заключается не столько в вирусе covid 19, сколько в возможностях и интересах сильных мира сего, которые на него реагируют. Другой стала не опасность нового вируса, другим стал мир, в котором она появилась. Именно, мир стал более взаимосвязанным, плотным, люди перемещаются из одного конца в другой настолько быстро и в таких масштабах, что это позволяет вирусу распространяться по планете и охватить ее всю намного быстрее и легче, чем 5-10 лет назад.

Ситуация коронавируса, которая доминировала в последние 2-3 месяца в публичной политике и средствах массовой информации, позволяет думать, что она диктуется не только необходимостью борьбы с пандемией. Трудно достоверно говорить о скрытых за ней интересах и силах, но несомненно, что она не изменила характер и линии противостояний, идеологических, экономических и, что особенно важно подчеркнуть, геополитических конфликтов в мире. Более того, она даже усилила эти конфронтационные напряжения. Много есть свидетельств, когда существующие в мире центры политических сил и экономических интересов пытаются использовать эту ситуацию в свою пользу. Если отвлечься от всех приводящих, внешних по отношению к пандемии вируса covid 19 факторов, и рассмотреть ее саму по себе, то в ней можно увидеть некую особенность, которая требует философского размышления.

Особенность эта состоит в следующем: человечество столкнулось с таким природным вызовом, который требует прямого и непосредственного глобального ответа. Чтобы справиться с пандемией требуется миру в целом признать её своей первоочередной практической задачей и направить максимально возможные действенные усилия на борьбу с ней. На повестку дня встал вопрос о конкретных и солидарных действиях в масштабе всего человечества – не общих призывов, деклараций и манифестов, а именно прямых целенаправленных действий, и не отдельных стран, а всего их национально оформленного множества. Можно было бы ожидать, что правительства отложат в сторону свои разногласия, новый импульс получат всемирные организации и, в целом, центростремительные силы и т.д. И что же оказалось? Люди не бросились к всемирным организациям и структурам, а Президент страны, претендующей на лидерство в мире, даже ополчился на Всемирную организацию здравоохранения, которая и предназначена для того, чтобы координировать такую

работу. Вместо этого все вспомнили о своих границах, и правительства первым делом взяли под контроль именно их. Люди вспомнили о том, что они живут не вообще в мире, а в конкретных странах, и принадлежат не вообще к человечеству, а к конкретным народам, и все бросились в свои государства. И в самих государствах они также вспомнили, что у каждого есть свой регион, свой город, свой дом – то место, где они могут спрятаться от этого невидимого врага. Словом, люди стали разбегаться по своим домам, чтобы оказаться на той почве, где чувствуют себя прочней всего. Речь идет о простой вещи: оказалось, что глобальный ответ требует локальных действий, локальных до такой степени конкретности, когда они доходят до каждого человека.

Глобализация обернулась локализацией. Это не упрек, а констатация разумного способа действий. Иначе и не может быть: действия в своей первооснове всегда суть то, что делают индивиды, отдельные люди. Любое действие имеет свои всегда достаточные внешние причины, но какими бы достаточными (жесткими, объективными и т.д.) они ни были, оно, это действие (любое!) может состояться только тогда, когда за ним стоит решение самого индивида, который совершает его. Спусковым курком, зеленым светом, последней отмашкой является именно это решение. Оказывается, глобальное связано с локальным. Когда-то был лозунг (не помню, кому он принадлежит) «Мыслить глобально – действовать локально». Даже широко ходил вновь сочиненный термин «глокализация». Не хочу играть в слова и упражняться в диалектике. Подчеркну лишь простую мысль: опасность вируса, которая приобрела глобальный характер и потребовала глобального ответа, показала, что глобальное сопряжено с локальным, в своем реальном содержании вырастает из локального. Глобальность не означает стандартности мышления и действия, еще менее она может быть результатом подчинения неким сверху заданным единым решениям, или некоего изначально начерченного мудрого плана, выравнивающего по единому лекалу действия множества людей. Она является конечным (можно сказать, объективно складывающимся) итогом практически бесконечного многообразия действий индивидов и их объединений с их культурными, историческими, этническими и прочими особенностями. Выражаясь фигурально, можно сказать: глобализация не спускается сверху, она вырастает снизу. Она должна быть заложена в самих первичных сознательных действиях живых общественных индивидов, подобно тому, как роскошный раскидистый дуб вырастает из маленького желудя.

Словом, глобальный результат складывается из единичных практически бесчисленных локальных действий. Но это возможно

только в том случае, если эти локальные действия несут в своем зародыше, содержат то самое родовое начало, которое мы уже привычно называем глобальностью.

Хочу в этой связи обратить внимание еще на одну особенность исторической ситуации, сложившейся в ходе борьбы с пандемией.

* * *

Действия, которые общество в лице своих авторитетов требует от индивидов для того, чтобы эффективно и солидарно противостоять пандемии, состоят в самоизоляции, обеспечении так называемой социальной дистанции. Давайте задумаемся на первый взгляд в противоречивый, взаимоисключающий смысл слов: самоизоляция выступает как выражение солидарности, социальная дистанция рассматривается как выражение заботы о других. «Самоизоляция», «социальная дистанция» обозначают действия и отношения, которые обычно маркируются как эгоистические, как забота о своем благе (в данном случае – здоровье), эти термины более уместны для обозначения образа жизни, обращенного на частные интересы. А они рассматриваются в данной конкретной ситуации как сознательная гражданская позиция, выражение заботы об общем благе, даже как жертва во имя окружающих нас людей. И правительства видят свои задачи в том, чтобы создать условия для такой самоизоляции и дистанцирования людей друг от друга, идут для этого на чрезвычайные меры. Складывается такая парадоксальная связка привычных понятий и целей, которая в сложившейся кризисной ситуации выражает их более глубокий и подлинный смысл: общее благо на самом деле только тогда является общим благом, когда оно не противостоит индивидуальному благу (благу отдельных индивидов), а является их продолжением и выражением. Если говорить в терминах глобального и локального, то глобальное только тогда является действительно глобальным, когда оно продолжает и выражает локальное. В самом деле, если глобальный ответ на пандемию состоит в том, чтобы в максимально возможной степени затруднить передачу вируса от одних (уже заболевших) к другим, то самоизоляция, социальное дистанцирование, будучи заботой о своем собственном здоровье сугубо эгоистическими (локальными) действиями, несут в себе глобальное начало и являются заботой об общем благе. Думаю, здесь есть над чем подумать социологам и моралистам, чтобы обогатить наши представления о соотношении индивидуального и общественного. Как не вспомнить суждение Маркса и Энгельса о том, что «как эгоизм, так и самоотверженность есть при определенных обстоятельствах необходимая форма самоутверждения индивидов» [5, 236]?! И по-другому не может быть, ибо «всюду в истории “общий интерес”

созидается индивидами, которые определены в качестве “частных людей”» [5, 236]. Не в том ли состоит уникальность исторической ситуации текущей пандемии, что адекватный общему (глобальному) интересу ответ на него вызвал необходимость определенных эгоистических действий от всех индивидов как частных людей?

* * *

Самоизоляция оказывается изоляцией двоякого рода. Во-первых, она изолирует от непосредственных живых контактов с другими людьми, последние все – за исключением самых близких домашних – оказываются на таком расстоянии, когда общение с ними становится возможным только на интеллектуальном уровне. Расширение расстояния между индивидами в процессе общения расширяет также границы времени, при этом последние меняются так радикально, что теряется линия, отделяющая прошлое от настоящего. К примеру, если я могу послушать доклад коллеги только по интернету, без живого присутствия, без ощущения атмосферы и реакции зала, в котором он произносится; без реплик и вопросов, в которых он получает продолжение; без последующих разговоров вокруг него за бокалом вина или в ходе чаепития; без порожденных им шуток и т.д., т.е. без всей этой конкретики, которая придает данному событию единственность мига живой жизни, и в особенности, если учесть, что могу послушать этот же доклад после в записи, то уместно задать вопрос: чем такой способ связанности со своим современником отличается от моих действий, моего способа жизни, когда я читаю трактат мыслителя каких-то далеких прошлых эпох? Если в результате вынужденной удаленности общения его решающей основой становятся логика и интеллектуальное воображение, то предки, которые смогли, «умирая воплотиться в пароходы, строчки и другие долгие дела», выравниваются в линию наряду с живыми, даже становятся ближе. Появляется эффект непрерывной длительности, когда теряешь счет не только дням, месяцам, годам, но и столетиям.

Во-вторых, самоизоляция изолирует также от многоцветного мира благ и разносторонних удобств, она сводит их к необходимому минимуму. Когда задавался режим домашнего заточения и намечались постепенные шаги выхода из него, первым делом обращали внимание на супермаркеты, салоны красоты, парикмахерские, фитнес-клубы, парки, курорты, т.е., на всю разветвленную индустрию удовольствий и развлечений как то, чем приходится жертвовать. Пандемия оказалась вызовом нашей способности к ограничению материальных потребностей и желаний. Сразу вспомнились времена и

люди, когда вообще не было многих удобств, которые стали нашей повседневностью.

Словом, самоизоляция потребовала коррекции и массового образа жизни в сторону самоуглубления, самоограничения, самососредоточенности, ответственности перед самим собой. Речь идет о таком выправлении частных и общих интересов, когда вторые являются выражением и суммированным выражением первых, о таком уточнении взгляда на себя и других, когда, перефразируя известную евангельскую истину, лучше заняться соринкой в своем глазу, чем бревном в чужом.

Сейчас много говорят о том, как изменится мир после пандемии. Большинство придерживаются мнения, что он не останется прежним. Конечно, как учил философ, все меняется, но насколько глубоко будут эти изменения, повлияют ли они существенно на наши ценностные приоритеты и весь образ жизни, а тем более, на сам цивилизационный порядок. Можно предположить, что появятся новые акценты в архитектонике поведения людей, в их привычках. Например, нет ничего невероятного в том, что изменятся (станут бесконтактными) формы приветствия, закрепится увеличение социогигиенического дистанцирования и т.п. Ожидаются новшества в способах организации деловой жизни и публичного пространства, прежде всего, в связи с широкими возможностями цифровизации. Возможно, в чем-то изменятся демократические процедуры, способы расселения людей. Обо всех этих изменениях лучше могут сказать футурологи, прогнозисты, профессионалы по стратегическому планированию и другие специалисты по предсказуемому будущему. Все такого рода изменения, по крайней мере, в том, что касается нравов, общественных привычек, надо полагать, будут иметь постепенный, не единовременный характер. И даже более радикальные изменения, которые связываются с новыми поистине революционными технологическими возможностями, вряд ли коснутся самого миропорядка в его извращенных социальных основах и смертельных опасностях, угрожающих существованию человечества. Как сказал недавно в одном интервью мудрый Наум Хомский: «Коронавирус пройдет, а ядерное оружие и потепление климата останутся».

* * *

В ситуации пандемии люди, вынужденно отдалившись друг от друга, оказались наедине с собой. И тем самым острее ощутили свою брэнность. Невольно задумываешься: откуда и куда я в этом мире?

Наши привычные представления о человеческой жизни, когда ее события располагаются на шкале времени, одни из них относятся к прошлому, другие – к будущему, третьи – к настоящему, являются результатом объективированного подхода ко времени, взгляда на него со стороны. Но если взглянуть на это изнутри – как его воспринял бы сам субъект, погруженный во время своей жизни, – то трехзвенная шкала исчезает и остается одна сплошная линия настоящего. Например, если взять взрослого человека, то в рамках объективированного (стороннего) взгляда его детство считается прошлым, его старость – будущим, а взрослость – настоящим. Иное дело – внутреннее восприятие жизни самим взрослым человеком. Он непосредственно заключает в себе свое детство и не только в памяти, воспоминаниях, фотографиях, но и в своих привычках, заработанных в детстве шрамах и т.п., и он же несет в себе свою старость, и внутренней тревогой, страхами, и накоплением средств и т.д.; и детство и старость являются его настоящим, органичной частью его текущей жизни.

Словом, настоящее растянуто на всю конкретную длительность жизни того или иного субъекта, втягивая в себя, собирая воедино в качестве своих органичных моментов все ее события: и те, что случились раньше, и те, что произойдут позже. Что касается собственно прошлого и будущего за пределами того реального настоящего, растянутого на все историческое существование социального субъекта, они остаются закрытыми (неизвестными) территориями – подлинными выходами в неизвестность бесконечного. Действительного прошлого, которое не стало настоящим (не трансформировалось в память), мы не знаем, оно подлежит открытию, реконструкции. К примеру, если придерживаться проверяемых фактов, то своих предков я знаю до прапрадеда, жившего во второй половине XVIII века, знаю их имена, занятия, посещаю могилы; они органично входят в мою жизнь, занимая в ней свое место. Они суть – мое настоящее, та часть настоящего, которая именуется памятью. Что было до этого мне неизвестно, это и есть мое прошлое. Тем более мы не знаем будущего, оно как реальность вообще не существует и его еще подлежит создать.

О будущем в рамках человеческого социального опыта можно говорить в двух существенно различных смыслах. Во-первых, как обозримой пролонгации времени жизни самого субъекта, получающей выражение в его целях, планах, проектах, стратегических расчетах. В таком понимании будущее входит в настоящее в качестве его предела – предела вполне возможного, обозримого, просчитываемого, деятельно осваиваемого. Если говорить о социуме (народе, государ-

стве), то это такое представление о его воспроизводстве во времени, которое позволяет ему развиваться, совершенствоваться, оставаясь неизменно в том же качестве. Если говорить о жизни индивида, то это его видение своего существования, пока он живой. Во-вторых, будущее как то, что наступит после жизни самого субъекта, как время, в котором не будет данного субъекта с его представлениями о будущем и, следовательно, не может быть самих этих представлений. Это – не предел настоящего, в котором живет субъект, а другое настоящее, другая форма жизни, в котором данного субъекта не будет. Это и есть будущее в собственном смысле слова, и оно остается для социального субъекта совершенно закрытым, неизвестным или, что в данном случае одно и то же, полностью открытым, своего рода неисчерпаемым резервуаром для эволюционного творчества. Применительно к социуму – время после его краха и исчезновения в качестве данного социума, применительно к живому индивиду, это – время после его физической смерти. Будущее является пределом (границей) знания человека. Разве великие империи (римская, монгольская и др.) могли себе представить в свое время, каким станет их будущее?! Разве я могу знать, что будет после моей смерти?!

Понятие времени, его деление на прошлое, настоящее и будущее связано с сознательной деятельностью человека, его памятью и целями, с культурой как особой формой обмена деятельностью людей, преемственностью поколений. Само отношение человека к своему существованию как бытию во времени важная веха в его историческом самосознании. При этом ориентированность в социальном времени может иметь разную (в том числе крайне низкую, почти отсутствующую в примитивных обществах) степень выраженности и разную направленность. Для нас важно отметить, что вектор целенаправленных общественных усилий не всегда и не обязательно обращен в будущее; можно сослаться на древние представления об оставшемся позади «золотом веке», на консервативный традиционализм общественной жизни, на религиозное перенесение прошлого в неопределенное мифическое время, а будущего – в столь же неопределенный потусторонний мир. Интересно в этой связи наблюдение лингвистов, что не все языки исходят из пространственной метафоры времени и из его трехчленного деления. Некоторые обходятся двумя глагольными формами, обозначающими отношение между «позже» и «раньше» [3, 101-115]; а в языках, исходящих из трехчленного деления времени, есть, по крайней мере, один индейский язык аймара, который выпадает из привычных представлений: «В аймара прошлое представлено впереди эго, а будущее – позади. Данная модель подтверждается также материалами дейктических жестов: носители

языка аймара при разговоре о будущем указывают пальцами назад, а при разговоре о прошлом – вперед» [3,313].

* * *

Новоевропейская цивилизация развивается под знаком прогресса. При этом прогресс понимается не только как возможное и желательное состояние, а как необходимая форма развития. Здесь «после» и «лучше» сливаются воедино. Идея прогрессивного развития общества и, как следствие, совершенного человеческого устройства была вдохновляющим мотивом активной деятельности людей и высокой целью всех общественных напряжений на протяжении 4-5 столетий. Она, в частности, получила абстрактно завершенную форму в представлениях об идеальном будущем.

Идеальные представления о будущем имели, как правило, характер утопических проектов. Их в самом общем виде можно разделить на религиозные, философские, социальные, типичными формами которых в первом случае являются представления о последнем суде и потусторонней райской жизни, во втором – различные завершенные царства мысли, в третьем – коммунистические проекты. Название самого раннего из коммунистических проектов Нового времени – «Утопия» Томаса Мора – стало понятием, характеризующим идеальное социальное будущее, которое является в такой же мере желанным, в какой и нереальным. Понятие идеального будущего, с одной стороны, поскольку речь идет о будущем, исходит из его понимания как чистой открытости, выражения такого действия, которое является мысленным продолжением длительности, не сковано материей настоящего и не ограничено в свободе желаний, а с другой стороны, поскольку речь идет об идеальном социальном состоянии, то будущее оказывается уже заполненным и не является собственно будущим, это по сути такое же настоящее, только существующее не в реальном живом опыте, а в другом месте или в другое время.

Понятие идеального будущего мыслится как морально совершенное общественное устройство и в этом качестве оно противоречит идее объективности законов существования и развития общества. Эту проблему исследовал А.А. Зиновьев в ходе изучения природы советского коммунизма. Непосредственно он отвечал на вопрос, является ли сложившийся в Советском Союзе строй искажением якобы истинного коммунизма, начертанного основоположниками марксизма, или он в силу законов социальной жизни оказался именно таким, каким он и должен был стать. Его вывод заключался в том, что советский коммунизм был единственно возможным реальным коммунизмом. Коммунизм как синоним желанного общества, на какой

бы стадии своей зрелости он ни мыслился, может быть более совершенным или менее совершенным, более человеческим или менее человеческим, более справедливым или менее справедливым и т.д.. Но он не может быть совершенным в идеальном смысле, так, чтобы вообще был неуязвим по критериям человечности и справедливости. Он не может отменить фундаментальные законы, по которым живет человеческое общество, в силу того простого факта, что оно является совместным существованием неопределенного множества людей. Так, например, любая организация людей предполагает их разделение на тех, кто командует, и тех, кто подчиняется: иначе вообще не может состояться их совместное существование. Эти требования к совместной организации дела «суть независимые от воли и сознания людей факторы их сознательно-волевой деятельности. Люди не в состоянии отменить эти факторы по своему произволу, как они не в состоянии отменить закон тяготения. Люди произвели летательные аппараты, позволяющие преодолевать закон тяготения. Но это не означает, будто сила тяготения перестала действовать. Так и в сфере социальных законов» [4, 209-210]. Общество задает своим членам (социальным субъектам) определенные законы деятельности, которые диктуются тем местом и функцией, которые они занимают в рамках целого: Зиновьев называет их законами экзистенциального эгоизма.

Понятие идеального социального будущего не может быть реальной исторической целью. Оно имеет по преимуществу идеологический смысл, призванный оправдать несправедливость существующих социальных отношений. Общество не может быть идеальным, но это не значит, что таковым не может быть отдельный индивид. Более того: он не может не быть таковым. Поскольку человеческий индивид в качестве разумного существа обладает свободой, в какой бы мере он ею ни обладал, но именно в той, в которой ею обладает, он руководствуется в поведении тем принципом, который считает для себя наилучшим, абсолютным – он возводит идеал в долг. Именно такое сведение своей сознательной жизнедеятельности к единой, им же самим заданной, смысловой основе является специфическим признаком человека среди живых существ. Возвести идеал в долг означает развернуть свое существование в сторону идеального будущего – не того будущего, которое отягощено настоящим, является его продолжением, улучшением, деградацией и т.п., которое поддается какой-либо локализации, какому-либо оформлению, а того будущего, которое находится впереди и совпадает с бесконечностью. Не об этом ли образ известного исламского теолога и философа Аль Газали: «Ведь если семь небес и семь твердей полностью засыпать

просом и повелеть какой-нибудь птице склевывать не более, чем по зернышку, каждую тысячу лет, то оно закончится, а от вечности не убудет ничего» [1, 178]. Нравственное поведение ориентировано на будущее только в том смысле, что оно свободно, идеально ориентировано: оно озабочено не будущим, которое перейдет в прошлое, как и не прошлым, которое предшествовало будущему, оно озабочено тем, чтобы соединить одно с другим и остаться во времени, понимая, что для него будущее также мало, как и прошлое, и ценность имеет только миг равной самой жизни.

* * *

Существует многократно и в разных духовных традициях повторенная нравственная мудрость, согласно которой надо каждое свое дело исполнять так, как если бы оно было последним делом твоей жизни. Она, в частности, то именно и означает, что надо жить без оглядки на будущее. Эта мудрость подчеркивает: ценность нравственного поступка и его награда заключаются в нем самом и в этом смысле нравственный поступок является абсолютным. Нравственность дружит с вечностью, она выражает то начало в человеке, благодаря которому он осознает свое существование как время бытия. Сенеке принадлежит высказывание, что ничто не принадлежит нам, одно только время наше. Отсюда – ценность и абсолютность каждого мгновения. Кто живет мгновением, только тот распоряжается своим, тем, что единственно принадлежит ему самому: прошлого уже нет, будущего еще нет, а есть только мгновение поступка, протягивающее нить времени из прошедшего в будущее. Жить так, словно твой поступок (твой день) является последним, и жить так, словно ты хочешь жить вечно, – в философском смысле значит одно и то же. Логическую обоснованность такого вывода описал еще Аристотель: «Что время или вообще не существует, или едва [существующее], будучи чем-то неясным, можно предположить на основе следующего. Одна ее часть была, и ее уже нет, другая – будет, и ее еще нет; из этих частей слагается и бесконечное время, и каждый раз выделяемый [промежуток] времени. А то, что слагается из несуществующего, не может, как кажется, быть причастным существованию» [2, 145]. Отсюда следует, что мгновение текущей жизни (то, что моралисты именуют последним поступком), аристотелевское «теперь», граница (соединительное звено) обеих частей времени, можно осмыслить как само время в его целостности, чему если что-то вообще соответствует в жизни субъекта, то это только абсолютная нравственная ценность того, что он в данное мгновение делает. Совсем неслучайно именно философы, которые сводили нравственность к абсолютности

индивидуально реализуемой жизненной позиции, выступали против того, чтобы апеллировать к будущему, взывать к нему, жить ради него, словом, возводить в этический аргумент. В этом отношении показательна позиция Л.Н. Толстого. В статье «О значении русской революции» он, подвергнув сомнению саму возможность знания будущего, пишет: «Мало того, что людям не дано знать, в какую форму сложится в будущем жизнь общества; людям бывает нехорошо от того, что они думают, что могут знать это. Нехорошо потому, что ничто так не препятствует правильному течению жизни людей, как это именно мнимое знание о том, какой должна быть будущая жизнь людей» (5,352-353). Мнимое знание о будущем тем извращает жизнь, что смещает нравственную энергию личности на внешние причины вместо того, чтобы сосредоточиться на собственной доброй воле. Кроме того, оно, как считал Толстой и как остается до сегодняшнего дня, является одним из самых коварных и лживых аргументов, коррумпирующих нравственные принципы, в частности, оправдывающих насилие человека над человеком.

Список литературы

1. *Аль Газали*. Совет владыкам // А. А. Хисматулин. Сочинения имама аль Газали. СПб.: Петербургское востоковедение; М.: Садра. 2016.
2. *Аристотель*. Физика. Кн. IV,10 // Аристотель. Соч. в четырех томах. Т.3. М.: Мысль.1981.
3. *Бородай С.Ю.* Язык и познание. М.: «Садра», «ЯСК», 2020.
4. *Зиновьев А.А.* Логическая социология // Феномен Зиновьева. Составители: А.А.Гусейнов, О.М.Зиновьева, К.М.Кантор. М.: Современные тетради. 2002.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Соч. Т.3.
6. *Толстой Л.Н.* О значении русской революции // Л.Н.Толстой. Полное собрание сочинений в 90 томах. М.: Гослитиздат, 1953.

М.В. Богданова

УДК 17

**Между традицией и инновацией:
к вопросу о преемственности в профессорском деле ***

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы воспроизводства профессорского дела в социальном пространстве трансформируемого университета. Включенность преподавателя в инновационные процессы символизирует наличие у него установки на самоопределение в проектировании профессиональной биографии. На примере нового для научно-образовательной деятельности формата – образовательной программы с проектным методом обучения – показан потенциал такого рода ситуаций в университете. Однако актуализация культурного капитала участников новых ситуаций, заинтересованность в достижении статуса «профессор» являются недостаточными для ответственного планирования движения к нему без институциональной поддержки университета.

Ключевые слова: профессор, преемственность, самоопределение, трансформируемый университет, инновация, традиция, образовательная программа с проектным методом обучения.

Предварительные замечания

Тема «Вне-алиби-бытие» профессорства в ситуации институциональных изменений отечественных университетов», предложенная в качестве завершающей проект «Этика профессора», обращает к характеристике, уже обсуждавшейся на страницах журнала

* НИИ прикладной этики благодарит за помощь в разработке темы согласившихся поделиться своим опытом профессиональной деятельности руководителей образовательных программ с проектным методом обучения ТИУ:
КОЗИНА Евгения Сергеевича («Автотранспортная мехатроника»)
РУДНЕВУ Ларису Николаевну («Экономика и организация производства на предприятиях нефтегазовой отрасли»)
ТЮЛЬКИНА Вячеслава Анатольевича («Организация и технологии автобизнеса»)
ЧАЙНИКОВА Дениса Анатольевича («Технология транспортных процессов»);
ЭРТМАНА Сергея Александровича («Логистический аудит транспортных процессов и систем»)
ЯРКОВА Сергея Александровича («Автобизнес и безопасная эксплуатация систем транспорта»)

«Ведомости прикладной этики» [10]. Без малого десять лет назад она служила для определения этики профессора как «не принимающей позицию *алиби* ни относительно деформированной моральной практики, ни относительно собственной способности реализовать миссию этико-прикладного знания в воздействии на такую практику» [10, 16].

Приложение характеристики «вне-алиби-бытие» к ситуации профессорства в условиях институциональных изменений университета «прочитывается» как проблематизация его персональной ответственности за свое профессиональное существование в изменяющихся условиях, и за поддержание своей деятельностью университетского уровня образования. (Как известно, «не алиби в бытии» в философии поступка М.М.Бахтина выражает этический принцип обязательной персональной ответственности как выражение способа существования человека [4]). Однако, в какой мере профессор может отвечать за риски превращения трансформируемого университета в профессиональную школу? Вопрос такого рода, обсуждавшийся, в том числе и на страницах «Ведомостей», побуждает вновь обратиться к осмыслению ситуации профессора в университете.

В условиях длительных трансформаций фигура профессора в общем поле университета уменьшается – и с точки зрения его автономии, и его участия в политике изменений университета. В такой ситуации задача воспроизводства профессорского дела представляется трудно выполнимой. Проблему образует не только отсутствие необходимых ресурсов для целенаправленной деятельности, но и наличие желающих на роль преемников профессорской традиции.

Оставляя за рамками вопросы неоднородности сообществ профессоров отечественных университетов, а также патосных проявлений в практике научно-образовательной деятельности, основное внимание в этой статье будет уделено вопросам преемственности профессорского дела в трансформируемом университете, сохранения и воспроизводства культурного капитала, роли факторов традиции и инновации.

Инновации – традиции: ситуации возможного развития преемственности в профессорском деле

Современный этап глобализации, который З. Бауман определял как негативную глобализацию сил, специализирующихся «на игнорировании государственных границ, местных интересов, прав, предпочтений» [3], в сфере академической деятельности характеризуется направленностью на унификацию ученых степеней, званий. Направленность такого рода – исходя из универсального характера научного звания – содействует, в том числе повышению академической мобильности, свободы самоопределения. И казалось бы, уже стано-

вится не актуальным обсуждение потенциала национальной культурной специфики воспроизводства профессорского дела. Более того, стремительный, вынужденный переход университетов в начале 2020 года на онлайн формат научно-образовательной деятельности усиливает тенденцию практического воплощения идеи о тотальном замещении живого общения *студент – профессор* трансляциями онлайн-лекций. Обсуждение вопроса о востребованности культурного капитала профессорства и его преемственности может быть в такой ситуации лишь уделом немногих университетов. Однако разнообразие, как известно, является условием устойчивого развития. Воспроизводство профессорского дела во многих университетах, как представляется, способно повысить шансы на устойчивое развитие отечественных университетов в целом.

Профессора, в силу универсального характера знания, с которым он работает, можно отнести к «гражданину мира». Однако в конкретном обществе складывается свой опыт пути в профессорство, который развивается, трансформируется, не утрачивая своей актуальности с точки зрения значимости для определенной социальной реальности [9]. Для российской университетской реальности традиционным был путь в профессорство: кандидат наук → доктор наук → профессор. Такая рационализированная схема, конечно, не отражает всего поля формирования академического мышления и освоения дидактических приемов образовательной деятельности, и прежде всего среды, в которой создается знание – научной школы, возвращающей ученых, способных сформировать свою научную школу. В условиях трансформирования университетов и при все более усложняющихся требованиях к соискателям этого почетного и ответственного звания этот путь сопряжен с многими затруднениями.

Пока сложно представить университет, в котором задачи сохранения и воспроизводства культурного капитала, согласования традиций и инноваций в воспроизводстве профессорского дела не входили бы в актуальную «повестку дня» его стратегии развития. Однако, когда трансформации охватывают практически все сферы деятельности университета, согласованность знаний о цели трансформирования с мотивами и умениями участников университета в каждой из его сфер трудно достижима. В этой связи могут быть плодотворными (в случае заинтересованности университета в том, чтобы карьера профессора была сделана в его стенах) попытки обнаружить в социальном пространстве трансформируемого университета ситуаций взаимодействия, потенциально содержащих стимулы для развертывания ориентации на достижение профессорского статуса. Одной из

ситуаций такого рода потенциально может быть целенаправленное введение в университетах с 2016 года проектного метода обучения.

Вовлечение в проектную деятельность студентов, преподавателей осуществляется через различные форматы: от создания структурного подразделения (например, проектно-учебной лаборатории), введения проектной деятельности как обязательной учебной дисциплины – до создания образовательных программ с проектным методом обучения [7]. Программы такой направленности занимают особое место среди новаций, вводимых в научно-образовательную практику университетов. Соискатели на позицию «Руководитель образовательной программы с проектным методом обучения» разрабатывают и публично на конкурсной основе проходят защиту своих программ (как это происходило, например, в Тюменском индустриальном университете). Имея определенный культурный капитал, они, тем самым, демонстрируют готовность испытать инновационный формат работы для сложившейся научно-образовательной деятельности университета, и в целом – открытость к принятию изменений. Иногда руководителя образовательной программы с проектным методом обучения определяют как своего рода «демиургическую фигуру»: чтобы лучше конструировать образовательный процесс он должен, с одной стороны, знать требования стейкхолдеров, а с другой – понимать ситуацию университета и стратегию его развития.

Таким образом, в позиции «руководитель образовательной программы с проектным методом обучения» в социальном поле университета с точки зрения содержания научно-образовательной деятельности, можно выделить сочетание двух характеристик: инновационный формат обучения; традиционные ценности науки и образования, позволяющие смотреть на мир своими глазами. Как известно, инновации находятся в определенном противоречии с традициями. Последние, являясь устойчивым элементом культуры, основой механизма преемственности, в некотором смысле противостоят инновациям, имеющим потенциал к созданию новых ценностей, в том числе в научно-образовательной деятельности университетов [11]. Разрешение такого противоречия возможно в случае, когда традиции служат основой для творческих процессов, поскольку культурные традиции конкретных обществ различным образом обуславливают феномен инновационной культуры в целом [6].

Работая на стыке традиции и инновации, руководители образовательных программ с проектным методом обучения, как можно предположить, взяли на себя в этой ситуации взаимодействия ответственность как за свое профессиональное существование и разви-

тие, так и в некоторой степени за поддержание своей деятельностью определенного уровня университетского образования.

Возможно ли позицию руководителя образовательной программы с проектным методом обучения рассматривать в качестве своего рода потенциального звена в преемственности профессорского дела в трансформируемом университете? В целом, вопрос такого рода предусматривает исследование лонгитюдного характера, здесь же в качестве пролегоменов к этой теме основное внимание будет уделено вопросу намеренности выбора состоявшимися руководителями образовательных программ ориентации на карьеру профессора. В качестве исходных эмпирических данных здесь использованы материалы интервью с руководителями образовательных программ в Тюменском индустриальном университете, предпринятые в 2019 году в рамках проекта «Этика профессора». Полуструктурированные интервью были направлены на то, чтобы попытаться понять в первом приближении (в формате поискового исследования), как новые форматы образовательной деятельности встраиваются в социальное пространство университета. Среди участников интервью: профессор – в прошлом успешный заведующий кафедрой со сложившимися устойчивыми коммуникациями в производственной сфере; доценты, со стажем научно-педагогической деятельности 10-15 лет, имеющие определенный опыт в сфере практической деятельности будущих выпускников программы.

В вопросах-темах интервью внимание уделялось: (а) мотивам участия в инновационной практике, специфике образовательной программы, ее преимуществам в сравнении с традиционным образовательным процессом, трудностям, с которыми сопряжена организация и реализация программы в университете; (б) готовности преподавателей к работе в формате образовательной программы с проектным методом обучения; (в) рискам превращения университета в профессиональную школу – в случае подчинения всей научно-образовательной деятельности актуальным потребностям работодателей; (г) потенциалу образовательной программы как ресурсу развития университета, способствующему сохранению им позиции субъекта в сфере производства и воспроизводства знания; (д) возможным стратегиям построения карьеры в университете.

Исходя из задачи данной статьи – попытки понять возможные перспективы воспроизводства профессорского дела в социальном пространстве трансформируемого университета – основное внимание будет на двух аспектах: мотивах выбора работы с инновационным форматом образовательной деятельности и ориентирах дальнейшего выстраивания карьеры в пространстве университета.

О мотивах выбора Программы с проектным методом обучения.

Для профессора, имеющего успешный опыт заведования кафедрой, работа с новым форматом образования – скорее, фактор горизонтальной мобильности, возможность применения имеющегося культурного капитала в новых условиях.

Характерное суждение:

«В 2016 г. в университете был объявлен конкурс образовательных программ. Можно было подать авторскую программу, обосновав, чем она будет интересна региону, с кем из индустриальных партнеров предполагается сотрудничать, какие знания получают выпускники на выходе и т.д. Направлением “Нефтегазовое дело”, среди видов деятельности, к которым готовится выпускник, предусмотрены научно-исследовательская деятельность и организационно-управленческая. Таким образом возникла возможность реализовывать образовательные программы экономической направленности. Мне это интересно. 25 лет заведования кафедрой, ... у нас были потоки заочников по 90 человек... представление о производственной сфере есть».

Для руководителей образовательных программ – доцентов – работу с новыми форматами образования можно определить как возможность вертикальной мобильности, наращивания культурного капитала.

Характерные суждения:

«На конференции “Магистратура 2.0” прозвучала довольно значимая для меня тема, связанная с новыми направлениями, которые можно реализовать в университете, в том числе в формате образовательных программ. Значимая потому, что повседневная деятельность носила несколько рутинный характер: оформление бумаг, ведение лекций, расчет нагрузки».

«Еще до конкурса руководителей образовательных программ в университете внедряли модульный принцип обучения, меня это заинтересовало, по собственной инициативе поехал по предприятиям, поговорил с людьми, предложение на удивление было воспринято нормально – модуль организовали... Вылилось все это в интересные занятия: выезжали со студентами на предприятия, смотрели, как реально все происходит. Я увидел, что ребята стали по-другому относиться к учебе, появился интерес, общаться стали словно на другом языке».

«Мне всегда интересно заниматься чем-то новым, особенно, когда возникают новые вызовы. Было предложено интересное дело – разработать программу, свое видение реализовать, посмотреть, какие направления развития могут быть перспективными. В

рамках кафедры это не всегда удавалось – она скована определенными условиями, кадровым составом, а нам в этом отношении “руки развязали”».

«Когда объявили конкурс образовательных программ, мы на кафедре оценили перспективы этого дела и решили, что кому-то стоит попробовать. Я разработал собственную образовательную программу с учетом дисциплин, которые вел, и общения с производственниками. Мне было интересно развить свои навыки – попробовать себя в управленческой среде. Хотя я себя нормально чувствовал и преподавателем. Но почему бы что-то другое не попробовать...».

Как можно заметить, основным мотивом участия в конкурсе «Образовательных программ с проектным методом обучения» для участников интервью был интерес, обусловленный либо привлекательностью методологии программы; либо возможностью включиться в новую деятельность; либо развить свои навыки.

Понятие «интерес» в его этико-социологическом прочтении выражает ситуацию выбора из различных возможностей, готовность адаптироваться к неопределенной ситуации. Оно маркирует готовность индивида к саморегулированию и самоопределению в ситуации на границе привычного и неизвестного. Соотносимое с категорией «социальное поле» понятие «интерес» определяется в качестве взвешивания индивидом требуемых ресурсов, контекста социальной ситуации, возможных альтернатив выбора [5].

Можно предположить, что в ситуации неопределенности мотив интереса к новой деятельности обозначает установку на проектирование субъектом своей профессиональной траектории в пространстве трансформируемого университета. А поскольку университет (как это разрабатывалось в концепции прикладной этики, развиваемой в проектах НИИ ПЭ [8,479-606]) определяется и сообществом профессионалов, которые создают биографию корпорации, выстраивая в ней свой профессиональный путь, мотив такого рода в проектировании профессиональной биографии представляет собой значимый культурный капитал и в целом для университета.

О профессиональной траектории в пространстве университета и статусе «профессор». Как уже было отмечено, ученая степень «кандидат наук» и ученое звание «доцент» – в соответствии с российской традицией – первый этап на пути к профессорству. Участниками интервью этот этап профессиональной траектории уже успешно пройден. С точки зрения культурного капитала они обладают большими шансами для достижения статуса «профессор».

В каких категориях доцентами – руководителями образовательных программ – осмысливается позиция «профессор» в контексте их профессиональной траектории в университете?

Характерные суждения:

«Намериваюсь ли я стать доктором наук, профессором? Могу коротко ответить – сейчас нет. Слишком многое в жизни происходит».

«Профессорство – это серьезная задача по самоопределению. Изменения происходят настолько интенсивные, что на месте не устоять: либо развиваешься, либо накапливаешь риски профессиональной деградации... Но чтобы двигаться к званию “профессор”, необходимо иметь научную школу, в рамках которой можно было бы развиваться... На кафедре в свое время была научная школа Л.Г. Резника, но теперь она не вполне актуальна... Сегодня тема докторской диссертации для меня – это стрелка компаса, которая стоит на северном полюсе, и может пойти и вправо, и влево».

«Еще несколько лет назад я полагал, что ученые звания не особенно находят применение в жизни, но года два назад что-то стало подсказывать – надо развиваться. Молодежь растет, знает и самому надо двигаться. А если не развиваться, то наступает своего рода стагнация. Поэтому задумки есть. Перспектива пока не вполне выстроена – есть желание связать научную деятельность с реальным результатом, а не формально. Здесь самое ценное – это время, и его надо найти».

«Профессиональная траектория, на которой будет позиция “профессор”, меня привлекает. Есть наработки в двух сферах, и надо определиться – в каком научном направлении двигаться. Дополнительного времени на специальное занятие наукой уже не будет, но если бы поменьше помех... это было бы режимом наибольшего благоприятствования со стороны университета. Система микрогрантов также может помочь людям, заинтересованным в продолжении своей карьеры в университете».

«Я всегда рассматривал позицию “профессор” как привлекательную для своей профессиональной траектории в университете – и с темой уже определился, и начал заниматься. Но когда постоянно происходит реформирование, почти невозможно придерживаться своих планов. Для такой работы нужны некоторая стабильность и ресурсы – не только относительно зарплаты, и аппаратуры, но и для приглашения аспирантов, чтобы вместе с ними провести научный эксперимент обоснованно. Реально».

Как можно заметить, диапазон вербализации участниками интервью намерений в отношении позиции «профессор» находится в границах: от «сейчас – нет» до «всегда была привлекательна». Как привлекательное такое намерение преимущественно определяется не только с точки зрения достижения высокого для университетской сферы ученого звания, но и как путь развития, роста, самореализации. В то же время ситуацию выбора движения к статусу «профессор», исходя из материалов интервью, можно охарактеризовать как ситуацию перепутья, означающей, что Рубикон еще не перейден. «Перейти через Рубикон» – не только проявить решительность в реализации намерения, но и принять решение вследствие всего процесса его подготовки – от анализа ситуации и взвешивания вариантов «за» и «против», колебаний, сомнений, преодоления неуверенности в успехе до готовности рисковать и нести ответственность [2]. Время, ресурсы, устойчивость обозначены участниками интервью важными факторами в принятии ответственного решения: двигаться по пути к профессорству.

В целом включенность преподавателей в инновационные процессы трансформируемого университета – например, достижение позиции «руководитель образовательной программы с проектным методом обучения» – символизирует установку на проектирование ими своей профессиональной траектории в пространстве трансформируемого университета, и в том числе возложение на себя ответственности за свое профессиональное существование. В некоторой степени и ответственности за поддержание своей профессиональной деятельностью определенного уровня университетского образования. Привлекательная для участников интервью на своей профессиональной траектории позиция «профессор» рефлексивируется ими в координатах российской традиции пути к этому статусу с точки зрения объективных условий, в которых они действуют. Имеющийся культурный капитал, актуальная потребность в профессиональном росте (путь к профессорству интерпретируется как путь профессионального самосовершенствования) вне институциональной поддержки недостаточны для воспроизводства профессорства в университете.

Вместо заключения

Тема преемственности в профессорском деле в условиях трансформирования университета предполагает серию исследований – в случае заинтересованности университета в том, чтобы карьера профессора была сделана в его стенах.

Образовательные программы с проектным методом обучения представляют собой лишь один из путей включения преподавателя в процессы обновления научно-образовательной деятельности университета. Как известно, и работа в классических для университета форматах при заинтересованности преподавателя создает стимулы к профессиональному развитию и ориентирует на проактивность. Сохранение такого рода ориентиров в условиях трансформирования университета, как это уже было ранее обосновано в рамках проекта «Этика профессора» [1, 66-90], вновь обращает к дилемме «Этически полноценный профессионализм: индивидуальный долг или институциональная поддержка». Без малого десять лет назад один из аргументов актуальности такой проблематизации – истощение потенциала индивидуального перфекционизма в отстаивании этически полноценного профессионализма [1, 69]. Инновации в университете могут создавать ситуации, потенциально содержащие стимулы к наращиванию культурного капитала, в том числе индивидуального перфекционизма. Как было показано, выбор университетским преподавателем инновационного формата деятельности уже определяет ситуацию как имеющую потенциал для реализации намерения достичь статуса «профессор». Фактор институциональной поддержки со стороны университета – с точки зрения необходимых для этого ресурсов – является определяющим для принятия субъектом ответственного решения двигаться к такому статусу. Однако «дивиденды» от такого рода вложений университет может получить лишь на длинной дистанции.

Как использует университет для себя ситуацию трансформирования с точки зрения увеличения культурного капитала в сфере его научно-исследовательской деятельности? Этот вопрос сегодня остается открытым.

Список литературы

1. *Бакштановский В.И., Богданова М.В., Новоселов В.В.* Рефлексирующий университет: Рабочая книга ректорского семинара // Монография. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. – 245 с.
2. *Бакштановский В.И.* Моральный выбор личности: альтернативы и решения. – М.: Политиздат, 1983. 224 с.
3. *Бауман З.* Текущая модерность: взгляд из 2011 года // [Электронный ресурс]. URL: <<https://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>> (дата обращения 02.06.2020).
4. *Бахтин М.М.* Философская эстетика 1920-х годов //Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: «Русские словари», 2003. 958 с.

5. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.; отв. ред. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
6. Лисин Б.К. Инновационная культура // Инновации. 2008. № 10. С. 49-53.
7. Проектное обучение: практики внедрения в университетах / Под ред. Л.А. Евстратовой [и др.]. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2018. 150 с.
8. Самоопределение университета: путь реально-должного. Коллективная монография / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2008. 699с.
9. Соколов М., Губка К., Зименкова Т., Сафонова М., Чуйкина С. Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 832 с.
10. Этика профессора: «вне-алиби-бытие» // Ведомости. Вып. 39 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2011. 280 с.
11. Creating. Innovation. Leaders. A Global Perspective / Edited by Banny Banerjee, Stefano Ceri. Understanding Innovation Series. Springer Cham Heidelberg New York Dordrecht London. 2016. 278 p.

УДК 177

*Ю.Н. Москвич, Е.Н.Викторук***Этика профессора
в изменяющихся университетах**

Аннотация. В статье предпринимается этическая рефлексия развития созданной Гумбольдтом модели классического университета и её изменений в последние десятилетия. Показывается, что адекватность этой модели в современных условиях исчерпана. Рассматриваются современные принципы этики науки и отношение к ним сообщества профессоров современной России с точки зрения принципа "вне-алиби-бытие". Анализируются возможные влияния внезапной пандемии коронавируса на изменение форм образования и смену направлений научных исследований.

Ключевые слова: этическая рефлексия, классический университет, миссия университета, научная этика, этика профессора, дистанционное образование, Четвертая промышленная революция, пандемия коронавируса.

Введение

Этическая рефлексия проблемы Профессора «вне-алиби» требует обращения к пониманию изменяющейся идентичности университета и университетской этики. По историческим меркам современная этика профессорского сообщества совсем недавняя. В значительной степени она ровесница первого классического университета мира начала XIX века. Исторически очень значимая реформа университетского образования была осуществлена не «изнутри» преподавательскими сообществами прежних корпоративных университетов, а предложена и осуществлена «извне» в 1810 году в Берлине Вильгельмом фон Гумбольдтом, чиновником, ответственным за образование в Пруссии. Принципы деятельности этого университета Гумбольдт разработал и описал в 1809 году в меморандуме «О внутренней и внешней организации научных учреждений в Берлине», который на языке современного управления можно назвать первым проектом модернизации университета. Основания этой идентичности были предметом активного обсуждения на страницах «Ведомостей прикладной этики» и в монографиях В.И. Бакштановского [1]. Одна из наших статей посвящена подробному анализу этих вопросов [7]. И все же для понимания направления произошедших изменений важно осознать исходные принципы классического университета, зачастую не учитываемые в проводимых сегодня исследованиях их сегодняшнего состояния.

Во-первых, это принцип единства преподавания и исследования. Преподаватель обучает студента в контексте исследовательской деятельности. Ведение этого принципа привело к тому, что именно в рамках «гумбольдтовского» университета рождаются новые формы деятельности его преподавателей (исследования, семинары и т.д.), которые ложатся в основу нового кадрового отбора и, в итоге, формирования профессорских сообществ нового типа, в которых определяющим является научный успех, регулируемый принципами научной, а не корпоративной этики.

Второй принцип – это академическая свобода, выражаемая и в выборе учебных курсов, которые читают преподаватели, и в формировании ими своих образовательных стандартов, без влияния на них государства.

Третий важный момент – финансирование со стороны государства. Гумбольдт считал это важным для университета, поскольку полагал, что замкнутая университетская корпорация преподавателей не будет стремиться к тому, чтобы выдвигать людей, которые интеллектуально превосходят членов корпорации. Она будет, как и прежде, работать на себя. Государство в этом случае, по его мнению, придет на помощь, назначая в университетах тех людей, которые будут интеллектуально продвинутыми и тем самым заставят корпорацию развиваться.

История показала, что эти принципы, положенные в основу университета нового типа, были своевременны. Они совпали со временем бурного развития естественных наук XIX века и стали основой достаточно быстрого формирования системного научного мировоззрения и создания полноценного языка науки – основы формирования этики науки систематической и адекватной времени [10].

Таковы начальные условия стремительного роста классических университетов в мире, ценности которых соответствовали принципам начавшегося в годы Модерна времени ожидаемых полезных изменений, нацеленных на обновление прежних корпоративных университетов, которые принесут студенты. С этого времени научная деятельность стала профессиональной и всё более массовой, а этика науки (стремление к истине, добросовестность научных исследований и т.д.) именно тогда стала видом профессиональной этики, этики профессоров.

Поиски новой миссии университета в изменившемся мире

Прогресс науки и роль в нем классических университетов бесспорны. Осмысление предлагаемых технологических новшеств множеством изобретателей и предпринимателей того времени, разра-

ботка научных теорий на их основе неизбежно привели к череде научно-технических революций, к особой роли науки как неотъемлемой части экономики, и в результате – к радикальному изменению окружающего мира.

Главными изменениями для университетов в настоящее время становятся: утрата прежней свободы действий, те или иные ограничения его автономии, всё больший переход образования во всем мире на службу государству, что и было заложено в исходных условиях создания университета Гумбольдта. Что касается бизнеса, то для него доминирующей целью деятельности является достижение практической полезности, встроенность в разрешение злободневных проблем сформировавшегося сектора экономики – «экономики знаний», в котором знания стали играть решающую роль; а генерация, накопление и использование знаний рассматриваются как необходимые факторы роста благополучия [14]. В конце XX века «экономика знаний» была провозглашена фундаментом «общества знаний», главным дефицитом которого становится творчески активный работник, человек знания (knowledge worker) [15], а главной задачей образования в новом веке должна стать их направленная массовая подготовка [9].

Отвечая на вопрос НИИ ПЭ о субъектности профессоров, об их ответственности за сохранение университетской идентичности, следует учитывать, что в последние десятилетия университеты оказались в новой сложной ситуации. Их основное предназначение до середины прошлого века определялось, как и в начале XIX века, успешностью образовательной деятельности и связанных с нею научных исследований. Однако кардинальные изменения внешней среды, новые общественные запросы, выход на первое место целей общества знания и установка на формирование инновационных обществ мира, обострение экономической конкуренции и прямое столкновение с опасностями глобальных эпидемий, а далее с природными ограничениями – впервые за прошедшие двести лет обострили отношения общества и высшего образования. При этом состояние высшего образования во многих странах мира в последние годы стало характеризоваться как кризисное [2, 5, 6, 9, 11].

Известный автор идеи университетов нового типа – предпринимательского – считает, что «отношения между университетом и средой, в которой он существует, характеризуются растущей асимметрией между запросами этой среды и способностью института отвечать на них. Дисбаланс создает проблему неудовлетворительности институтов. От университетов сегодня требуют так много, что традиционные подходы оказываются неуместными» [5].

В университетах стали меняться структура, формироваться по-новому цели и задачи, вводиться новые государственные стандарты, новые подходы и требования к компетентности преподавателя и студента. На роль возможной новой приоритетной формы обучения всё в большей степени претендуют новые информационные on-line-технологии. Появилось даже новое направление развития университета – университеты третьей миссии [4]. Стройная логика и целеполагающие классических университетов подверглись серьезной критике и изменениям. Естественно встал ключевой вопрос: возможно ли существование прежней «идеи университета» в совершенно новых условиях – в ситуации реальной и нарастающей неустойчивости, неопределенности, нелинейности запросов общества.

В этом смысле упомянутый выше кризис университетов – это, прежде всего, кризис прежней, исчерпывающей себя идеи классического университета и необходимость поисков его новых принципов как необходимого института современного общества, который своей основной задачей видит подготовку личности к жизни в условиях возникшей глобальной неопределенности. Неизбежные «огрехи» массового университетского образования, в котором становится невыполнимой реализация принципа классического университета Гумбольдта «обучение через исследования» только усиливают эту неопределенность, поскольку существенно увеличивается число людей, получивших диплом без овладения основ научного мировоззрения и технологий получения научного знания, не готовых к участию в принятии позитивных решений в обостряющихся социальных и экономических ситуациях. Этим людям можно смело отнести к людям «нового поколения невежества», которые, по мнению Тома Николса, уже реально привели к «смерти экспертизы», к падению роли строгой науки в современном обществе [8].

Невероятное на наших глазах становится всё более неотвратимым: университеты, формировавшие в течение двух последних веков новый так желанный многими мир, университеты – лидеры изменений и просвещения, шаг за шагом утрачивают свою значимость и особенность, становятся одним из многих мест новой реальности. Неизбежно меняется роль и предназначение сообщества университетских преподавателей. Им предстоит не только осознать произошедшее и происходящее, но и найти своё новое значимое место в этом изменившемся мире.

Принципы этики науки сегодня и «вне-алиби-бытие»

Адаптация норм этики науки и её определяющей части – этики ученых и профессорского сообщества к меняющимся условиям была осуществлена в середине-конце XX века строгим научным подходом

путем эмпирических исследований реальных научных коллективов как социальных институтов. Этот подход позволил сформировать несколько определяющих принципов научной деятельности, которые позволяют людям науки реализовать успешную научную деятельность. Роберт Мертон в своих работах обосновал четыре, с его точки зрения, инвариантных во времени, моральных принципа [15].

1. *Коллективизм* – результаты исследования должны быть открыты для научного сообщества.

2. *Универсализм* – ценность научной идеи или гипотезы должна зависеть только от её содержания и соответствия техническим стандартам научной деятельности, а не от характеристик её автора, например, его социального статуса.

3. *Бескорыстность* – при опубликовании научных результатов исследователь не должен стремиться к получению какой-то личной выгоды, кроме удовлетворения от решения проблемы.

4. *Организованный скептицизм* – исследователи должны критично относиться как к собственным идеям, так и к идеям, выдвигаемым их коллегами.

Именно они, с точки зрения Мертона, должны стать этическими принципами, которым должен следовать каждый ученый для того, чтобы успешно заниматься научными исследованиями, быть конкурентоспособным, признанным среди своих коллег. Он не только должен следовать им, но и поддерживать действия тех, кто противостоит их нарушениям, авторств, борется с плагиатом, требует ретрагирования (отзыва) научных статей, в которых содержится недостоверная информация, ставшего обычным делом в общемировой практике. В России до последнего времени такая практика не была распространена и появилась только в 2019 году [12]. Правила ретрагирования опубликованы недавно на сайте E-libra.ru. Очевидно, что введение новых требований к публикациям стало необходимым в связи заявленным в 2019 году Россией курсом на ее возвращение в число пяти ведущих в науке стран мира.

В этом смысле объективно существовавшие и до сих пор существующие ценностные установки в профессорском сообществе нашей страны «вне-алиби-бытия» по отношению к деятельности профессора как ученого не могут быть оправданы обычными в таких случаях сложившимися историческими, социальными и экономическими обстоятельствами. С ценностью научной деятельности настоящего честного и успешного ученого они не сопоставимы ни в коей мере даже при большом списке ответственных за пренебрежение наукой в последние десятилетия.

**Столкновение с коронавирусом
и новая реальность для профессорского сообщества**

Иной подход, по-видимому, необходим при анализе деятельности профессорского сообщества как влиятельного института университетской корпорации. Именно в преподавании профессор реализует себя как воспитатель «человека науки» с морально-этическими и ценностными ориентирами и активной, в том числе и гражданской позицией. Именно в формировании стратегической и тактической функциональной позиции университета он принимает участие и вправе отстаивать свои позиции как человек не только знающий, но и предвидящий, распознающий надвигающиеся риски и ищущий способы их уменьшения и преодоления. В этой ситуации позиция профессора как ученого и как члена профессорского сообщества «вне-алиби-бытия» управленческой и социальной отстраненности является отчетливым признаком падения самоопределения его как ученого, либо отсутствия у него профессиональных и личных способностей быть или оставаться настоящим «честным профессором», ученым, осознающим свою ответственность и способность быть участником необходимых изменений. Любая имитация деятельности профессора, особенно в обществе ограниченной бюрократии, опасна не только для него и университета в целом, но и для формирования нового успешного поколения.

Случившаяся в начале 2020 года пандемия коронавируса заставила посмотреть на эту проблему иными глазами. Стало очевидно, что прежний путь развития университетов требует значительного пересмотра. Прежде всего, возможная высокая продолжительность пандемии ставит вопрос о необходимости значительного развития дистанционного образования, определения роли профессорского корпуса в нем. Профессура традиционного классического университета долгое время поддерживала миссию морального лидерства и держала планку «высокой профессии». Возможно, пандемия спровоцировала скачкообразное разрешение затянувшегося кризиса высшей школы и у нас, и в мире. Возможно, наступает время формирования новой интеллектуальной и морально здоровой, этически компетентной элиты за пределами академической профессуры.

Сейчас в форс-мажорных обстоятельствах практически все университеты мира переходят на дистанционное образование, которое еще предстоит осознанно обустроить и сделать естественным, продуктивным и применимым для массового образования.

Представляется, что дистанционное образование не только сохранит, но и увеличит ценность нового on-line-общения с преподавателем, на уже привычных для студентов экранах интернета, которое

будет в состоянии различить достойного профессора и имитатора. Это, возможно, станет настоящим полем состязания, конкуренции, в котором победителями станут люди, способные создать на экранах желанный контакт со студентами, передавать неявное знание, погружать всех в атмосферу необходимого и полезного знания, понимания как оно возникает и меняется.

Очевидно, что все это не просто, как уже было и есть в сегодняшнем образовании, [например, о псевдообразовании см. в [13]. Однако, учитывая острую необходимость развития и доведения до необходимого (не меньшего чем в современном традиционном образовании!) дистанционного образования, следует ожидать много неожиданного в этом направлении.

В некоторых моментах сложившаяся ситуация похожа на ситуацию эпохи Возрождения, когда у гуманистов того времени была такая же задача, как и сейчас – культивировать почву своей души, возделывать человеческую природу, превращая ее в культуру [3]. Сегодня университетам нужно быть не только полезными для конкретных ещё существующих направлений промышленного и социального развития. Необходим уже новый конкретный взгляд на образование людей для возможного, востребованного в новом неожиданном мире.

Очень важно отметить также и необходимость изменений в ближайшем будущем ускоренного развития новых приоритетных областей научных исследований.

Во-первых, это все научные работы в области медицины, фармакологии и здравоохранении. Будущее «общество знаний» уже в самое ближайшее время должно включить в себя не только «экономику знаний», но и «знания для жизни». Кроме того, пандемия ускоряет формирование новой «Четвертой промышленной революции» в области более быстрого развития интеллектуальных систем, заменяющих большую скученность людей в индустриальном производстве и помогающим им сохраниться и жить в новых условиях.

Однако наиболее важным становится ускоренное развитие социальных, гуманитарных наук и систем управления в условиях новых взаимоотношений (зачастую отдаленных) между людьми. Не исключено, что именно они позволят создать в мире совсем иную цивилизацию, ориентированную не только на промышленное производство, но и на развитие человека и общества. Как жаль, что проект «Внеалиби-бытие профессора» заканчивается сейчас, когда самое интересное для университетов только начинается!

Очевидно, что основой нового «коллективного разума», способного понять и разрешить возникающие проблемы станут сообще-

ства ученых и профессоров, для которых это будет и необходимостью, и новым шансом быть успешными.

Список литературы

1. *Бакштановский В.И.* Прикладная этика: лаборатория ноу-хау. Том 2. Кодексы, которые нас выбирают: этическое проектирование как ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики. Монография. Тюмень: ТюмГНГУ. 2010.
2. *Барнетт Р.* Осмысление университета // Альма Матер: Вестник высшей школы. 2008. № 6. С. 46-56.
3. *Баткин Л.М.* Итальянские гуманисты: Стиль жизни, стиль мышления М.: Наука, 1978. 198 с.
4. *Виссема Йохан Г.* Университет третьего поколения: Управление университетом в переходный период / Пер. с англ. М.: Изд-во «Олимп-Бизнес». 2016. 432 с.
5. *Кларк Б.Р.* Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ. 2011. 240 с.
6. *Лисюткин М. А., Фрумин И. Д.* Как деградируют университеты? К постановке проблемы // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 4-5. С.12. – 20.
7. *Москвич Ю.Н., Викторук Е.Н.* Как трудно быть профессором эпохи перемен: конкуренция этических стратегий успеха // Ведомости прикладной этики. Вып. 49. Тюмень: НИИ ПЭ ТИУ, 2016. С. 41-56.
8. *Николс Том.* Смерть экспертизы: как интернет убивает научные знания / Пер. с англ. Т. Л. Платоновой. М.: Эксмо, 2019. 368 с.
9. Образование для инновационных обществ в XXI веке. Саммит «Группы восьми» (Санкт-Петербург, 16 июля 2006 года) // Бюллетень Министерства образования и науки Российской Федерации. Высшее и среднее профессиональное образование. 2006. № 9. С.3–12.
10. *Петров Д.В.* Язык науки XIX века: переосмысление требований к научному знанию в «Гумбольдтовских» университетах // Современный журнал учёных. 2019. №4. С. 271-278.
11. *Ридингс Б.* Университет на руинах / Пер. с англ. М.: Изд. Дом ВШЭ. 2010. 304 с.
12. Российская академия наук отзывает 869 статей из 263 научных журналов. <https://habr.com/ru/news/t/483710/>
13. *Согомонов А.* Кризис идентичности постсовременного университета // Полит.ру. 2007. 17 сентября.

14. *Benoit Godin*. The knowledge economy: Fritz Machlup's construction of a synthetic concept // Project of the history and sociology of S&T statistics working paper № 37, 2008. P 33.

15. *Drucker Peter F.* Post-capitalist society // Harper Business, 1994. 232 p.

16. *Merton R.K.* The Institutional Imperatives of Science // *Sociology of Science* /Ed. B. Barnes. L.: Penguin Books, 1972. P. 65–79. 15. *Merton R.K.* The Sociology of Science. Chicago: Chicago University Press, 1973. P. 267–270.

УДК 179.1

Цифровая эпоха и новая ситуация выбора современного журналиста

Аннотация. Интернет и современные технологии позволяют журналистам информировать общество о важных событиях на качественно новом уровне. Однако цифровые технологии (например, возможность в режиме онлайн рассказывать о событии) порождают не только новые возможности, но и формируют новые ситуации выбора перед современными журналистами. В статье описываются два случая, произошедших в регионе, на тему новой ситуации выбора, в которой оказались журналисты цифровой эпохи. Предпринимается попытка анализа решений и действий журналистов.

Ключевые слова: моральный выбор журналиста, общественный интерес, общественное любопытство, этика журналиста, ориентиры выбора, цифровая эпоха, цифровая журналистика.

Интернет и новые технологии позволяют современным журналистам решать более успешно многие профессиональные задачи. Например, возведенная едва ли не в самую главную профессиональную ценность оперативность достигается сегодня гораздо проще: чего стоит только возможность онлайн-трансляций, причем не только видео-, но и текстовых трансляций. Это особенно важно для интернет-журналистики, в которой оперативность информации, скорость ее распространения становится порой важнее точности и объективности. Собственно дилемма «оперативность – точность», конечно, не нова. Однако в цифровую эпоху она имеет особое значение.

Несмотря на то, что «цифровая эпоха» или «цифровая среда» сегодня уже не нуждаются в определениях, обратим внимание на ключевые ее характеристики, особенно актуальные для функционирования журналистики в этих новых условиях. Цифровая среда – это среда, в которой «миллионы маленьких и больших вычислительных устройств ежесекундно фиксируют, передают, производят, генерируют немислимые массивы цифровой информации, оцениваемой и анализируемой с помощью других высокопроизводительных компьютеров». Для журналистики это означает – интерактивность, изменчивость и мультимедийность [6, 20-22].

Следует отметить, что эту ситуацию выбора – между оперативностью и точностью – осложняет еще одно обстоятельство. Если СМИ уже давно живут в условиях технологической революции, вы-

званной в первую очередь Интернетом и его возможностями, то различные государственные институты, с которыми взаимодействуют СМИ, перестраиваются медленно: редко кто из представителей пресс-служб этих органов понимает, насколько важно сегодня журналисту получить информацию (ее подтверждение или опровержение, комментарий) «здесь и сейчас». Понятно, что у государственных органов свои правила и инструкции, которым они обязаны следовать, но факт остается фактом: нарушается эффективность их взаимодействия со СМИ. И журналисты оказываются перед выбором: ждать официального подтверждения или опровержения сообщения, либо информировать общество, используя не подтвержденную официальными органами информацию? Ситуацию усугубляет еще и активность пользователей социальных сетей, которые сегодня распространяют актуальную информацию наряду со СМИ и в этом смысле являются конкурентами журналистов, несмотря на то, что они не обременены обязанностью верифицировать информацию.

Вопрос о том, как быть в такой ситуации журналистам, – родился в дискуссиях, происшедших в региональном сообществе журналистов после ряда событий. Самая доступная для этого площадка – социальные сети, где собственно в 2019 году и происходили неоднократные обсуждения спорных случаев региональной журналистской практики. Для иллюстрации и анализа указанной выше проблемы мы выбрали два наиболее показательных случая. Они в качестве учебных кейсов были использованы и на практических занятиях курса «Профессиональная этика журналиста» в ТюмГУ.

Случай № 1

В апреле 2019 года в Тюмени прошла контртеррористическая операция [1], в ходе которой спецслужбы ликвидировали двух приверженцев террористической группировки «Исламское государство», запрещенной в России. По сообщению информационного центра Национального антитеррористического комитета, террористы планировали теракт в местах массового пребывания людей. Пострадавших из числа местных жителей и сотрудников спецслужб не было.

Но губернатор Тюменской области Александр Моор, поблагодарив спецслужбы за проведенную в Тюмени контртеррористическую операцию, раскритиковал СМИ и пользователей соцсетей, которые сообщали о ней подробности. «Был разочарован действиями некоторых людей, которые сразу начали в социальных сетях сочинять небывлицы. Не буду их здесь пересказывать. Зачем люди писали и распространяли вещи, которых не видели сами? А ещё у преступников нашли после штурма смартфоны. И я все думаю, ведь они тоже могли видеть те фотографии, видео, те текстовые трансляции, видео-

стримы, которые вели практически в режиме онлайн некоторые СМИ. Это все очень серьезные темы для нашего дальнейшего общественного разговора», – заявил он в своем публичном обращении [10].

Поскольку только одна редакция в Тюмени от начала до конца отслеживала тему (продолжает это делать и по сей день), всем стало понятно, что речь идет о 72.ru.

В тот же день в соцсетях появилась колонка главного редактора сайта (на тот момент) 72.ru Елены Ходыревой.

«Губернатор опубликовал пост в Instagram, в котором пожурил журналистов, освещавших ход контртеррористической операции в Тюмени. Тех, кто до поздней ночи писал новости, вел онлайн-трансляции и видео-стримы. На личности губернатор переходить не стал, но и без этого было понятно, кого он ругает: – сайт 72.ru и, в частности, нашего журналиста Артура Галиева. Просто мы – единственные, кто в режиме онлайн-трансляции освещали неразбериху, творившуюся в Тюмени. И Артур – единственный, кто вел прямой эфир с места событий, успокаивая людей и объясняя, что же на самом деле происходит в городе.

Прав ли губернатор? Нет. И вот почему. Единственным аргументом Александра Моора было то, что у предполагаемых террористов были смартфоны, и они могли читать все новости, смотреть прямые эфиры. Ну, дорогой Александр Викторович, вы как маленький наивный ребенок. Террористам, если они действительно были террористами, ни к чему было в этот вечер читать новости. Им и без них всё было понятно.

В городе устроили настоящее шоу: десятки (а может и сотни) машин спецслужб с мигалками и сиренами колесили по улицам туда-сюда несколько часов, в район спецоперации с таким же помпезным шумом стягивались толпы полицейских, БТРы. Весь город гудел, жителей частного сектора эвакуировали, в соцсетях сотни людей выкладывали видео и фото, отмечали геолокацию. И всё это длилось около трех часов.

Террористы – не дураки. Они, как и тысячи жителей Тюмени, в эти часы, наверняка, видели, что происходит вокруг их места обитания. Только если им все было понятно, то тысячи тюменцев заражались друг от друга дикой паникой. Чего только стоят звонки родным, которые живут в районе проведения спецоперации, и пугающее молчание в телефонной трубке (сигналы глушили, поэтому дозвониться было непросто).

Здесь вопросы должны возникать не к журналистам, которые честно выполняли свою работу, а к кураторам спецоперации. Какую цель преследовали, устроив в городе шоу с мигалками и сире-

нами? Напугать людей, посеять панику и дать понять террористам, что тучи над их головой сгущаются? Нет? А какую тогда?

Правильно Артур Галиев подметил в своем Telegram-канале, отвечая на губернаторские претензии: «Первое сообщение об аварии на Чернобыльской АЭС появилось в советских СМИ 27 апреля – через 36 часов после катастрофы. Родители, не зная о взрыве, отправили детей утром в школу – дышать радиацией».

Я считаю, что жителям Тюмени повезло, что в их городе есть такие СМИ и такие журналисты, которые в ту ночь не спали и не ждали отмашки от чиновников, а работали до поздней ночи, честно рассказывая читателям о том, что происходит. Без вранья, без лукавства, без ужимок и реверансов в сторону властей и спецслужб.

И хочется закончить словами Кирилла Мартынова, редактора отдела политики «Новой газеты». Он тоже сегодня высказался по поводу заявления тюменского губернатора: «В стране, где СМИ управляются звонками из региональных администраций, начальство стало постепенно забывать, в чем вообще заключается функция журналистов». Как хорошо сказано. Прямо про Тюмень. В точку [8].

Свое несогласие выразил и сам журналист Артур Галиев: «По городу неслись сотни машин спецслужб и даже БТР. Люди были перепуганы. Что должны делать в этот момент СМИ? Конечно же, не сидеть в режиме тишины. Они должны сообщить людям то, что происходит. Объяснить им. Ни одна структура ничего не комментировала до того, как началась стрельба. Поэтому журналисты едут на место события, узнать, что происходит. Согласен с тем, что люди в соцсетях начали писать небылицы, но откуда они возникают? Из-за недостатка достоверной информации. Начинается инфопаника. В этот момент властям важно взаимодействовать со СМИ, а не играть в молчанку. В эпоху соцсетей у каждого человека есть доступ к интернету и возможность опубликовать пост и о колонне машин, и о стрельбе. Конечно, можно выключить интернет во всем городе, чтобы не было фейков, но лучшее решение – развивать коммуникацию со СМИ. Именно здесь надо вести общественный разговор» [9].

Для более объективной картины покажем, как развивались события в день проведения контртеррористической операции по времени.

В 21:15 – в городском паблике «ЧС Тюмень» в ВК появилось видео – по городу едут полицейские машины с маячками.

В 21:35 – на 72.ру дана первая информация об этом со ссылкой на соцсети: «Вечером в пятницу, 12 апреля, по центру Тюмени проехали несколько полицейских машин с включёнными проблесковыми маячками. Автомобили правоохранителей заметили на

улицах 50 лет Октября, Республики, в районе Маяка и неподалёку от здания администрации Калининского района».

В 21:46 – информация на 72.ru – «В пресс-службе городского УМВД пока не комментируют происходящее. Однако, по данным собственного источника 72.ru, в городе могут проходить учения. Насколько это достоверная информация — неизвестно. Ждем официальных комментариев от правоохранительных органов».

В 21:48 – информация на 72.ru со ссылкой на соцсети: «Тюменцы переживают по поводу большого наплыва полицейских в городе. Только посмотрите на видео, сколько автомобилей промчалось по улице. В социальных сетях люди спрашивают друг у друга, что произошло, и выкладывают происходящее в городе в Сеть. Вот одно из видео, которое опубликовали недавно «ВКонтакте».

В 21:52 – информация на 72.ru – «Автомобили спецслужб колесят по Тюмени почти полтора часа. Люди замечают их в разных районах города. На одной из улиц тюменцы насчитали сразу 24 экипажа. К этому часу официальных комментариев от УМВД получить так и не удается: – молчат».

В 22:11 – журналист 72.ru Артур Галиев оказывается на месте событий и ведет прямую трансляцию, будучи уже их очевидцем. Он разговаривает с людьми и рассказывает читателям о том, что видит: жителей частного сектора Калининского района эвакуировали, на улице Новоселов развернут штаб и пункт временного размещения. По-прежнему нет никакой официальной информации.

В 22:59 – информация на 72.ru – «Наш читатель, который находится в районе Маяка, сообщает, что повсеместно там начали отключать свет. Улицы вмиг стали темными, подсвечивают их только мимо проезжающие машины. Становится жутко (хотя и без того было страшновато)».

И только в 23:17 на сайте 72.ru (на сайте ведомства в 23:13) появляется официальное сообщение Оперативного штаба Национального антитеррористического штаба в Тюменской области, которое редакция опубликовало полностью.

В режиме прямой трансляции проходит и дальнейшее освещение событий.

Самый главный вопрос, который обсуждался в эти дни в социальных сетях: правильно ли поступили журналисты 72.ru, когда в отсутствие официальных сообщений пытались информировать тюменцев о том, что происходит в городе. Сначала с помощью информации в городских пабликах в соцсетях, куда горожане выкладывали фото и видео происшедшего, а затем сами – уже как очевидцы событий.

Можно ли назвать профессиональным поведение тюменских СМИ, контролируемых властью, которые ждали официальной информации и разрешения опубликовать ее?

В обсуждении этих вопросов участвовали не только журналисты, но и читатели [9]. Приведем наиболее показательные высказывания.

Одна точка зрения: претензии должны быть направлены не к журналистам, а к силовым структурам.

- Если бы службы сработали слаженно и одновременно с эвакуацией дали бы информацию да хоть об учениях – не было бы домыслов. Запретить снимать? А как? При повсеместном распространении смартфонов и возможности прямого эфира. Я, кстати, живу в районе, где машин с сиренами не видела.

- Ругать надо не журналистов, а спецслужбы, которые наделали столько шума и людей чуть до паники не довели (может, и не довели, потому что журналисты хоть как-то осветили это событие). Два предполагаемых террориста. А понагнали столько людей в погонах, как будто там человек 20 окопалось. Ей богу, только танка не хватало, чтоб этот дом раскатать. Такие операции обычно проводят тихо без помпы.

- У меня подруга с дочкой сидели с паспортами у двери, звонили мне со слезами, думая, что война началась. Огромное спасибо за всегда оперативную информацию!

Другая точка зрения: журналисты 72.ru поступили непрофессионально.

- Безграмотная наглость журналистов: закон «О СМИ» ст. 4 «При освещении контртеррористической операции запрещается распространение в средствах массовой информации сведений о специальных средствах, технических приемах и тактике проведения такой операции...».

- Надо сразу же гасить всю мобильную связь. Есть же пелена, прочие средства РЭБ. А журналисты... Помню, как они освещали захват Дубровки. Снайперов находили, движение спецназа в прямом эфире гнали, начало штурма показали. Молодцы.

- То, что неправильно сработали спецслужбы, не значит, что этим должны пользоваться СМИ и транслировать онлайн. Они не должны это в онлайн вести, чтобы обезопасить граждан при проведении спецоперации. Фактически преступник может воспользоваться этой информацией.

Журналисты справедливо отвечают на эти замечания: «Откуда мы знали, что в городе проходит контртеррористическая операция, если официально об этом сообщили только в 23:13? До этого что

должны делать СМИ?» Но, по мнению читателей (не журналистов), если полиция и подобные структуры работают, значит, так надо, «на это были свои причины». Для Тюмени это нестандартная ситуация. Мягко говоря. Потому приоритет должен быть за информацией из официальных источников. А получилось, как получилось. Значит, так надо. С онлайн-трансляциями у нас все хорошо. Даже у не государственных СМИ. Только не всегда это уместно и грамотно. И не тот случай, когда проводят брифинги. Это не пожар и не ДТП. Это режим КТО.

Еще одна точка зрения: непрофессионально поступили СМИ, которые финансируются из бюджета, но не информировали общество о том, что происходило.

- *СМИ на бюджете вообще тупо молчали. Хотя как раз они и должны были какую-нибудь информацию выдать. Хоть что-нибудь.*

- *А ваши «коллеги» тупо проспали момент, потом испугались в эфир и на сайты давать без команды. Потому что сами себя поставили в положение такое, что пишут только по команде. Сам смысл профессии опустили ниже уровня городской канализации.*

Итак, позиция журналистов высказана достаточно ясно: главным в этой непростой ситуации для них было проинформировать общество о том, что происходит (поэтому журналист отправился на место события), тем самым успокоить тех, кто находился в неведении. Но, как ясно из комментариев, позиция эта хоть и полностью отвечает профессиональному долгу, но уязвима, поскольку речь идет о чрезвычайной ситуации, когда режим работы многих общественных институтов, в том числе и журналистики, меняется. Поскольку никаких комментариев со стороны спецслужб по поводу работы журналистов во время контртеррористической операции не последовало после ее окончания (есть только слова недовольства губернатора, не доказанные конкретными фактами), сегодня сложно говорить о том, что журналисты 72.ru перешли грань дозволенного (мешали работе спецслужб или стали невольными пособниками террористов). Но их информация о том, что происходило в этот день, была наиболее достоверной, особенно на фоне небылиц, порожденных пользователями соцсетей, – это факт, который сложно не признать, внимательно анализируя события дня.

Если опираться на высказывания самих журналистов, можно предположить, что критерием их выбора в данной ситуации стала актуальность события, а точнее, говоря языком профессионально-этических документов, – его ярко выраженный общественный интерес, связанный с безопасностью. Именно он может заставить журналиста «предпринимать осознанные, в том числе морально рискован-

ные профессиональные усилия в ситуациях, допускающих (в случае острой необходимости и при обязательном подтверждении оправданности предпринятых усилий) исключения из конкретных ограничительных или даже запретительных положений журналистских кодексов» [2]. Допустим, что таким положением была норма – журналист обязан проверить и перепроверить достоверность информации, которую он сообщает. Что же касается данной ситуации, то журналисты, как видно из текстовой прямой трансляции, не раз пытались это сделать.

Следующий случай имеет некоторые похожие черты с первым. Однако выбор журналистов был продиктован иными соображениями.

Случай № 2

Осенью 2019 года в Заводоуковске Тюменской области в одной семье пропал пятимесячный малыш – мальчик Богдан. Тогда все местные и федеральные СМИ [4] написали об этой трагической истории: родители ребенка на несколько часов оставили младенца с 23-летней Викторией Айметдиновой — девушкой сводного брата Богдана. Прежде девушка уже оставалась с ребенком. Но накануне она поссорилась со своим молодым человеком, братом малыша. Свою обиду она решила выместить на его близких и захотела «заставить их понервничать». Она планировала увезти ребенка в другой регион, а затем через некоторое время вернуться в Заводоуковск. Однако в близрасположенном лесу она убила мальчика.

Когда волонтеры и полиция отправились прочесывать лес в поисках ребенка и его няни, с ними вместе выехали две редакции СМИ – телеканал «Тюменское время» и 72.ru, журналисты которой вели текстовую трансляцию происходившего в этот день. О том, что ребенка нашли мертвым, его родители узнали с сайта 72.ru, эта редакция первой сообщила об итогах поисковой операции.

Через какое-то время журналист «Тюменского времени» Анна Княжева написала на своей странице в ФБ.

«Вы можете до хрипоты спорить про то, кто первый и кто лучший. Но журналистика – это не про самых быстрых. Вернее, не только. Вы можете сколько угодно говорить про закон о СМИ, который формально никто не нарушает, но дело тут в другом. Есть этика журналиста, и есть вещи, которые ты не должен делать, как бы тебе ни хотелось стать самым лучшим и самым быстрым. Я допускаю, что люди могут быть глупы и просто не понимать этого. Я допускаю, что их начальники тоже могут быть глупцами и даже выписывать премии за скорость реакции. Но я точно знаю, что родители не должны узнавать о смерти детей из ленты новостей портала, единственная цель которого стать первым и лучшим.

...Когда волонтеров отозвали от мест поиска и сообщили, что их работа закончена, сотрудники полиции сказали, что "в лесополосе найдена девушка с ребенком" и попросили дождаться информации от сотрудников СК (следственного комитета), которые уже работают на месте. Конечно, это не означает, что журналисты должны были сесть и ждать официального пресс-релиза на сайте. Но они обязаны были дождаться, пока родителям сообщат о смерти их сына. ...А теперь вы можете спорить сколько угодно, кто кого круче и быстрее. Журналистами себя не называйте, а то стрёмно как-то... Редакцию 72.ru надо не просто разогнать, а запретить им заниматься профессиональной деятельностью навсегда» [7].

Этот критический в адрес коллег пост Анны вызвал многочисленные споры, он собрал 134 комментария.

Конечно, большая часть комментаторов (а это были, в основном, коллеги Анны и журналистов 72.ru) заняли позицию, отрицающую связь происшедшего с журналистской этикой:

- Ну, понятно. Была бы возможность у тебя выпустить новость в 15:32, ты бы это сделала. Все опоздавшие могут морализировать.

- Родители прочитали только на сайте 72.ru, потому что только они вели себя профессионально, организовав прямую трансляцию в реальном времени, чего не может сделать ни одно СМИ Тюмени. Ань, прости, но это профессиональная зависть в тебе говорит, а не этика.

- Аня, тебе просто обидно, что ты не первая.

- Если розыскные службы и добрая часть журналистов находятся где-то в двадцатом веке, когда информацию телеграфом слали, то это их проблема, а никак не 72.ru, и к журналистской этике отношения она не имеет совершенно точно.

- Главный вопрос: почему вообще родители узнают о смерти ребенка из СМИ, а не от полиции, с которой они наверняка общались, и у которой есть их номер телефона.

- Информация, подтвержденная официальной пресс-службой о том, что ребенок погиб, появилась именно в тот момент, когда 72.ru выставили ее в трансляции. Это раз. Второе – СМИ не могут знать, прочитают родственники заметку или нет. И третье – вопрос к органам, которые не отвели в сторону родителей и не рассказали имеющуюся информацию. Насколько я знаю, у поисковой группы этой информации и не было, от меня ее узнала одна из представителей штаба. Что мешало ей перезвонить коллегам, подтвердить и сообщить отцу? 72.ru не сообщили ничего, что могло бы повлиять

на ход расследования или поисков даже чисто теоретически. И да, знание лучше ожидания.

Последний комментарий поддержала и сама редакция 72.ru, подключившись к дискуссии.

- То, что родители узнали из СМИ о гибели своего ребенка – ужасно, но такие случаи бывают. Замечу, что мы получили подтверждение этой информации в уполномоченном ведомстве. Устный комментарий пресс-секретаря приравнен по значимости к письменному. Здесь возникают другие вопросы: как оперативно родным такую информацию передают или должны передавать официальные представители, есть ли рядом психологи? Тема, которую вы подняли, имела бы место для обсуждения, если бы журналист подошел и сказал родителям о смерти ребенка лично, но мы не можем контролировать или как-то ограничивать круг читателей и не должны этого делать. И давайте признаем, родные часто именно из СМИ узнают о гибели своих родных: теракты, авиакатастрофы, ДТП и так далее.

По мнению журналистов 72.ru, родители могли узнать о смерти ребенка из любого СМИ. Они привели данные из Яндекс. Метрики по новости о нахождении ребенка: 15.33 – 72.ru; 15.35 – Знак ком; 15.43 – Ура.ru и РБК; 15.44 – Тюменская область сегодня; 15.45 – Тюменская линия. И еще сотня изданий. Заметим при этом, что официальная новость от следственного комитета появилась на сайте ведомства в 16.37.

Один из комментаторов предложил взглянуть на проблему с другой стороны.

- Закон о СМИ, ещё какие-то законы, конкуренция, желание быть лучшим/первым... Фигня все это! Вот фигня и не более! Человечность, сострадание, любовь, понимание – вот на что надо обращать внимание. Не могу сказать, кто лучше или хуже в этой ситуации... Но вот на секунду, перед тем как что-то делать, просто представьте себя на месте родителей малыша. Все сразу же становится ясно, если ты не бревно, жаждущее денег и славы.

В поддержку автора поста.

- Надеюсь, никто не спорит, что это этическая проблема? Причем эта этическая проблема была поднята в начале века – теракты, захваты заложников... У ней нет никакого логического решения. Точно так же нет никакого логического решения в вопросах об абортах. Современная журналистская этика выработала практику: когда все уже случилось и на дальнейшие события информация повлиять никак не может, но имеет ценность для семьи жертвы, тогда семье жертвы дают возможность узнать об этом раньше, чем

публике. Американцы сейчас публично объявляют о смерти военнослужащего сразу, но имя погибшего называют спустя сутки, чтобы родственники узнали первыми.

- Ситуация еще как имеет отношение к профессиональной этике журналиста. Ты легко это поймешь, если представишь ее как задачу для студентов журфака по поиску коллизий.

Один из комментаторов процитировал Курта Воннегута «Бойня номер пять», подчеркнув циничность журналистской профессии.

«...Я работал полицейским репортером в знаменитом Бюро городских происшествий в Чикаго за двадцать восемь долларов в неделю. Нас финансировали все городские газеты, и АП, и ЮП1, и все такое. И мы давали сведения о процессах, о происшествиях, о полицейских участках, о пожарах, о службе спасения на озере Мичиган, и все такое. Мы были связаны со всеми финансировавшими нас учреждениями путем пневматических труб, проложенных под улицами Чикаго.

Репортеры передавали по телефону сведения журналистам, а те, слушая в наушниках, отпечатывали отчеты о происшествиях на восковках, размножали на ротаторе, вкладывали оттиски в медные с бархатной прокладкой патроны, и пневматические трубы глотали эти патроны. Самыми прожженными репортерами и журналистами были женщины, занявшие места мужчин, ушедших на войну.

И первое же происшествие, о котором я дал отчет, мне пришлось продиктовать по телефону одной из этих чертовых девок. Дело шло о молодом ветеране войны, которого устроили лифтом на лифт устаревшего образца в одной из контор. Двери лифта на первом этаже были сделаны в виде чугунной кружевной решетки. Чугунный плющ вился и переплетался. Там была и чугунная ветка с двумя целующимися голубками. Ветеран собирался спустить свой лифт в подвал, и он закрыл двери и стал быстро спускаться, но его обручальное кольцо зацепилось за одно из украшений. И его подняло на воздух, и пол лифта ушел у него из-под ног, а потолок лифта раздавил его. Такие дела.

Я все это передал по телефону, и женщина, которая должна была написать все это, спросила меня:

– А жена его что сказала?

– Она еще ничего не знает, – ответил я. – Это только что случилось.

– Позвоните ей и возьмите у нее интервью.

– Что-о-о?

– Скажите, что вы капитан Финн из полицейского управления. Скажите, что у вас есть печальная новость. И расскажите ей все, и выслушайте, что она скажет.

Так я и сделал. Она сказала все, что можно было ожидать. Что у них ребенок. Ну и вообще...

Когда я приехал в контору, эта журналистка спросила меня (просто из бабьего любопытства), как выглядел этот раздавленный человек, когда его расплющило.

Я ей рассказал.

– А вам было неприятно? – спросила она. Она жевала шоколадную конфету «Три мушкетера».

– Что вы, Нэнси, – сказал я. – На войне я видел кой-чего и похуже».

Итак, позиция журналистов (авторов оперативной информации, редакции 72.ru) вполне определена: журналисты не отвечают за действия или бездействия правоохранительных органов, которые участвовали в поиске ребенка и вовремя не проинформировали родителей о трагедии (или проинформировали согласно своим регламентам, не совпадающим с форматом работы СМИ). «Давайте признаем, родные часто именно из СМИ узнают о гибели своих родных: теракты, авикатастрофы, ДТП и так далее», – предлагают они. Но на вопрос, является ли это этически допустимым для профессиональных журналистов, они не отвечают, а может быть, он для них и не существует. Автор критического поста тоже тверда в своей позиции: родители не должны узнавать о смерти своих родных из СМИ.

Попробуем провести аналогию с ситуацией, которую мы анализировали выше: сходство в том, что журналисты, несмотря на отсутствие официальной информации, сообщают о событии в режиме онлайн. И в этом событии обнаруживается общественный интерес, который объясняет выбор редакции. Информация в данном случае помогает обществу, горожанам сориентироваться, понять, что происходит в их жизни, то есть имеет важное общественное значение.

А чем оправдана оперативность журналистов во второй ситуации? Так ли жизненно необходима обществу информация о том, что ребенок найден мертвым, чтобы так спешить с ее публикацией? Представляется, что решение журналистов опубликовать этот факт, не дожидаясь официального подтверждения (хотя журналисты говорят о том, что получили его устно от пресс-службы), связан, скорее, с желанием удовлетворить общественное любопытство. О важности уметь различать «общественные интересы – в широком прочтении – и общественное любопытство, свойственное природе человека, но определенно не связанное с проблемами осуществления публичной

власти, с деятельностью демократических институтов или с перспективами развития общества» сообщает Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу. Со ссылкой на подход британского Кодекса практики 2004 года, Коллегия признаёт, что понятие «общественный интерес» в журналистике распространяется на такие темы, как «обнаружение и раскрытие преступлений и серьёзных проступков; защиту общественного здоровья и безопасности; предотвращение заблуждений, возникающих у общественности в результате заявлений или действий отдельных лиц или организаций» [2]. Трагедия отдельно взятой семьи вряд ли подходит под тему «общественного интереса». Эта оперативность могла быть оправдана лишь чисто экономически: редакции она выгодна, поскольку принесла немало просмотров и прямого цитирования.

На примере двух ситуаций и дискуссий, которые они вызвали, важно показать, что цифровые реалии, в которых работают современные редакции, не столько порождают абсолютно новые вызовы для журналистов, сколько делают более актуальными, обостряют прежние этические дилеммы. Очевидно, что для принятия наиболее этически оправданного решения журналисты, как и прежде, могут (и должны) ориентироваться на ценности своей профессии. В двух конкретных ситуациях такой ценностью стало наличие «общественного интереса» в первом случае и его отсутствие во втором.

Авторы учебника по мультимедийной журналистике сформулировали «золотое правило», которое преподносит современным журналистам «цифровая реальность»: «технологии выполняют всего лишь служебную функцию... – они всего лишь усиливают или ослабляют то воздействие, которое создают люди. ...Никакая технология не может изменить отношение к правде, к искренности, к способности объяснить, к независимости суждений, к сопереживанию и возможности его передать» [3, 66].

И дилеммы «точность информации – скорость ее распространения» в профессиональной редакции разрешаются в пользу точности и достоверности. По крайней мере, об этом неоднократно говорили руководители крупных интернет-СМИ на конференции ОБСЕ «Свобода СМИ и безопасность», которая проходила в Москве в начале ноября [5].

Список литературы

1. В Тюмени завершилась контртеррористическая операция [электронный ресурс]. URL: <<https://ria.ru/20190413/1552658058.html>> (Дата обращения 05.01.202).

2. Медиаэтический стандарт. [Электронный ресурс]. URL: <<https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/4756-mediaeticheskij-standart-2015>> (Дата обращения 05.01.2020).

3. Мультимедийная журналистика: учебник для вузов / Под общ. ред. А.Г. Качкаевой, С.А. Шомовой; Нац.исслед.ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С.66.

4. «Оставили с ней сына»: полиция ищет девушку, сбежавшую из Заводоуковска с чужим 5-месячным малышом. [Электронный ресурс]. URL <<https://72.ru/text/incidents/66246835/>> (Дата обращения 05.01.2020).

5. Публикации по #FOM_Moscow2019. [Электронный ресурс]. URL <https://www.facebook.com/hashtag/fom_moscow2019?source=feedtext&era=HASHTAG&tn=*NK-R> (Дата обращения 05.01.2020).

6. Характеристики цифровой среды и новые медиа // Мультимедийная журналистика: учебник для вузов / Под общ. ред. А.Г.Качкаевой, С.А.Шомовой; Нац.исслед.ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2017.

7. Электронный ресурс. URL: <<https://www.facebook.com/anna.knyazheva.9>>

8. Электронный ресурс. URL: <https://www.facebook.com/i.in.toronto?tn=%2CdCH-R-R&eid=ARD999uLm7XhYF2e8TKENjDvrcWM6qp7IGk7-kd6xh6Lxw7qqwbaV5_EqO367VmzQ4Oic2zKTfIL5pdo&href=ARQJM_3il_R3rHRuirwhvqdcDkvHiyp4K6S6bTghDvttvlyM3Kxo_7jY5Wz0YrRBBqM&fref=nf>

9. Электронный ресурс. URL: <<https://www.facebook.com/profile.php?id=100001783003923>>

10. Электронный ресурс. URL: <https://www.instagram.com/p/BwLtN30iqpK/?utm_source=ig_embed>

В рубрике «Из истории инновационной парадигмы прикладной этики» осуществляется републикация двух текстов, созданных в рамках исследовательского проекта «Этика успеха» (1994 г.). Обсуждавшиеся исследовательские вопросы – о ценностях и нормах профессиональной деятельности человека состоявшегося, этосе успеха в профессиональных сообществах и индивидуальных карьерах, солидарности в корпорациях успешных профессионалов, о сходстве и различии в советских и постсоветских моделях профессионализма – сегодня звучат не менее актуально чем четверть века назад.

Первая часть рубрики состоит из материалов *круглого стола*, организованного редакцией журнала «Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов и ЛПР» на тему «Этика и этос корпорации». Приглашая к дискуссии, редакторы журнала охарактеризовали состояние переходного общества как ситуацию ценностного, в том числе и морального междуцарствия (*interregnum*), в которой стабилизирующую роль играют мозаичные идеалы и ценности. Обсуждая в таком контексте феномены корпоративности, успеха, профессионализма, участники круглого стола акцентировали внимание на особенностях данных феноменов в условиях переходного общества.

Вторая часть рубрики – статья Г.С. Батыгина – представляет собой теоретическое исследование феномена профессионализма и профессиональной корпорации. Характеризуя профессионализм как этическое требование, исследователь выделяет элемент, во многом чуждый обществу универсальной конкуренции – «элитарное равенство», означающее «неприменимость стандартных измерений дохода, власти и престижа к внутренним профессиональным регуляторам». Порождаемую профессионализмом специфическую форму равенства – коллегальность – исследователь отличает от феномена коллективности наличием субординации экспертов.

В целом рефлексия этических проблем, содержащаяся в текстах рубрики «Из истории инновационной парадигмы», обладает эвристическим потенциалом для осмысления современных трансформационных процессов в отечественных университетах в целом, в деле профессора – в том числе.

* Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов и ЛПР / Под ред. В.И. Бакштановского, В.А. Чурилова. Выпуск 3. Тюмень-Москва: Центр прикладной этики. Финансово-инвестиционная корпорация «Югра». 1995. 236 с.

Круглый стол
редакции Вестника «Этика успеха»

ЭТИКА И ЭТОС КОРПОРАЦИИ¹

Исследовательский проект "Этика успеха", реализующийся, в том числе, в форме одноименного Вестника, естественным образом предполагает обсуждение нравственных проблем современного феномена корпоративности.

Корпоративность, равно как и профессионализм, "обречены" на достижительную мотивацию, эффективность и успешность. Но какой ценой? Может быть, в рациональной этике ответственности содержится постановка этого вопроса и поиск ответа на него?

В нашей стране современные, цивилизованные формы корпоративизма только складываются. И уже на старте этого процесса обнаруживаются как продвинутость этих структур гражданского общества, так и "болезни роста". Сохраняется неясность очертаний национальной модели корпоративного духа.

Участники собранного редакцией "круглого стола" пытаются заявить элементы программы изучения Духа корпорации, акцентируя – с учетом тематизации данного номера – профессионально-нравственные аспекты корпоративности.

Редколлегия предполагает, что публикация стенограммы "круглого стола" стимулирует работу авторов тематического номера Вестника, собираемого вокруг темы "Дух корпорации".

В.И. Бакштановский (Научный руководитель Центра прикладной этики, советник по деловой этике президента корпорации "Югра")
**СТАНОВЛЕНИЕ ЭТОСА КОРПОРАТИВНОГО УСПЕХА
И СОЛИДАРНОСТИ**

Я решил выступить в жанре тезисов рабочей гипотезы, обсуждение которой предваряет формирование ЭТИКО-ПРИКЛАДНОГО проекта "Дух корпорации".

¹ Этика и этос корпорации. «Круглый стол» Вестника «Этика успеха» // Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов и ЛПР / Под ред. В.И. Бакштановского, В.А. Чурилова. Выпуск 3. Тюмень-Москва: Центр прикладной этики. Финансово-инвестиционная корпорация «Югра». 1995. С. 195-219.

1. Целый ряд исследователей полагает, что современное российское общество переживает ситуацию ценностного, в том числе и морального, "междоцарствия" (*interregnum* – лат.): старая система ценностей ослабла, частично "обесценилась", "обесмыслилась", а новая (новые?) только формируются. Но это НЕ вакуум, а скорее, *мозаика*.

2. Стабилизационную и перспективную роль в этой ситуации "междоцарствия" играют мозаичные ("гибридные") идеалы и ценности, способные обеспечить смыслоценностные задачи переходного общества.

3. Приоритетной в ряду таких "гибридов" может стать (и, вероятно, уже становится) система **КОРПОРАТИВНЫХ** ценностей, прежде всего, корпоративного **УСПЕХА** и корпоративной **СОЛИДАРНОСТИ**. В ситуации многовариантности развития страны – в напряженном поле между (а) все более нарастающей авторитарностью государства и (б) все менее обнадеживающей перспективой формирования гражданского общества – инициирование и культивирование корпоративных ценностей способно, возможно, сбалансировать обе эти тенденции.

4. В отношениях с обществом современные корпорации могут, таким образом, выступить пассионариями провозглашения, выращивания и защиты ценностей гражданского общества («успех», «солидарность», «честная игра», «ответственность» и т.п.), которые не будут категорически отторгнуты ни государством, ни общественным мнением. **ИНВЕСТИЦИИ В ТАКОЙ УСПЕХ СТРАНЫ** позволят корпорациям выполнить роль «конструкторов» и «строителей» ценностных **ПОЛЬДЕРОВ**, стабилизирующих переходный период.

5. Однако, такого рода **роль** современная корпорация сможет принять на себя и реализовать лишь в том случае, если **НРАВСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ КОРПОРАЦИИ** будет предметом особой заботы как в исследовательском, так и в «воспитательном» и, что не менее важно, в «имиджном» отношениях.

6. В этих трех аспектах особое место принадлежит этосу **КОМАНДЫ**, в котором (**ВЕРОЯТНО, И ПОТОМУ ТРЕБУЕТ ОСОБОГО АНАЛИЗА НА РЕАЛЬНОМ ОПЫТЕ**) остроконфликтны ценность индивидуального успеха (и потому соревновательность между подразделениями и отдельными сотрудниками), с одной стороны, и дух командной солидарности – с другой. Предлагаемые некоторыми ис-

следователями версии типа "солидарность через соревновательность, командный успех через индивидуальный" – сложная проблема и теории, и практики.

7. Особое место в теме корпоративного духа занимает вопрос о выборе и "примерке" МОДЕЛИ корпоративности: определение (а) меры национальных традиций ("община", "артель", "трудовой коллектив", "партийный комитет", "советский орган" и т.п.) и, одновременно, (б) меры общецивилизационных достижений, в "примерке" которых нельзя уйти от различий между западной и японской моделями корпорации и ее духа.

8. Способ работы прикладной этики с "рабочей гипотезой" – КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ корпорации на этапе ее становления, сотрудничество внутренних и внешних консультантов, результаты которого постоянно обсуждаются экспертным сообществом в режиме долговременного мониторинга, в том числе и в постоянной рубрике Вестника "Этика успеха".

ВОПРОС ИЗ ЗАЛА: Известно, что слово "пассионарий" происходит от греческого "пафос" и означает человека страсти. Но вместе с тем пассионарий – это инноватор. Как соединить оба аспекта в плане выработки корпоративного духа?

ОТВЕТ: Для А. Тойнби пассионарии – творческое меньшинство, которое своей деятельностью и создает цивилизации. До тех пор, пока такое меньшинство способно влиять на ценностный мир той или иной цивилизации, она развивается по восходящей линии и лишь только тогда, когда пассионарии утрачивают духовную власть, цивилизация дает неадекватные ответы на вызовы истории, отказывается от рискованного выбора и после этого клонится к упадку.

Здесь речь идет об успехе цивилизации, но нет макроуспеха без "микроуспехов". Возможно, наша евроазиатская цивилизация возродится через культуру корпоративного успеха. И возможно также, что пассионарные рискованные выборы ценностных ориентаций начинаются именно в стадии мозаичности ценностного мира нашего переходного общества.

* * *

В.А. Чурилов (Президент финансово-инвестиционной корпорации "Югра")

**О "БЕЛЫХ ВОРОНАХ" В ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЕ
И В СОВРЕМЕННОЙ КОРПОРАЦИИ**

1. Допустим, что рабочая гипотеза верна, что дух корпоративности действительно является движущей силой развития современного российского общества. Если бы я не разделял этой идеи, то странно было бы инициировать создание нашей корпорации и, тем более, идти на такие весьма неординарные шаги, как учреждение должности советника президента по деловой этике и издание Вестника "Этика успеха". Но давайте "испытаем" эту гипотезу с точки зрения президента корпорации, вопросов, которые встают прежде всего перед лидерами становящихся корпораций и обращены к той его идее, за которой такие корпорации идут.

2. Планка, задаваемая гипотезой, не завышена ли для сегодняшнего дня? Ведь, например, состязание внутри команды предполагает высочайшую нравственную культуру – идеи, лидера, каждого "играющего" члена корпорации, будь то собственник (который устанавливает "правила игры"), или наемный работник (который принимает эти правила и играет по ним). Готовы мы сегодня к такого рода состязательности, не взорвет ли она корпорацию?

Завышение планки привлекает – лидер должен работать на опережение ситуации. С другой стороны, технология процесса формирования корпорации на этапе ее становления предполагает воплощение корпоративного духа в конкретных практических решениях – в конкурсном подборе кадров, в аттестационной работе, в формировании имиджа корпорации, во взаимоотношениях структурных подразделений, во взаимодействии корпорации с внешним миром. В ситуации незавершенного "строительства" корпорации завышение планки не обернется ли негативной стороной, например, организационной слабостью, доминированием рефлексии над решениями, не ослабит ли необходимое единство перед внешними трудностями? Без убедительного ответа на этот вопрос наша инициатива в проекте "Дух корпорации" окажется неконструктивной. Но без самой планки корпорация лишь воспроизведет столь распространенную сегодня модель "выживания", так и не воплотив свою идею, для которой мы избрали формулу "Инвестиции в успех".

3. Становление корпорации – этап, на котором лидеру предстоит найти новый стиль формирования "команды". Опыт работы в прежних типах организации – партийной, советской – имеет здесь ограниченное значение. Мы приходили в партийный комитет или в советский орган и уходили, не имея возможности изменить практиче-

ски ничего. Пытаясь изменить, мы становились "белыми воронами". А в создании корпорации я, наоборот, стану "белой вороной" в том случае, если проявлю лишь традиционализм.

В прежних типах организации я выступал от имени системы, но система не выступала от моего имени, она меняла лидеров и считала, что в смене их и есть ее "правило игры". Сегодня же я представляю интересы корпорации в той же степени, в какой она – мои интересы. Формируется баланс интересов. В партийной системе для инициативного организатора все-таки не допускалась мотивация типа "Я хочу", там превалировало "Надо". Корпоративный же дух стимулирует индивидуалистский достижительный мотив. И не только для лидера, но и для каждого "игрока" команды. И, может быть, в интенсивности "я хочу" у каждого – проявление внутрикорпоративной состязательности.

Но что делать с теми работниками, которые пришли в корпорацию и принесли с собой неизменный дух бюрократической организации, просто перешли в корпорацию за своим прежним лидером? Поверили в новую роль лидера? Это уже не мало. Но им предстоит теперь постоянная ситуация выбора. Во-первых, с точки зрения адресуемых неэффективным сотрудникам негативных санкций. Во-вторых, и это не менее значимо, с точки зрения санкций побудительных. И речь не просто о "материальном стимулировании". Корпорация – это позитивная среда для полноценного самоутверждения личности, которое не купить за деньги, для достойной – по целям и средствам – карьеры. А особенность такого соревнования с самим собой, вчерашним, в том, что его результаты не всегда на виду окружающих – есть и корпоративные секреты.

4. Профессионализм корпоративного лидерства заключается, во-первых, в том, чтобы суметь использовать все позитивное из опыта работы в прежней системе. В том, чтобы принести в корпорацию умение принимать людей такими, каковы они есть на самом деле, не пытаться сломать их, но стремиться услышать голос каждого.

Во-вторых, в том, что наряду с общеуправленческой культурой работы с людьми в корпорации особо велика роль инновационного поля деятельности всей команды – это поле значительно больше в слабоструктурированных системах, в системах с высокой степенью неопределенности.

В заключение напомню, что корпорация еще только вышла из пренатального периода и многое из того, о чем я говорил, гипотетично.

ВОПРОС ИЗ ЗАЛА: *Очевидно, что обсуждение темы "Дух корпорации" не может вестись без таких понятий, как "команда", "солидарность", "преданность групповому интересу" и т.п. О командности и солидарности говорили и В. Бахитановский, и Вы. Но как все же совместить корпоративную солидарность с индивидуальным стремлением к успеху, с личной ответственностью?*

ОТВЕТ: При такой проблематизации мы не смешиваем корпорацию с советским учреждением? Советская модель корпоративности разве отменяет иные цивилизационные модели?

Корпорация объединяет собственников (наемные работники – тоже собственники – своей рабочей силы). Да, корпоративность амбивалентна: люди во всем мире вступают в корпорацию именно ради защиты и взаимной поддержки, "оплачивая" надежность и безопасность преданностью, солидаризмом. Все дело в балансе, в цене, в гармонизации двух начал – индивидуалистического и "командного". Корпорация нуждается не просто в исполнителях (без исполнительности нет командного дела). Как любит говорить Ю.В. Согомонов, "бюрократические добродетели", бюрократический этос противоречат подлинному духу корпорации.

* * *

Ю.В. Согомонов (Профессор кафедры социологии Владимирского технического университета)

ДУХ КОРПОРАЦИИ И УСПЕШНЫЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ

Трудно и, наверное, невозможно в полном объеме и достаточно трезво оценить перспективы успешного профессионализма, если последний рассматривать только таким, каким он нередко дан нам в эмпирическом облике – как эффективная продуктивная деятельность отдельных лиц. Между тем успешные профессионалы всегда действуют в определенных социокультурных средах, одни из которых, формально поощряя успешность, на деле табуируют достигательную ориентацию (на личный и даже командный успех), тогда как другие – провоцируют на успех, артикулируя различные его аспекты и оттенки ("инфрауспешность" и "ультрауспешность").

Исследователи феномена корпоративности чаще всего обращают внимание на профессиональные корпорации: так принято в мировой социологии. В нашей же социологии и политологии как в целом, так и в специальных работах, посвященных корпорациям (В. Радаев, А. Простаков, А. Рябов и др.), упрочилась *корпоративная теория тоталитаризма* и взгляд на корпорации как на относительно замкнутые ассоциации, которые на определенных условиях выражают и защищают интересы ее членов. Нередко при этом имеется в виду просто трудовой коллектив как некая матрица корпоративизма. Сюда же подверстываются и иные общности: партийные организации, профессиональные союзы и объединения, а так же целые отрасли народного хозяйства и регионы как условные социотерриториальные структуры. Система корпораций всех видов образовывала плотно интегрированную структуру советского общества, и оно не безосновательно квалифицируется как некая суперкорпорация.

При таком подходе к феномену дух корпорации результируется в хорошо известной системе ценностей патернализма. Он, в свою очередь, формируется на основе принципов и правил социального обмена и негласных соглашений элит между собой (баланс элит), но прежде всего – на основе консенсуса между властными элитами и "безвластной властью" масс, между "верхами" и "низами" в каждой корпорации.

Заметим, что такая корпоративно-ячеистая структура функционирует вовсе не будучи сориентированной на достижение эффективности и успешности деятельности (разумеется, такая констатация отнюдь не исключает в ряде случаев предъявление в профессиональной деятельности выдающихся или просто ординарных успехов). Подпирая властную вертикаль, единицы такой структуры нацелены на "скромные" результаты в своей деятельности. Можно ли говорить о духе таких корпораций, если они преимущественно погружены в распределительные заботы? Скорее всего, это просто социальная спайка, солидаризм, выражающийся в стремлении к внутрикорпоративной стабилизации (а так же стабилизации в масштабах всего общества, что мы теперь более точно и выразительно привыкли именовать "застоем"). Он обеспечивается соглашательством «верхов» и «низов», по всем азимутам их взаимоотношений, на реципрокной основе, когда "низы" в обмен на послушание и лояльность обретают гарантирован-

ный минимум жизненных благ при низкой эффективности и качестве их труда и предоставляемых услуг.

Не оспаривая этого воззрения на социальную структуру советского и, отчасти, постсоветского общества по существу, думаю, что необходимо применять дифференцирующий подход в анализе корпораций. Одно дело корпорации как «атомы» и «молекулы» патерналистской системы, и совсем другое – корпорации, естественным образом возникшие в недрах гражданского общества. Первые обречены на быструю и заторможенную трансформацию, а в ряде случаев и просто на отмирание, тогда как вторым еще только предстоит возрождение и процесс вписывания в новую социальную структуру, определение в ней своих статусов, функций, ролевых предназначений.

К числу перспективных можно отнести и профессиональные корпорации. Одна их часть сбрасывает узы казарменного коллективизма и становится собственником и распорядителем средств производства. Но ей предстоит действовать в рыночной среде и в новых организационных формах. Соответственно, должны измениться и духовные предпосылки коллективной жизни. Если в данной среде выживают те из них, кто обладает значительным конкурентным потенциалом, способным соперничать на достижительной основе, значит в коллективной жизни ценность успеха, прежде почитаемая скорее на словах (соцсоревнование, материальное и моральное стимулирование и проч.), а на деле ютящаяся где-то на периферии ценностей, теперь просто обречена смещаться к эпицентру жизни профессиональной корпорации. И коллективистская идентификация личности начинает совмещаться с профессиональной.

Это касается не только трудовых коллективов, но и корпораций как рассеянных социопрофессиональных сообществ, когда значение корпоративного духа как фактора, цементирующего сообщество, резко повышается именно в силу дисперсивности деятельности. «Эспри де кор» возрождается в своих нестесненных формах и профессионализм приобретает свой подлинный смысл, неотделимый от этических измерений. Это предполагает включение в мотивационно-оценочный блок поведения профессионалов ценностей этики ответственности, призвания, товарищества: корпоративный дух сопрягается с представлением об общей судьбе и даже миссии.

ВОПРОС: «Дух корпорации» – это скорее метафора. Или это работающее в рамках этического подхода понятие?

ОТВЕТ: Пока – метафора. И как было предложено в программе «круглого стола», мое выступление – скорее «заявка». В том числе и на необходимость разработки этики призвания и ответственности. Естественно, разработки проблем моральной ответственности корпорации перед обществом и перед отдельными сообществами, в том числе и перед своим собственным. В то же время речь идет и об этике товарищества, с которой напрямую связан дух корпорации.

* * *

М.Г. Ганопольский (Институт проблем освоения Севера)
МОЗАИКА КОРПОРАТИВНОСТИ

Говорить о корпоративности как о характерной особенности современной нравственной ситуации, видимо, преждевременно. Общество не стало в массе своей полем столкновений о с о з н а н н ы х групповых интересов. Отдельный же человек на уровне базовых потребностей не стремится к объединению с другими индивидами, имея наготове соответствующее этическое обоснование: мировое зло настолько изощрено и коварно, что единственной возможностью достойного существования остается хаотичное рассеяние. Объединяющий момент сохраняется лишь в символической форме как тайная апелляция к силе, способной одним ударом положить предел разгулу зла. Пропагандируемый процесс самоопределения подменяется поиском внешней определенности. А ведь корпоративность и возникает на основе самоопределения. Она – или посредник в самоопределении, или его суррогат, или же, по крайней мере, его иллюзия.

Еще недавно корпоративность официально осуждалась, во всяком случае, не слишком приветствовалась. Постоянным объектом были ведомственность и местничество (Сцилла и Харибда на пути к социальной справедливости).

Корпоративный ореол витал вокруг самодостаточности целых отраслей: торговли, медицины, гидроэнергетики, космонавтики и т.д. Относительно безвредной считалась, пожалуй, лишь сфера, где профессиональный интерес был направлен на собственное культивирование. Например, научная жизнь с ее конференциями, симпозиумами, журналами, да еще различные системы повышения квалификации и переподготовки.

Корпоративности противопоставлялся коллективизм – голографическая модель «управляемой» нравственной жизни (в то время как

корпоративность – это модель фрагментов ее девиации). Но и трудовой коллектив все больше приобретал черты корпоративности из-за подмены основной цели деятельности. Он стал распорядителем большинства социальных благ, привилегий. Тем самым корпоративность как бы существовала за чужой счет, она была дополнением, формой разнообразия унифицированной коллективистской схемы организации общества. Стоило разрушиться этой схеме, как тут же стали подтачиваться основы былой корпоративности. Тем не менее ее рудименты остаются и продолжают оказывать воздействие на нравственную ситуацию.

Каковы же черты новой, формирующейся корпоративной морали? Неужели сегодня – посреди всеобщей рассеянности и хаотичности – организованной может быть только преступность?

Понятно, что новые формы ассоциирования прежде всего вырабатываются, осваиваются (и даже завоевываются) новыми поколениями. В одном ряду с ними, а иногда и с заметным опережением идут наиболее активные и мобильные представители других поколений. Хотя они и отягощены прошлым опытом, но зато вооружены связями и отношениями, адекватно вписывающимися в современную деловую жизнь. И все-таки огромное число людей продолжают работать на прежнем месте, на бывших госпредприятиях, ставших акционерными обществами. Именно в этой среде, в микроклимате трудовых коллективов происходят – или не происходят – сдвиги в трудовой морали, перемены в ценностных ориентирах повседневности.

Надо сказать, что период акционирования был и периодом небывалого дисбаланса экономики, разрыва хозяйственных связей. Даже из общих соображений ясно, что пройти этот путь с наименьшими потерями смогли предприятия со сплоченным персоналом. И чаще всего это сплочение на фоне всеобщего развала и раздора достигалось авторитарными методами. А большой куш в дележе собственности, как правило, доставался руководству, точнее – первому руководителю и немногим его приближенным. Жесткая авторитарность продолжает сохраняться и обусловлена она теперь не столько внешними, сколько внутренними причинами. Отсюда и перспективы дальнейшего развития ситуации: подозрительность руководства, доносительство подчиненных, высокая степень тревожности.

В коллективах, стоящих на грани банкротства, претензии к руководству, озабоченному лишь собственным благополучием, а то и

незаконным обогащением носят одинаковый характер. Однако, люди держатся за эти места, месяцами не получая зарплату, как за последнее пристанище. И в этом одно из проявлений рудиментарной корпоративности.

Итак, с одной стороны, скрытые от непосредственного наблюдения формы корпорирования преуспевающих слоев и структур общества, а с другой – зримое разрушение вторичной корпоративности трудовых коллективов (вне зависимости от путей, которыми происходит их трансформация).

До сих пор я говорил о только о сфере производственной, точнее – о месте *работы*. А есть еще и место *жительства, отдыха* и другие (не столь отдаленные). Не останавливаясь специально на характеристике каждого из них, отмечу определенную аналогию между происходящими здесь и рассмотренными выше процессами. Пример – ситуация в садово-огороднических обществах, называемых почему-то дачными кооперативами. Разграбление дачных участков, поджоги строений, состояние дорог, электросетей, водопровода – симптом распада прежних форм ассоциирования в этой сфере. Беспомощность противостояния энтропийным процессам не приводит к необходимости действовать сообща, а лишь усиливает самоизоляцию. Безусловно, на этом фоне есть отдельные островки относительного благополучия, а есть и "отдельно взятые" примеры преуспевания. Однако они не сегрегированы ни социально, ни территориально, а значит, не способны пока создать надежные формы корпорирования.

Здесь мы подходим к той форме корпоративности, которая пока еще не проявилась как осознанный групповой интерес, но все же косвенно заявляет о себе в связи с актуализацией в нашей стране проблемы регионализма. На самом деле в этой проблеме как бы два уровня корпорирования. Первый почти очевиден. Его можно назвать межрегиональным. Речь идет о различных вариантах создания коалиций или же о статусных изменениях в противостоянии периферии центру. Второй в большей мере связан с самоидентификацией индивида и являет собою внутрорегиональную корпоративную тенденцию. В этом отношении показательна судьба некогда слабозаселенных сибирских регионов, расположенных к северу от Транссиба. Их интенсивное индустриальное освоение началось сравнительно недавно, три – четыре десятилетия тому назад. В итоге корпоративность индустриального образца, хотя и в коллективистской модификации,

была имплантирована в свернутом и уже оформленном виде изначально, а не развилась органически. Речь идет об организационно-технологической схеме производства, ставшей своеобразной матрицей заселения. Поэтому люди были инкорпорированы в эту схему в качестве агентов производства, а уже затем стали рассматривать себя как жителей определенной местности. Процесс консолидации происходил в инверсивной последовательности: технологическая стадия, институциональная, коллективистская, общественно-корпоративная...

До поры до времени эта корпоративная тенденция существует в латентной форме. Ее обнаружению способствует то, что рассматриваемые регионы – это ресурсные кладовые. В них сосредоточена добывающая промышленность, и именно она задает здесь основной тон. Но в добывающих отраслях технология (при всей своей экстерриториальности) привязана к месту. Кроме того, тонус популяции чутко реагирует на истощение ресурсов, падение добычи. А это значит, что по мере такого истощения кардинально меняется отношение к среде обитания, оно становится неупотребительным. Тем самым создаются предпосылки формирования общности на основе корпоративно-ячейки структуры региональной популяции.

ВОПРОС: *Следует ли из Ваших слов, что хотя о повсеместном распространении корпоративной морали говорить преждевременно, у нее все же есть реальная перспектива утвердиться в нашем обществе? А может быть, речь идет о декларировании очередного "Морального Кодекса", на этот раз – Строителя Корпоративизма?*

ОТВЕТ: Нынешнее состояние общества – "эпоха перемен", "точка бифуркации" в его нравственном развитии. О реальности каких перспектив сейчас можно говорить с уверенностью? Ведь истощены многие нравственные парадигмы, казавшиеся незыблемыми, идет активный поиск новых. Ключевое слово в характеристике современной нравственной ситуации – **СТОЛПОТВОРЕНИЕ**.

Его значение противоположно формальной этимологии. Библейский сюжет о Вавилонской башне закрепил за этим словом не созидательный процесс *творения столпа*, а его разрушительные последствия. Как известно, причиной неутешительного итога послужило "смешение языков" – отсутствие понимания и согласованности в мыслях и действиях участников строительства. Не надо забывать и о том, что последовало оно как наказание за высокомерие строителей. Тем не менее, люди продолжали жить и находить общий язык и после

разрушения башни. Они просто уже не строили подобных столпов. Более того, многоязычие народов, мозаика культур воспринимаются теперь не как трагедия непонимания, а как украшение планеты.

Нечто подобное происходит и в нравственной жизни. Морально-политическое единство в нашей стране не состоялось. На смену ему идет моральный плюрализм. Процесс очень болезненный, общество оказалось к этому неготовым. Корпоративная мораль – отнюдь не "светлое будущее". Скорее, это искушенная нравственность взрослого человека, вытесняющая нравственный максимализм (а в чем-то даже неморальность) детского возраста. Но это одна из немногих возможностей общества иметь хоть какое-то будущее ценой очевидных моральных издержек.

* * *

Н.В. Колотова (Институт проблем освоения Севера).

ЛЕГИТИМНОСТЬ КАК ДУХ КОРПОРАЦИИ

Тема корпоративного духа (корпоративными здесь достаточно традиционно считаются самоорганизующиеся и самодостаточные, экономически независимые структуры гражданского общества) может быть исследована в двух аспектах: в отношении корпорации *становящейся* и корпорации *ставшей*. Применительно к развитой, установившейся, завоевавшей свое экономическое и социальное поле корпорации эта тема обретает иное значение, чем в той ситуации, когда корпоративный дух исследуется на примере структуры, только еще вышедшей из пренатального развития: они находятся на принципиально различных уровнях общественной и собственной признанности и авторитетности предпринятого дела.

Такая неодинаковость приводит к различным способам проблематизации темы. В стабильных корпоративных структурах (как микро- так и макросоциального уровня) с интересом обсуждается тема духовности – или бездуховности – действий и атмосферы корпоративной общности. Данность же СТАНОВЯЩЕЙСЯ корпоративности – материя, норовящая ускользнуть от попыток ее "одухотворения", а если и внемлющая им, то, как правило, "задним числом". Биографии состоявшихся лидеров корпоративных структур обязательно описывают, как их состояние сопрягалось с высокими моральными максимумами, связывая тем самым "дух" удавшегося им дела с его моральной оправданностью. И даже "Протестантская этика" М. Вебера появляется после того, как экономическая эффективность капиталистиче-

ского способа производства уже не требует дополнительных доказательств.

Случайно ли это? Означает ли, что обсуждение духа становящейся корпорации возможно не благодаря, а вопреки воле непосредственных носителей этого духа? Предположим такую объясняющую зависимость: если речь идет о структуре, не утвердившей себя в качестве ЛЕГИТИМНОЙ во всех значениях этого слова, весьма сложно вырвать из легитимизирующего контекста одну сторону – например, духовную составляющую. И – судя по "сопротивлению материала" – делать этого не нужно.

Но, конечно, сказанное не означает, что становящимся корпорациям, озабоченным достижением своей экономической эффективности и успешности, совершенно чужда проблема морального оправдания своей деятельности. А трактуется эта проблема в контексте достижения общей рациональной легитимности и потому акцентируется особым, "прикладным способом".

Речь идет о легитимности в самом классическом варианте: как авторитетности и признанности действующей структуры. Понятие легитимности легко укладывается в объясняющие схемы корпоративных систем, хотя накладывается здесь не на всеобщевластную, а на самодостаточно-организованную реальность. Оно охватывает собой общественное признание успешной деятельности корпорации и предполагает презумпцию ее экономической надежности, правомерности и моральности.

Выделю три фактора, легитимизирующие корпоративную деятельность. Во-первых, очевидный критерий формальной легальности, законности образования и действий корпорации. В данном случае он предполагает санкционированность и контроль за их деятельностью не только со стороны государства, но – в первую очередь – со стороны общества. Во-вторых, критерий непротивоправной эффективности корпораций. Он предполагает, что экономическая результативность согласуется с требованиями права (а не только закона) на уровне внутренней целеориентации деятельности. В-третьих, критерий авторитетности, респектабельности экономической структуры, определяемый морально-этической составляющей корпоративного духа. Все вместе эти взаимодополнительные критерии выражают однонаправленность экономического, правового и морального векторов деятель-

ности корпорации, и эта однонаправленность, по сути дела, лежит в основе любой легитимности.

Каждый аспект реальной деятельности корпорации может быть исследован на предмет обнаружения легитимизирующей однонаправленности. Например, в основании корпоративной общности лежит свой маленький общественный договор: он определяет права и обязанности участвующих в нем лиц и способы распределения их тягот и льгот. Иначе говоря, первоначально на конвенциональной основе определяются принципы корпоративной справедливости. По своему значению это соглашение – не просто юридический договор. Оно представляет собой соглашение о корпоративном гражданстве, где каждый преследует индивидуальную цель, но надеется, что ее осуществление в корпоративном режиме будет более эффективным. Поэтому корпорация не может жестоко обмануть ожидания включенных в нее людей без ущерба для своей легитимности.

Получается, что язык правовых документов, на которых говорит корпоративная структура, морален "поневоле": он рождается и существует как межиндивидуальная правовая конвенция, подспудно заключающая в себе "минимум морали". Мораль входит в дух становящейся корпорации через конвенциональное право и, таким образом, присваивается ею в виде собственного рационализованного кредо. И когда это присваивание завершается полностью, подтвердившись в процессах легитимизации, собственно моральная "составляющая" уже легко выделима из синкретического комплекса, объединенного в характеристике легитимности.

* * *

А.В. Филипенко (Глава администрации
Ханты-Мансийского автономного округа)

ПРАВИЛА ИГРЫ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И КОРПОРАЦИЕЙ

Я бы начал говорить о проблеме взаимодействия государственных интересов (здесь я отождествляю государственный и общественный интерес) и корпоративных интересов с проблемы защиты интересов общества в кодексах (уставах и проч.) самих корпораций. Например, современная нефтяная корпорация в нашем округе, естественно стремящаяся *прежде всего* к получению своей прибыли, вынуждена – иначе не выиграть в конкурентной борьбе – согласовывать свои действия с интересами аборигенного населения. И потому закладывает нормы взаимоотношений с аборигенным населением в ус-

ловия корпоративной жизни. У руководства корпорации появляется дополнительный механизм – это и моральный "пряник", и моральный "кнут"- влияния на работников в виде целенаправленно формируемого корпоративного духа, преодолевающего "чистый" корпоративный эгоизм. А государство прямо заинтересовано в подлинном духе корпоративности, который прозорливо и стратегически, а не сиюминутно и крохоборчески, относится к тому большому делу, под которое и создается корпорация.

Ограничения на деятельность все тех же нефтяных корпораций – это не только "рамки" от государства, но и внутренне осознанная необходимость для самих членов корпораций, становящаяся ее идеологией. Сургутнефтегаз, например, не только принял к исполнению распоряжение окружной власти о принципах, нормах и методах освоения новых нефтяных месторождений, но и сам участвовал в выработке этих ограничений и заложил их в свои нормы деятельности. Без такого самоограничения и в следующие пять лет корпорация не пришла бы на новые территории.

Пока я говорю скорее о правилах игры, инициируемых и контролируемых от имени государства – до гражданского общества нам еще шагать и шагать. Когда еще общественное мнение станет зрелым и сильным настолько, чтобы и государственная власть, и корпорация согласовывали свою мотивацию с гласом народным. И прежде всего именно государство – "слуги народа", а не "слуги корпорации".

Конкретизируя тему "правил игры", обращаюсь к роли Наблюдательного совета корпорации. Пока его задача скорее в том, чтобы минимизировать субъективизм в управлении деятельностью корпорации. Разумеется, роль Наблюдательного совета ЧИФ "Титул" и ФИК "Югра" различна: в последнем случае мы рискуем скорее экономически, а в первом – еще и политически, ведь это фонд социальной защиты аборигенного населения.

Сегодня я вновь пытаюсь понять роль Наблюдательного совета в инициированных властью округа корпорациях: "совет старейшин", почетных академиков? разработчик и контролер "правил игры", гарант защиты общественных интересов? Кстати, предстоит подумать и о том, чтобы Наблюдательный совет непосредственно в свой состав включал носителей позиций общественного мнения.

Наблюдательный совет должен отвечать за "человеческое лицо" корпорации. Тем более таких корпораций, которые определяют лицо

региона, лицо новой региональной политики – не забываем мы и о роли такого региона в судьбах всей страны.

Вот и предстоит сформировать такую модель этого Совета, в которой были бы сплавлены интересы государства и корпорации, выработаны правила игры, в которых сбалансированы корпоративный "эгоизм" и общественная солидарность.

Может быть, наш "круглый стол" каким-то образом направит эту работу.

* * *

М.В. Богданова (Центр прикладной этики)
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ РАЦИОНАЛИЗМ
И КОРПОРАТИВНОСТЬ

Если бы перед нами вдруг была поставлена задача организации мониторинга процесса становления духа корпорации, то начать, естественно, пришлось бы с операционализации самого понятия "дух корпорации". Ассоциативные ряды, которые незамедлительно выстраиваются в сознании исследователя, включали бы, с одной стороны, такие характеристики, как "дух капитализма" и связанный с ним "предпринимательский дух", а еще и "рациональность", может быть, "этос" и т.п. С другой – "объединение", "коллектив", "общность", "команда", "организация" и т.п.

"Этика ответственности" и "этика убеждения" связывают, на мой взгляд, оба этих ряда. Полагаю, что адекватность операционализации можно хотя бы отчасти повысить, если исходить из предположительной данности в исследуемом объекте характеристик, присущих этическим стилям, образам нравственной жизни. Соответственно, исследование предъясняет становящемуся "духу корпорации" вопрос: исходя из чего оценивается этическая ценность действий каждого члена корпорации? Из ориентации на успех и сопряженной с этим ответственности, которую он принимает, действуя на свой страх и риск? Или из ориентации на самооценку самого действия индивида?

Если гипотетично квалифицировать создание корпорации как деловое предприятие, разумея под этим осуществление дальновидного плана, требующего длительных усилий нескольких субъектов, объединенных единой волей (В.Зомбарт), то, с одной стороны, поведение члена корпорации можно характеризовать как целерациональное (с т.з. экономических интересов). Он принимает на себя риск и

ответственность, устремляясь к получению большей прибыли. С другой стороны, корпоративность, вероятно, предполагает и некоторое подчинение единой воле, воплощенной в одном или нескольких лицах, может рассматриваться как некое мыслимое единство. Исходя из этого, поведение члена корпорации характеризуется и элементами долженствования, основывается на доверии и солидарности по отношению к лидеру и другим членам корпорации. Какая из этих характеристик: целе- или ценностно-рациональная преобладает в поведении индивида на этапе становления корпорации? Каково при этом влияние традиционных для индивида норм в их взаимодействии с формирующимися нормами корпоративности?

* * *

В.И.Шпильман (Научно-аналитический центр рационального недропользования Ханты-Мансийского автономного округа)
ТИПОЛОГИЯ КОРПОРАТИВНОСТИ

Что толкает людей в различные товарищества, команды? Почему человеку плохо, когда он один, и комфортно, когда он принадлежит сообществу? Миллионы ответов могут быть даны на эти вопросы, также как существуют и миллионы различных форм кооперации людей. Но вот что интересно: некоторые основные формы, основные побудительные мотивы соединения людей, основные механизмы, порождающие внутри таких объединений особый дух взаимодействия, взаимопонимания, остаются неизменными в течение тысячелетий.

Наиболее часто встречаются, пожалуй, следующие мотивы:

- получение некоторых экономических, физических преимуществ внутри корпорации, по сравнению с условиями за ее пределами;
- создание чего-то, проведение каких-то действий, требующих нескольких исполнителей, изучение нового, реализация творческого потенциала;
- объединение на основании единичной духовной или физической особенностей личностей.

Корпорации, созданные на основании первого, второго или третьего мотивов встречаются редко, но зато почти в каждой корпорации без труда обнаруживается дополнительный мотив, определяющий ее лицо, ее дух.

Корпорации, в которых доминирует п е р в ы й м о т и в, это: религиозные объединения, дающие члену общины преимущества в условиях загробной жизни; некоторые партии, особенно "господствующие", дающие своим членам преимущественный доступ к власти и лучшим условиям земной жизни; мафии, дающие своему члену преимущества в защите от закона и в получении жизненных благ; сельские общины в России, позволяющие общинникам надеяться на выживание в трудные годы и т.п.

Корпорации первого типа удивительно однообразны, они объединяют людей независимо от их способностей, развития, навыков, умений, а только лишь по безусловной преданности человека некоторому набору декларированных принципов. Дух такой корпорации, независимо от существа самих принципов, также весьма характерный: почитание вождей, пророков, крестных отцов; скрупулезное следование (хотя бы внешне) каждой букве, каждой запятой основополагающих принципов, трудов и высказываний основоположников, категорическое табу на любую, даже малейшую их трансформацию; упорная вера в доступность любых благ, независимо от личных качеств субъекта, а лишь в зависимости от крепости его веры. Более того, подчеркивается обратное: "Блаженны нищие духом" – проповедует Иисус, "каждая кухарка будет управлять государством" – утверждает Ленин.

Технологию формирования таких корпораций прекрасно показал В. Маяковский: "Если же в партию сгрудились малые...". Это действительно "малые", они, действительно, не договорились, не объединились, а "с г р у д и л и с ь". Нет никаких оснований корпорацию первого типа оценивать знаком плюс или знаком минус, так же, как и фундаментальные стремления человека лучше питаться или надеяться на бесконечность своего существования, пусть даже в бестелесной форме или "в памяти народа". Подобные религиозные, партийные, мафиозные объединения не возникают в вакууме, именно предшествующие им обстоятельства, или условия, в которых функционируют эти корпорации, разделили людей на "больших" и "малых", на "чистых" и "нечистых" и т.п. Когда новая корпорация объединяет людей, отнесенных предыдущей системой к "малым", поднимает их дух, всегда среди этих бывших "малых" оказывается много талантов, героев, гениев, которые были бы потеряны для истории человечества. Но когда сменяются поколения, бывших "малых" остается все меньше, зато

все больше – новых "малых", отнесенных к "нечистым" по канонам новой корпорации, и тогда все в большей мере проявляется дух корпорации этого типа, дух, тормозящий развитие индивидуальностей.

Дух корпорации первого типа всегда отстраняет, держит на некоторой дистанции, под надзором, "спецов", интеллектуалов, справедливо полагая, что они склонны к стремлению поскрести, хотя бы ногтем, святые основы – делать этого категорически нельзя. С другой стороны, "спецы" иногда нужны, но лучше – дистанцированные во времени или пространстве. Христианство тысячелетие эксплуатировало Аристотеля, умершего за три века до его появления; нашим атомщикам и ракетчикам позволялось иметь весьма смелые и свободные обо всем суждения, все равно они были надежно изолированы от правоверной общественности.

"Спецы" – лакмусовая бумажка для определения корпораций первого типа. С одной стороны, спецы, интеллектуалы, художники нужны, с другой – корпорация лучше самих "спецов" знает (почему-то сама и не делает) как им надлежит свои функции исполнять и какие результаты получать, поэтому просто вынуждена указывать Галилею, Вавилону и пр. и пр. на их заблуждения. Юмор ситуации усиливается еще от того, что сами спецы обычно полагают себя вполне правоверными членами корпорации, поэтому коперников сжигают, инженеров-вредителей расстреливают.

Корпорации первого типа удивительно устойчивы к внешнему воздействию и существенно агрессивны. Я не знаю ни одного случая, чтобы их уничтожили силой извне. Но попытка членом корпорации хотя бы в малейшей степени изменить основы, каноны приводит к взрыву корпорации, она разлетается на куски. Так образовались корпорации большевиков и меньшевиков, католиков и протестантов, социал-демократов и коммунистов, сунитов и шиитов. Так же, на враждующие группировки, за счет действия изнутри самих членом сообщества, раскалываются мощные мафиозные кланы.

Корпорации в т о р о г о типа – это объединение индивидуальностей. Главную роль здесь играют те функции, которые может выполнять тот или иной член сообщества. Эти функции всегда возникают вокруг дела. Притом такого дела, которое каждый в одиночку исполнить не может. Один футболист не может провести футбольный матч. Вы, конечно, можете любоваться только игрой нападающего или игрой защитника, но когда разыгрывается сложная красивая ком-

бинация, вы ощущаете, что произошло нечто большее, чем простая сумма независимых действий трех-четырех игроков. Так создается почти все в этом мире: спектакль и автомобиль, дом и геологическая карта. Такие корпорации соединяют людей с одинаковым уровнем развития тех или иных навыков, не обращая практически внимания на бесконечное разнообразие других свойств члена общества. Я говорю не об объединении одинаковых людей и не об объединении людей какого-то элитарного слоя, а об объединении людей, способных играть свои роли – большие или маленькие, на одинаковом примерно уровне. Чтобы изготовить хороший автомобиль, нужны хороший конструктор и хороший слесарь; новичок, третий раз вышедший на футбольное поле, не впишется в команду мастеров. Но иерархичность таких корпораций не является костной, человек "от рождения" не закрепляется за каким-то определенным уровнем – учишься, тренируешься, и ты можешь занять любой. Показателем того, что перед нами корпорация второго типа, является определенное удовольствие, даже самодовольство членов сообщества от сделанной совместной работы. Над сложным геологическим исследованием работают сотни человек. Геофизики интерпретируют материалы полевых и скважинных исследований; программисты составляют программы для таких интерпретаций, для построения карт, профилей, подсчета запасов, осваивают приобретенные программные комплексы; в лабораториях проводятся анализы керна; геологи реконструируют события, удаленные от нас на миллионы лет. Но результаты каждой группы влияют на работу, на выводы других. Механизм скрипит, дает сбой, но наконец критический порог перейден, взаимодействие достигнуто и рождается карта, показывающая строение пласта, залежи на территории в сотни квадратных километров, для исследования которой ей сделано лишь несколько тончайших "булавочных" уколов в виде пробуренных разведочных скважин. Обычно этим результатом довольны все, его нельзя приписать кому-нибудь одному. Такое же заключение я слышал от японца, работающего на конвейере: он гордится, когда видит на улице "свой" мотоцикл.

Людей в корпорациях второго типа объединяет именно взаимодействие. Убрать это взаимодействие, удовольствие от общего результата – получится подневольный малоэффективный труд. Это тоже самое, что точно расписать футболистам на какой секунде, с какой точки поля и на сколько метров вперед он должен пробить мяч. Ску-

кота. В основе объединения людей в такие корпорации лежит столь же фундаментальное свойство человеческой природы, как и в первом случае – стремление к реализации творческого потенциала человека.

Корпорации *второго* типа неустойчивы и уязвимы. Исчезновение "дела" ведет к исчезновению корпорации. Холодные сапожники, назначенцы, выдвиненцы и "надзор за спецами" превращают казалось бы ту же самую работу в подневольный, тяжелый, малоэффективный труд, корпорация сотворчества исчезает.

Корпорации *второго* типа обладают огромным потенциалом. Корпоративный дух, который преобладает здесь: стремление к профессиональному совершенству, высокая оценка образования, стремление ознакомиться со своими достижениями других членов сообщества – такая своеобразная конкуренция, индивидуализм, понятия о профессиональной этике, профессиональная гордость. Известны эти корпорации уже много веков и один ее член говаривал: "Ты, Каштанка, супротив человека тоже самое, что плотник против столяра".

В корпорации *третьего* типа объединяются люди "с отклонениями". Человек, делающий что-то не так, как все, чувствует дискомфорт. Ему нужны сотоварищи, делающие как он. Все наклеивают марки на конверт и отправляют письма, а он отклеивает их и коллекционирует. Возникает корпорация филателистов. Вероятно по такой же схеме организуются фанаты, толстяки и т.п.

ВОПРОС: *Какова вероятность модификации корпораций, смены их типа?*

ОТВЕТ: Каждый человек может входить в различные группы, сообщества, корпорации. Между ценностями различных объединений происходит борьба, конкуренция. Иисус так упорядочивает национальные и религиозные ценности: "Нет для меня ни греха, ни иудея". В результате корпоративный дух одних образований укрепляется, других – становится для людей менее значим. Меняются и пропорции в доминантных мотивациях совместного сосуществования. В результате корпорация второго типа может преобразоваться в корпорацию первого типа, что характерно для различных "творческих союзов". Обратные трансформации маловероятны.

* * *

Ю.В. Казаков (Фонд защиты гласности)

«MENS SANA»: КОРПОРАЦИЯ КАК ВЗРЫВНОЕ УСТРОЙСТВО?

Видит Бог, я уже приготовился к выступлению, когда базовую, несущую часть в слове "корпорация" впервые расслышал переключкой "корпора" – "корпоре": со всплывшим рядом с "теловым", "корпусным" – "здоровым".

Полез в привычный набор словарей. Огорчился, не найдя ожидаемого. (Словари разводили "<лат. corpus, тело >, – один, впрочем, дал выход и на "единое целое", – с "<лат. corporatio, объединение, сообщество>". Выручил, спасибо ему, немецкий толковый словарь "Wahrig". Связав "Corporation" с "Korpershaft" (особой закваски студенческое сообщество, смысл которого, пожалуй, точнее всего передает пушкинское лицейское: "Друзья мои, прекрасен наш союз!", он напрямую замкнул "Korperlichkeit" на корневые, односмысловые "corpus" – "Korper"...

"Затравочная" заготовка выступления до сбоя (с закапыванием в корни слов) была псевдосказочной – по контрасту с голым реализмом темы.

Жили-были, дескать, в былые времена, две сестрички-велички, любимые и "верхами" и "низами". Одну, Армию, – чтители: за мощь, выносливость; за то, что всегда не на параде, так в наряде. Под ногами не путается, но нет беды – урожай соберет, беда придет – повоюет.

Другую, Прессу, почитали: "низы" – за совесть, "верхи" – за понятливую невыносливость, при известной силе. И в самом деле: спина в мыле, руки в пене. Но лицо чистое, глаза добрые, речи про хорошее. Всегда – "с "лейкой" и блокнотом", со светлым будущим наперевес. Коли худо – "то и с пулеметом". А достоинство осанки? Ее складывают, а она – спину держит, будто сама такая складная.

И где теперь они, те времена, когда одну "сестру" от другой с трудом отличали: особенно после команды "Равняйся!?" Ныне в блокнотно-пулеметной правые-левые, правые-виноватые, правые-неправые: голова кругом. И все настаивают: именно они – с народом. Но одни при этом помнят правильный пароль: народ и армия едины. А другие и к армии лезут с щепочками: поковыряться. Понять им, видите ли, хочется, как это она там, "верхам" уже вроде бы не очень интересная, мерзнет, мокнет, гниет, обирается. Кому это понимание нужно: народу? Самой армии? Но народ молчит. А сама армия ко-

мандным голосом диагноз ставит: клевета, чужаки, антиармейский заговор. Намекает на "спецзаказ". Ату?

Рано или поздно, но они должны были пересечься: две версии *профессионального долга*. Два начала. Одно – воплощение государственности, квинтэссенция воли как кулака. Другое – воплощение начала гражданского, гражданского: воля как свобода. Одна сила – центробежная. Другая – центростремительная. Скажем так: две крайние, противостоящие *модели корпорации*, принадлежащие одному *многомасштабному* целому.

Приглядеться – за одной стояла (и ныне стоит) "граница на замке" как символ веры. "Защита Отечества" – как оправдание цели и смысла существования, единственно допустимое мерило правильного, главного, нравственного в жизни окружающих. Достоинство дома, в том числе как отсутствие видимых "противнику" щелей; "невынесение сора" как нечто большее, чем способ маскировки штабного блиндажа. Как ни крути – корпорация, но *«полугулаговского»* типа. С неосвоенным мировым опытом (в том числе в самоновейшее время, за что вина – и на Западе тоже) перехода Армией самой охраняемой, труднопреодолимой внутренней границы – к демократии: через опыт бундесверовского *«Гражданина в военной форме»*, другим ли путем и образом. (Бундесверовский *"Гражданин"*, уточним, вряд ли стал бы реальностью, не появившись в немецком законе пункт, *предписывающий* солдату не выполнять подпадающего под категорию "преступлений против человечности" приказа старшего по званию). "Полугулаговский" тип означает, помимо прочего, потенциальную способность какого-то слоя (или слоев) "корпорации" превращаться из *«корпуса»*, несущего мужскую нагрузку, в легально вооруженный *«синдикат»*.

А за другой профессиональной группой, на новом этапе также испытывающей муки диверсификации, (потерявшей однородность, нащупывающей *«новую корпоративность»* в это же время стоит: земля как теннисный мяч, единое информационное пространство как вектор, перекрывающий границы. *Выметание сора из избы* – как неприятная, но важная, своя работа.

Оказался ли на пересечении путей именно этих двух корпораций Дмитрий Холодов из "МК" (по всем статьям – настоящий член *«корпорации» новых российских журналистов*) подорванный подло, из засады? Сделала ли свой страшный ход таким образом некая "третья сила", просчитавшая цепную реакцию взаимопоражения, в том

числе именно корпоративных целей, интересов профессионалов, поражения их корпоративного духа?

Мы пока не знаем ответов. Но заметили некий промежуточный результат: возросший скачком *потенциал корпоративности* обеих профессиональных групп. Поначалу – еще больше автономизировавший их. Но означает ли это – не потрясший до основания каждую? Если нет – то почему? Если да, то как именно это может сказаться на профессиональной этике каждой из корпораций, их перспективах? Перспективах страны, для которой каждая из этих корпораций на настоящем этапе приоритетна?

Возвращаюсь к *объединяемой* субстанции, именуемой "корпорация", "связи тела и духа" : в "Сатирах" Ювенала, среди рассуждений о праведности, есть и такое: "Orandum est ut sit mens sana in corpore sano". "*Надо молить, чтобы ум был здоровым в теле здоровом*". Не привычное – "в здоровом теле – здоровый дух". Именно: надо молить. Кому?

Г.С. Батыгин

ПРОФЕССИОНАЛЫ В РАСКОЛДОВАННОМ МИРЕ¹

Первоначальный смысл слова «профессия» заключается в открытом заявлении о принятии монашеского обета. «Профессия» начинается, таким образом, с ритуала, сценарий которого напоминает уход от мира в жизнь бесконечную. Предыдущая жизнь становится смутной и расплывчатой, взамен же приобретается право на профессиональное послушание. До того, как Новое время разрушило иерархию мироустройства, стремясь восстановить то, что казалось естественным порядком, профессионалами считались преимущественно особы духовного звания, юристы, медики и впоследствии военные. Остальные, как предполагалось, должны в поте лица своего есть хлеб свой. Профессионалы же не работают, а служат: они отдали себя своему делу и ничего не просят взамен.

В известной степени и сегодня профессионалы сохраняют в своем облике и манерах поведения некоторые черты, присущие традиционному (сословному или кастовому) корпоративному строю. Это качество – быть профессионалом – не наследуется и не является «приписываемым» статусом. Однако, вступая в довольно замкнутую систему явных и неявных профессиональных норм, обычаев и символов (в том числе жаргона и иных средств распознавания своих), человек принимает на себя некоторый обет отдавать им предпочтение перед внешними обстоятельствами. В этом отношении профессия – не что иное, как расколдованный аналог харизмы, благодатной способности свершать святые таинства, оставаясь при этом обычным человеком.

Подобная двойственность, с трудом воспринимаемая неискушенным в догматике мирянином, вполне естественна для этоса клирика: его харизматический дар нимало не теряет своей силы при впадении в грех, разумеется, если грешник не извергнут из сана. Пресвитеры и епископы – лишь предстоятели в церковной общине. Но бого-

¹ *Батыгин Г.С.* Профессионалы в расколдованном мире // *Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов и ЛПР.* Выпуск 3. Тюмень-Москва: Центр прикладной этики. Финансово-инвестиционная корпорация «Югра». 1995. С. 9-18.

служение открывает в них сакральную сторону, непостижимую для мира. Так и профессионалы: они не обладают никакими преимуществами по сравнению с профанами, но как только начинается воспроизводство знания, обнаруживается, что царство профессии – не от мира сего.

Профессиональное призвание клирика не является исключением. Его профессия обнаруживает избирательное сродство не только с наукой, медициной и юстицией – основными университетскими «хабилитациями», но и искусством, в том числе ремеслами. Профессия возникла из орденов и корпораций, а также цеховой организации производства, где членство в гильдии означало одновременно право на профессиональный успех при условии соблюдения кодекса сословной чести, в частности, «справедливой цены».

Современность внесла существенную коррективу в регламент воспризнания профессионала: начиная свою карьеру, он вынужден отныне осуществлять личный выбор из открывающихся возможностей и рационально оценивать жизненные перспективы и средства, которыми он располагает, чтобы добиться успеха. Средневековый подмастерье, как правило, не обладал возможностями выбора, поскольку был обязан наследовать дело своего отца или стать мастером после смерти наставника. Открыть свое дело в условиях господства профессиональных корпораций было практически невозможно. Исключение составляли маргиналы и авантюристы, среди которых В.Зомбарт особое значение придавал евреям – они заполняли ниши, связанные с обращением капитала.

В известной степени профессиональные корпорации представляют собой «суперструктуры» по отношению к социальной и культурной дифференциации. Эта их особенность была отмечена Г.Зиммелем, который писал о «республике ученых» в эпоху Ренессанса как о новом типе интеллектуального и духовного единства людей, принадлежащих к совершенно различным классам и сословиям средневекового общества. Вслед за Э.Дюркгеймом Зиммель рассматривал корпоративные профессиональные организации как универсальный механизм воспроизводства «общинности» – спасительную альтернативу растущему отчуждению и аномии, обусловленным специализацией и разделением труда. Такой подход несет на себе определенный отпечаток утопии, поскольку профессиональные структуры могут с полным основанием трактоваться как элемент рационально-

технической дифференциации общества. В этом отношении значительный эвристический потенциал включает веберовская концепция профессиональной бюрократии как административного аппарата, основанного на экспертизе. Предполагается, далее, что, несмотря на приверженность профессиональным ценностям, бюрократия может использовать экспертизу для достижения собственных «материальных» целей. Отсюда следует важное заключение о «неформальности» профессиональных норм в организациях, формальные структуры которых используются в частных целях. Так возникает конфликт между профессиональным долгом и склонностью к достижению успеха во внепрофессиональной сфере.

И в традиционном, и в современном обществах профессиональный успех обладает важной этической составляющей, ограничивающей его от успеха непрофессионального: профессия являет собой по преимуществу цель, а не средство и, тем самым, ее мотив приобретает характер категорического императива. Как только профессионал выходит на рынок, его победа на этом многоликом поприще становится поражением – здесь не любят автономии долга.

М. Вебер рассматривал процесс профессионализации как переход от традиционного социального порядка к современному типу общественного устройства, где статус индивида определяется рационально осмысленными целями его деятельности. Профессия, по Веберу, это радикальная форма спасения посредством принятия аскетического обета в расколдованном, лишенном харизмы мире. Профессионал также обещает соблюдать высокие требования своего ордена и нередко эта процедура приобретает форму торжественного ритуала. «Клятва Гиппократа», произносимая врачами, – лучший пример профессионального обетования. Служение чиновника и военного оформлено детально регламентированными чинами, званиями и знаками различия. Это указывает на преимущественно иерархическую организацию профессий в современном обществе, которая призвана обеспечить эшелонированный социальный контроль и корпоративную поддержку профессиональных ценностей в столкновении с расколдованным миром. Э.Дюркгейм в своем анализе профессий исходил именно из корпоративной природы профессиональных сообществ, функция которых – создавать солидарность между индивидами, разобщенными частными интересами. Дюркгейм указал также на высо-

кое предназначение профессии как надындивидуальной «высокой» солидарности.

Значительная роль, которая принадлежит профессиональным корпорациям в современном обществе, рассматривается (в частности, У.Эко) как свидетельство возрождения типичных для Средневековья сословно-коллегиальных структур, обеспечивающих нормативную регуляцию поведения. Эти структуры часто имеют неформальный характер по отношению к формальным организациям, в рамках которых они возникают. Профессионализм как этическое требование содержит в себе в значительной степени чуждые обществу универсальной конкуренции элементы «элитарного равенства». Термин «элитарное» в данном случае используется условно, поскольку профессионалы не имеют оснований считать себя элитой в том смысле, в котором современное общество создает рейтинги популярности и систему определения «первых». Элитарность означает, скорее, неприменимость стандартных измерений дохода, власти и престижа к внутренним профессиональным регуляторам.

С другой стороны, «равенство» посвященных отнюдь не равнозначно новоевропейской эгалитарности. Внутри профессиональной корпорации существуют иерархически организованные позиции и соответствующие ритуалы чинопочитания, которые делают профессиональное равенство совершенно нераспознаваемым для профанов. Равенство посвященных предполагает применение критерия внутренней экспертизы к каждому члену корпорации, без каких либо ссылок на статусные привилегии, несмотря на то, что они постоянно артикулируются. Например, С.Стауффер показал, что приказы и распоряжения, проходящие по формальным каналам в воинских частях и подразделениях эффективно выполняются лишь при условии неформального коллегиального взаимодействия. В противном случае используются механизмы имитации выполнения приказов. Таким образом, профессионализм создает своеобразную форму равенства – коллегиальность, отличающуюся от коллективности субординацией экспертов.

Т. Парсонс разработал развернутую теорию профессиональных ролей и статусов, основанную на трактовке профессии как формы господства. Господство вытекает из права обладающего знанием диктовать свою волю профану по рационально артикулированным правилам. Так, врач обладает властной прерогативой перед больным,

учитель осуществляет господство по отношению к ученику, и чиновник диктует стандарт поведения гражданину. В отличие от права сильного, господство профессионалов не имеет отношения к их личному волеизъявлению и ценностному освоению мира. Наоборот, профессиональные действия, в том числе властные, выполняются «для блага большого (ученика, гражданина, подсудимого)».

В 1968 г. Т. Парсонс и Н. Сторер указали на четыре особенности профессии как функционального элемента социальной организации. Во-первых, это ответственность за хранение, передачу и использование специализированной суммы знаний. «Именно обладание такими знаниями отличает профессионалов от “непосвященных” и это обладание, будучи продемонстрировано, получает название “Экспертизы”», – пишут авторы². Во-вторых, профессионалы обладают высокой автономией в области привлечения новых членов и контроля за их профессиональным поведением. Третья особенность профессии состоит в покровительстве со стороны общественного окружения, а также в охране от непрофессионального вмешательства. В-четвертых, профессионалы обладают контролем над вознаграждением и, если профессионал стремится заработать вознаграждение со стороны непрофессионалов, он испытывает соблазн изменить своей профессии³. Это относится преимущественно к «обслуживающим» профессиям, интегрированным в экономическую систему. Но и «чистые» профессии функционируют при условии налаженной системы обмена с обществом. В качестве вознаграждения здесь выступает профессиональное признание, предполагающее, в свою очередь, предоставление некоторых материальных благ.

Отмечая тенденцию к усилению коллегиальности в бюрократических организациях, Т.Парсонс связывал ее преимущественно с привлечением профессионалов в частный сектор экономики и правительственные учреждения. Он назвал это явление «профессиональным комплексом»⁴. Решающее различие между профессиональным и коммерческим отношением к делу заключается, по его мнению, в

² Парсонс Т., Сторер Н. Научная дисциплина и дифференциация науки /Пер. с англ. Л.А.Седова // Научная деятельность: структура и институты: Сборник переводов. М.: Прогресс, 1980. С. 28.

³ Там же. С. 29.

⁴ Parsons T. Politics and social structure. New York: Free Press, 1969. P. 505, 508.

том, что профессионалы стоят на позиции «моральной ответственности» и «когнитивной рациональности».

Неофункционалистские исследования показали, что в организациях, где профессиональные нормы высокоинституционализированы, складываются сильные защитные механизмы против выраженных «материалистических» интересов и даже формируются общие антиавторитарные установки. В контексте профессиональной коллегиальности артикулируются антиматериалистические ценностные стандарты и цели социальной политики⁵. В отличие от участников общественных движений, профессионалы создают новые социетальные ценности, вовсе не стремясь участвовать в общественной жизни, а только посредством рутинного воспроизводства этоса коллегиальности. Меритократические версии современной утопии опираются как раз на предположение об экстраполяции норм профессиональной коллегиальности на структуры господства и подчинения.

Этос коллегиальности, воспроизводимый профессионалами, вроде бы находится в конфликте с авторитарной природой политических институтов. Отчасти этим объясняется и кажущееся противостояние интеллектуалов и власти, нашедшее особенно драматическое выражение в «веховской» проблеме. Однако есть несомненная правда в утверждении, что право на экспертизу являет собой форму господства и противостояние профессионализма (с его коллегиальностью) и монархизма может оказаться и часто оказывается призрачным. М.Вебер, вероятно, не придавал значения этой контроверзе. В своем анализе исторических форм коллегиальности он исходил из распространенного в Европе со времен Римской империи равного права членов коллегии наложить вето на принимаемое решение. Таким образом, исключалось преобладание единоличного волеизъявления. Более современная форма профессиональной коллегиальности связывалась Вебером с анонимностью административного действия, которое является результатом совместной работы множества членов бюрократической организации и не зависит от частного мнения ни одного из них. В то же время наблюдается обратный процесс: коллегиальная профессиональная экспертиза превращается в средство политического действия и в силу своей инструментальности уступает место единоличному принятию решений бюрократическим лидером.

⁵ *Sciulli D.* Voluntary action as a distinct concept: Theoretical foundations of societal constitutionalism // *American Sociological Review*. 1986. Vol.90. P. 514-540.

Становление коллегиальных профессиональных структур в современном обществе основано на технической экспертизе, равенстве, консенсусе (участии всех членов организации в принятии решений), специализации. Коллегиальность определяется как доминирующая ориентация на консенсус, достигаемый членами организации экспертов, каждый из которых теоретически равен другому по уровню экспертизы, но специализирован в собственной области⁶.

Профессионал, в отличие от профана, руководствуется прежде всего требованиями технической рациональности и подчиняет свою волю императиву долга. Он не допускает никакой отсебятины – только выполняет предписания. Это делает его равнодушным ко всему, что выходит за рамки профессиональной оптики. Любитель, обладающий высокой квалификацией, отличается от профессионала тем, что вкладывает в свои занятия душу. А у профессионала душа отделена от тела. Например, профессионально подготовленному врачу никогда не придет в голову огорчаться по поводу поведения больного; судья выполняет свои многообещающие действия безотносительно к чувствам симпатии, либо ненависти, которые он может испытывать к обвиняемому. Профессионал – продавец демонстрирует доброжелательное внимание к привередничающему покупателю, хотя мысленно уже назвал его сволочью.

Поэтому профессионализм не обязательно соотносится с определенным социальным статусом, например, статусом высококвалифицированного специалиста. Профессионал может быть и недостаточно квалифицированным. Профессионализм – скорее модус независимости по отношению к миру, где уже все расколдовано и превращено в материал для дела.

Этику профессионала можно определить как этику должностной автономии. В бюрократически организованных системах образования и науки автономия поддерживается системой распределения доходов, предполагающей получение профессионалом жалованья за отправление должности. Прибыль, зависящая от умения приспособиться к вкусам покупателя, должна быть отстранена на второй план. Суть дела заключается в том, что прибыль и зарплата зарабатываются индивидуально, а жалованье выдается в качестве денежного, котлового и вещевого довольствия.

⁶ *Waters M.* Collegiality, Bureaucratization, and Professionalisation: A Weberian analysis // *America Journal of Sociology.* 1989. Vol. 94. No. 5. P. 956.

Служебный компонент с наибольшей отчетливостью явлен в чиновничестве (в том числе и военном), с наименьшей – в сфере торговли, всецело ориентированной на внешние запросы покупателя. Близко к «служебным» профессиям стоит работа врача, для которого считается неэтичным «делать деньги», хотя в Европе и Америке врач – одна из самых высокооплачиваемых профессий. Аналогичным образом не принято говорить о юристе, что он работает за деньги. Работа исследователя тоже совершенно автономна от меркантильных соображений. Все это означает одно: чиновник, врач, юрист и ученый работают хорошо вне зависимости от внешней оценки. В некоторых сферах деятельности, например, в науке, имеет значение даже форма получения вознаграждения – не индивидуальный заработок, а должностные оклады и ставки. В этом отношении профессия – анклав этики долга в мире борьбы всех против всех.

Независимость профессиональной позиции предполагает, что члены корпорации не могут рассматривать свою деятельность под углом зрения «найма», даже если соответствующий контракт действительно имеет место. Равным образом, профессионалы не должны проявлять личную заинтересованность, либо представлять интересы группы, как это делают политические лидеры. Нормы профессиональной экспертизы приобретают самодовлеющий универсальный характер.

Профессиональная этика существенным образом модифицирует тип карьеры, отличая его от обычного пути достижения жизненного успеха. Во-первых, карьера профессионала разделена – чаще всего институционально – на два этапа. Предварительный этап – «годы учения», необходимые не только для приобретения мастерства, но и для освоения дисциплинарных норм. «Экстернат» здесь неуместен, поскольку нормативная система профессионального сообщества (Р.Мертон показал это на примере сообщества ученых) амбивалентна: она содержит кроме норм, которые исполнять обязательно, нормы, которые исполнять не обязательно, а также нормы, которые обязательно не исполнять.

Такого рода нормативные системы не сводятся к артикулированным и, тем более, кодифицированным правилам, поскольку включают в себя правила нарушения правил. В определенной степени эти «отклонения» можно трактовать не как нарушения профессиональных норм, а как «рационализации» аутентичных профессиональным

стандартам планов действия. Иными словами, профессионал должен руководствоваться не столько артикулированными, сколько латентными нормами, чтобы быть полноправным членом «ордена». Все это обязан усвоить подмастерье за «годы учения» посредством самостоятельного домысливания того, о чем не принято говорить на официальных заседаниях коллегий.

Особенностью профессиональной карьеры является также регламент перехода от одной ее стадии к другой. «Годы учения» не заканчиваются по воле и желанию претендента. Здесь необходим ритуал, напоминающий судебную квалификацию деяния. Такова, например, процедура соискания ученой степени и другие формы «хабилизации» научного сотрудника и университетского преподавателя⁷. Смысл этих действий состоит в демонстрации полной беспристрастности членов профессионального сообщества.

Вторая специфическая черта профессиональной карьеры – защита достигнутого статуса. Непрофессионал выполняет определенную работу и играет соответствующие роли. Лишение статуса автоматически влечет лишение роли. Профессиональный статус обычно закрепляется званиями и регалиями, относительно независимыми от эпизодов карьеры и превратностей личной судьбы. Они обеспечивают серьезную защиту от «мирского» давления и независимость профессиональной экспертизы.

Т.Парсонс ввел в социологию науки принципиально важное различие внутренней и внешней экспертизы. Популярный врач, у которого отбоя нет от клиентов, с точки зрения внутренней профессиональной экспертизы может считаться неподготовленным. Успех, достигнутый вне профессиональных канонов, считается несущественным. Поэтому этическая автономия профессионалов приобретает корпоративный характер и оснащается эшелонированной системой защиты от внешней среды. Функции защиты выполняют кажущиеся открытыми и либеральными демократические институты, регулирующие деятельность профессиональных сообществ. В науке – это система ученых степеней и званий, в юстиции – ранги и звания, в чиновничестве – должности. Задача этих институтов – осуществлять внутреннюю профессиональную экспертизу.

⁷ *Parsons N., Platt J.* The American university. Cambridge: Harvard University Press, 1963. P.144.

Таким образом, класс профессионалов существует в той мере, в какой сохраняется корпоративная этика и соответствующие стандарты успеха. Профессиональный успех соотносится прежде всего с внутренней экспертизой: освоение знания и квалификации сопряжено с расширением области влияния в корпоративной среде и, как правило, влечет за собой рост жалования и статуса. Внешнее воспризнание является следствием «внутреннего». Если же успех достигается в профанной области, профессиональный успех дезавуируется. Например, исследователь, получивший высокий статус за заслуги перед политическим режимом, хорошо знает, что его реальный статус в «незримом колледже» снизился и поэтому возврат в профессиональную среду нежелателен. Вместе с тем, «служебные профессии» нередко ограничивают возможности материального потребления, ставят профессионалов перед альтернативой: профессиональное либо личное. Обладая значительной инерцией, профессионалы, как правило, обнаруживают неспособность к адаптации в условиях кризисного социального развития и разрушения социальной структуры общества.

Несомненно, профессия принадлежит к бюрократизированным социальным институтам и профессионал ценит не столько предоставляемые ей привилегии и вознаграждение, сколько свою посвященность в корпоративную «тайну». Ему много труднее сменить ремесло, найти лучшие условия оплаты труда. Отчасти это связано с завышенной самооценкой людей с высшим образованием, которые в России привыкли относиться к торгашеству несколько пренебрежительно.

Если переход из интеллектуальной профессии в «деловую» происходит успешно, вероятность достижения успеха более высока в группе людей с высшим образованием. Рыночные реформы в России поставили многих профессионалов перед дилеммой: работа или жизнь. Особенно это относится к науке, образованию или культуре – традиционно неприбыльным областям. Однако, сохранение позиций в профессиональных корпорациях должно рассматриваться сегодня как более значительный жизненный успех, чем высокие доходы.

SUMMARY

Section: THEORETICAL SEARCH

Skvortsov, Alexey A. On the professor's blame and responsibility10

The article is devoted to the discussion about the ordinary university employees' responsibility for the transformations that have been taking place with higher education recently. The author claims that the university staff found themselves in the field of action of two types of responsibility: moral, accepted voluntarily, and administrative, imposed from the outside. The first type stems from the recognition of its status as a carrier of high culture, who is responsible for the intellectual development of society. The second, on the contrary, seeks to destroy the professor's identity and turn it into an impersonal executor of orders, that is, to exclude the requirements of the first. The system of obligations which imposed by administrative responsibility often looks absurd, and its appeals to employees increasingly contain a threat. In this situation, it is impossible to blame the ordinary professor for the preservation of university's identity, since he becomes a victim of serious situational factors. He hasn't opportunity to confront them individually. Nevertheless, it is fair to impose moral responsibility on the professor for the fate of his scientific field, for the transfer of knowledge to the younger generation and for the development of intellectual culture.

Keywords: ethics, academic ethics, blame, responsibility, education, science, values.

Apressyan, Ruben G. University Identity: to hold back or to modify? 20

Today Russian university has found itself in the midst of heterogeneous flow of transformations. On the one hand, it is facing the challenges caused by deep structural and functional changes in the society (globalization of information processes, groundbreaking in communication technologies, knowledge economy). On the other hand, it has been undergoing permanent reforms for more than a dozen years. Aimed to fit the Russian university into the key trends in the development of higher education in the modern world, the educational reforms have been fundamentally underfunded, not provided with intellectual and organizational resources. The unsolvability of the tasks set under the given objective conditions leads to a deepening of insulation between different groups of the university community, first of all – the teaching staff and administration, which becomes a prerequisite for the emergence of different interest groups and, accordingly, the differentiation of agents of the university's identity. The identity of both groups contains different vectors related to the status of the university and its prospects. Thus, the identity of the university is a multidimensional phenomenon, some elements of which deserve to be retained, and some need to be changed. To keep up with the challenges of the time, the university should bring itself to a comprehensive change in its identity.

Keywords: university identity, technological revolution, knowledge economy, reforms in higher education, alienation in inter-university communities.

Sychev, Andrey A. Freedom, Dependence and Responsibility in the Research and Educational Activities of the University 30

The article is focused on the problem of freedom, dependence and responsibility of a university professor. It is shown that the successful functioning of the university requires positive measures (investing resources and building appropriate infrastructure), as well as negative measures (limiting the interference of the state, church, administration, etc in the process of teaching and research). Supporting the freedom of fundamental research and teaching is not just meeting the needs of today, but also an investment in the economic and social development, which will pay off in the distant future. The author believes that if the state and business are not capable or unwilling to support universities, they should be expected, at least, not to interfere in creative search and teaching. Despite this, the history of university education is replete with numerous attempts to limit the autonomy of universities and curtail academic freedoms, as a result of which the university becomes not the space of the reproduction of freedom but the institution of its suppression. Total control over statements and actions, formalization and senselessness of activity, depriving of the possibility of long-term planning of one's life and career are among the technologies that ensure discipline of teachers. In science and education, which are based on creativity, this situation negatively affects both the quality of work and the teacher's self-awareness. As the result of psychological pressure teachers lose the confidence that their actions can change something, which justifies their "alibi in being". The way out of this passive state is to assume personal responsibility for their activity and the conditions for its possibility. In this situation, university professors are responsible for maintaining academic freedom and autonomy as necessary conditions for the existence of the university.

Keywords: university, freedom, autonomy, creativity, dependence, control, submission, alibi in being, responsibility.

Prokofiev, Andrey V. On Some Aspects of the Ethics of Peer-Review in Academic Journals 42

The paper deals with some aspects of the ethics of peer-review. Due to the fact that nowadays the process of journal publishing becomes a crucial means of setting the scientific agenda and evaluating researches, its conformity with ethical standards turns into the condition of maintaining a healthy academic community. Neither universities nor think-tanks could fulfill their mission if a selection of papers for publication was based on procedures and criteria that did not contribute to the production of knowledge. It is generally recognized that peer-review is a procedure that strongly contribute to it. That is why the author analyzes the problem of peer-reviewers' motivation. He questioned the position of J.Overall that this motivation can be either purely altruistic or purely pragmatic, related to an academic career, and his conclusion that, as a pragmatically motivated activity, peer-review should become an adequately paid work. The author claims that the proper motive of peer-reviewers is not universally altruistic or pragmatic. It pertains to the virtue of service or the academic citizenship (the third part of the aca-

demic ethics). He has no doubts that the hard work of reviewers should be rewarded, but he is also sure that the ethical ground of their activity cannot be replaced by legal and commercial. The next problem discussed in the paper is the problem of the choice between two types of reviewing: the blind peer-review and the open peer-review. The author analyzes the polemics on this matter published in the *Journal of Academic Ethics* in 2003–2008. It underlines normative foundations of peer-review process. Building on this foundations, J.A. Corlett made a conclusion that the anonymous (or blind) peer-review is ethically more justified, though its efficiency strongly depends on the practical wisdom of editors and the integrity of reviewers. In the concluding part of the paper the author compares two documents specifying the normative content of the ethics of peer-review: ‘COP Ethical Guidelines for Peer Reviewers’ by the Committee on Publication Ethics (2013) and ‘CSE’s White Paper on Promoting Integrity in Scientific Journal Publications’ by the Counsel of Science Editors (2018).

Keywords: morality, professional ethics, academic ethics, academic service, academic citizenship, publication ethics, ethics of peer-review.

Tulchinskii, Grigori L. Non-Alibi on the Shovel of Digitalization..... 66

The article contains an attempt to summarize the ethical factors of the forced higher education transition to the digital format. The main attention is paid to the self-determination of the professional university community. It seems that the main area of self-determination is the institutionalization of humanitarian expertise. The such expertise lack puts at risk the interests of both students and teachers with forced poorly thought-out digitalization. If such trends are already evident abroad, then in Russia the professors are in the passive state exceptionally.

Keywords: digitalization, ethics, humanitarian expertise, professors, responsibility, university.

Sogomonov, Alexander Yu. Moral Agenda of the Digital Society..... 71

The problems of current moral transformation of the digital society are under consideration. Digitalization of practically all spheres of humankind life inevitably influence moral dynamics of the world. And pandemic calamity is serving the role of the high pressure trigger for global ethical changes. Contrarily the ethics pay less attention to these socio-technical changes, and in effect is unprepared for the coming of new digital reality. Especially this moral backwardness is manifested by the low ethical interest to the emerging civilization of “Artificial Intelligence” and its loose cohesiveness with global ethical discourse.

Keywords: moral transformation, digital society, ethical discourse, Artificial Intelligence

Column of academician A.A. Guseynov

Ethical Notes: covid-19..... 86

In the essay, the current world situation of the pandemic virus SARS-CoV-2 (covid-19) is regarded as an ethical challenge. The challenge lies in the proposed means of dealing with it, namely, in self-isolation and the expansion of social distance. It is shown that the ongoing correction of lifestyle reveals a deeper con-

nection between self-care and the common good. Forced restriction in space exacerbates the personal sense of time. Moral experiences acquire an existential character, a sense of time expands to unknowable limits. Such an understanding of the relationship between the past, present and future in human life, which is intrinsically connected with moral wisdom, is proposed. Such moral wisdom obliges one to commit each act as if it were the last.

Keywords. Morality. Ethics. Self-isolation. Selfishness. General interest. Future. Perfect future

Section: UNIVERSITY MISSION

***Bogdanova, Marina V. Between tradition and innovation: on the issue of continuity in professorship* 98**

The article discusses the prospects for the development of professorship at the university. Involvement of the teacher in the innovation process shows the presence of his installation at building professional biography of the university. The example of a relatively new format - an educational program with a project method of teaching - shows the potential of such situations for the university. However, only the interest of participants in new situations in achieving the status of "professor" is not enough without the institutional support of the university.

Keywords: professor, continuity, self-determination, transformable university, innovation, tradition, educational program with a design method of teaching.

Section: DEPARTMENT OF APPLIED ETHICS

***Moskvich Yuri N., Viktoruk E.N. Professorship Ethics in Changing Universities* 109**

The article provides an ethical reflection of the development of the Humboldt model of a classical university and its changes in recent decades. The exhaustion of the adequacy of this model in modern conditions is shown. The modern principles of the ethics of science and the attitude of the community of professors of modern Russia to them from the point of view of the principle of "out-of-alibi-being" are considered. The possible effects of a sudden coronavirus pandemic on changing forms of education and on changing directions of priority scientific research are analyzed.

Keywords: Ethical reflection, classical university, university mission, scientific ethics, professor ethics, distance education, Fourth Industrial Revolution, coronavirus pandemic.

***Abilkenova V.A. Digital age and the new situation of the choice of a modern journalist* 118**

The Internet and modern technologies allow journalists to inform society about important events at a qualitatively new level. However, digital technologies not only create new opportunities, but also form new situations of choice for journalists. The article describes two cases on the topic of the new situation of choice in which journalists found themselves. An attempt is made to analyze the decisions and actions of journalists.

Keywords: moral choice of a journalist, public interest, public curiosity, ethics of a journalist, landmarks of choice, digital age, digital journalism.

Section: FROM THE HISTORY OF INNOVATIVE PARADIGM

Ethics and ethos of corporation 133

The materials of the Round Table, organized by the editors of the Bulletin Ethics of Success in 1994, are published. The roundtable participants discussed issues including the ethos of success in professional communities and individual careers, solidarity in corporations of successful professionals. The similarities and differences in the Soviet and post-Soviet models of professionalism were examined.

Keywords: ethos of success, professionalism models, corporatism

Batygin G.S. Professionals in desmagic world..... 158

A theoretical study of the phenomenon of professionalism and a professional corporation is presented. Professionalism is characterized as an ethical requirement in which an element stands out – «elitist equality». Such an element indicates the inapplicability of standard measurements of income, power, and prestige to internal professional regulators. A specific form of equality of professionals – collegiality – differs from collectivity by the presence of a subordination of experts.

Keywords: professional, collegiality, professional corporation, ethical requirements.

Авторы выпуска

Абилькенова Валерия Анатольевна, к.с.н., ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; ст.преподаватель каф. истории и теории журналистики ТюмГУ; Kab-valerya@mail.ru

Апресян Рубен Грантович, д.ф.н., проф., главный научный сотрудник, руководитель сектора этики Института философии РАН; ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; apresyan@mail.ru

Бакштановский Владимир Иосифович, д.ф.н., проф., директор НИИ ПЭ ТИУ; priclet@tsogu.ru

Богданова Марина Владимировна, д.с.н., главный научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; bogdanovamv@tyuiu.ru

Викторук Елена Николаевна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой философии, социологии и религиоведения ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П.Астафьева»; eviktoruk@yandex.ru

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., проф., академик РАН, Институт философии РАН; guseinov@iph.ras.ru

Москвич Юрий Николаевич, к.физ-мат.н., ФГБОУ ВО «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск; yumoskvich@mail.ru.

Прокофьев Андрей Вячеславович, д.ф.н., проф., ведущий научный сотрудник сектора этики Института философии РАН; ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; avprok2006@mail.ru

Скворцов Алексей Алексеевич, к.ф.н., доцент кафедры этики философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; lambis@mail.ru

Согомонов Александр Юрьевич, к.ист.н., ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; sogi@mail.ru

Сычев Андрей Анатольевич, д.ф.н., проф., профессор кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева; sychevaa@mail.ru

Тульчинский Григорий Львович, д.ф.н., проф., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, кафедра междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук; профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, департамент прикладной политологии; заслуженный деятель науки РФ; gtul@mail.ru

List of authors

Abilkenova, Valeriya Anatolievna, Ph.D. in Sociology; Leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); Kabvalerya@mail.ru

Apressyan, Ruben Grantovich, Dr., Professor, Chief Research Fellow, Head, Department of Ethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); apressyan@mail.ru

Bakhtanovsky, Vladimir Iosifovich D.Sc., Professor, Director of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); priclet@tsogu.ru

Bogdanova, Marina Vladimirovna, D.Sc. in Sociology; Leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); bogdanovamv@tyuiu.ru

Viktoruk, Elena Nikolayevna, D.Sc., Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Religious Studies in Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, the city of Krasnoyarsk, Russia; eviktoruk@yandex.ru

Guseynov, Abdusalam Abdulkерimovich, D.Sc., Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, RAS Institute of Philosophy; Chief Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); guseynov@iph.ras.ru

Moskvich, Yuri Nikolaevich, PhD in physics and mathematics, Siberian Federal university, Krasnoyarsk, Russia; yumoskvich@mail.ru.

Prokofiev, Andrey Vyacheslavovich, D.Sc., Professor, Leading Research Fellow, Department of Ethics, Institute of Philosophy RAS; Leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); avprok2006@mail.ru

Skvortsov, Alexey Alexeyevich, Phd, associate professor, ethics chair, faculty of philosophy, Lomonosow Moscow State University; lambis@mail.ru

Sogomonov, Aleksander Yuriyevich, Ph.D. in Historical Sciences, senior researcher of the Institute of sociology, Russian Academy of science; leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); sozi@mail.ru

Sychev, Andrey Anatolievich, D.Sc., Professor, Department of Philosophy at National Research Mordovia State University; sychevaa@mail.ru

Tulchinskii, Grigorii Lvovich, Doctor of Philosophy, Professor, St.Peterburgian State University, department of interdisciplinary synthesis; National Research University «Higher School of Economics» – St.Petersburg; Hohored Scientist of Russia; gtul@mail.ru

О журнале

Журнал «Ведомости прикладной этики» учрежден Тюменским государственным нефтегазовым университетом (переименованным в 2016 г. в Тюменский индустриальный университет). С 1995 года журнал выходил под названием «Ведомости».

С 2012 года журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций под названием «Ведомости прикладной этики». Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52155 от 11 декабря 2012 г. Зарегистрирован Международным центром регистрации мировой периодики: ISSN 2413-0451 (Online), ISSN 2307-518X (Печатная версия). Подписной индекс в каталоге Агентства «Роспечать» 70872.

Цель журнала – дисциплинарное закрепление и развитие этико-прикладного знания, продвижение научных результатов в практику. Его задачи: поддержание публичного пространства профессиональной рефлексии о природе прикладной этики, современных тенденциях ее развития; освоение инновационной парадигмы этико-прикладного знания.

В журнале публикуются результаты теоретических и проектных исследований в многообразных отраслях прикладной этики, прежде всего – университетской (академической), инженерной, журналистской, этики воспитания. Обсуждаются отечественный и зарубежный опыт этико-прикладных инноваций, в том числе в развитии этических инфраструктур, в создании учебных пособий; актуальные проблемы университетского образования в сфере прикладной этики. Журнал издается в печатной форме с периодичностью 2 номера в год. Рукописи статей для публикации в журнале оформляются в соответствии с Правилами для авторов, разработанными редколлегией журнала. Журнал «Ведомости прикладной этики» рецензируемый (поступающие в журнал тексты статей представляются на рецензирование специалистам). Журнал ориентирован на научных работников, преподавателей, соискателей ученых степеней по прикладной этике, магистрантов, сотрудников этических инфраструктур организаций, предприятий и фирм.

Адрес редакции:

625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38;

тел. (3452)28-30-54; e-mail: priclet@tsogu.ru

Электронные версии:

на сайте ТИУ: <http://www.tsogu.ru/nii/ethics/zhurnal-vedomosti/>

в системе РИНЦ: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=38819>

Научное издание

ПРОФЕССОР
В ТРАНСФОРМИРУЕМОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
«ВНЕ-АЛИБИ-БЫТИЕ»

Ведомости прикладной этики

Выпуск 56

Под ред. В. И. Бакштановского

Ответственный секретарь журнала М. В. Богданова
Редактор выпуска И. А. Иванова

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52155 от 11.12.2012.

Подписано в печать 03.08.2020. Формат 70x100/16.
Гарнитура Arial. Усл. печ. л. 22,0. Тираж 500 экз. Заказ № 1898.

НИИ прикладной этики ТИУ
625000, г.Тюмень, ул.Володарского, 38.
Контактный телефон (3452) 28-30-54.
E-mail: priclet@tsogu.ru

Библиотечно-издательский комплекс
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38.

Типография библиотечно-издательского комплекса.
625039, г.Тюмень, ул.Киевская, 52.